

Впервые на русском!

Николя Барро
ЛЮБОВНЫЕ
ПИСЬМА
С МОНМАРТРА

Сердце разрывается!.. трогательно и волшебно
от первой до последней страницы.

Elle

Annotation

Еще недавно молодой писатель Жюльен Азуле мог назвать себя счастливым человеком. Все изменилось после смерти его жены Элен: когда-то открытый и общительный, Жюльен замкнулся в себе. Ни маленький сын, ни друзья, ни издатель не могут снова пробудить в нем интерес к жизни. И только письма к по-прежнему горячо любимой жене, которые Жюльен носит на кладбище, дают ему возможность излить свою печаль. Но однажды письма исчезают, а вместо них Жюльен обнаруживает каменное сердечко. Это знак свыше или чья-то злая шутка? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, Жюльену нужно начать новую главу своей жизни и открыть сердце для новой любви.

Впервые на русском языке.

- [Николя Барро](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Эпилог](#)
- [Послесловие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
-

Николя Барро

Любовные письма с Монмартра

© И. П. Стреблова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

*Моей матушке,
которая показала мне могилу Генриха Гейне
и многое другое, чего я никогда не забуду.
Спасибо за все*

*Милая,
Ах, приди,
Чтобы со мною быть,
Как в те майские дни.*

Пролог

На знаменитом холме Монмартр в центре Парижа, где на площади Тертр вокруг уличных художников, выставляющих свои сомнительного достоинства творения, толпятся туристы, где весной по оживленным улочкам гуляют, взявшись за руки, влюбленные, а устав, присаживаются на ступеньках базилики Сакре-Кёр отдохнуть и полюбоваться раскинувшимся перед ними городом, пока он, розовея в последних лучах заката, не погрузится в ночную тьму, – так вот, на этом холме есть еще и свое кладбище. Это кладбище очень старинное, с многочисленными дорожками и широкими тенистыми аллеями, укрытыми развесистыми кленами и липами, и у каждой дорожки, как у настоящих городских улиц, имеется свое название и нумерация. В этом маленьком городке очень тихо. Среди тех, кто здесь похоронен, есть и знаменитости, а есть и совсем неизвестные. Есть могилы с великолепными надгробиями и статуями ангелов, облаченных в длинные каменные одеяния, они стоят, простирая руки и устремив взор к небесам.

На кладбище входит темноволосый мужчина. Он ведет за ручку маленького мальчика и останавливается у ничем не знаменитой могилы. Тот, кто в ней похоронен, ничем не прославился. Это не писатель, не музыкант или художник. И даже не дама с камелиями. Просто человек, которого очень любили.

Однако ангел на бронзовой плите, помещенной на мраморный постамент, – один из самых красивых на кладбище. Женская фигурка, обернувшаяся назад с серьезным, может быть, даже философским выражением на лице; длинные волосы взвились, точно подхваченные дующим в спину ветром. Мужчина неподвижно стоит перед ангелом, в то время как дитя резво бежит среди могил, пустившись вдогонку за парой ярких крылышек.

– Смотри, папа! – крикнул ребенок. – Бабочка! Ну до чего же красивая, правда?

Мужчина едва заметно кивает. Красоты для него больше не существует на свете, а в чудеса он давным-давно перестал верить. Откуда же ему догадаться, что вот здесь – именно здесь – произойдет

нечто такое, что поневоле согласишься верить в чудо. В настоящий момент он еще считает себя самым несчастным человеком на свете.

На кладбище Монмартра он познакомился со своей женой. Пять лет назад, у могилы Генриха Гейне. Был светлый майский день, и он был началом истории, которая недавно безвозвратно закончилась.

Мужчина бросил последний взгляд на родные черты бронзового ангела. Он тайно пишет письма. Но скоро произойдет то, что окажется для него таким же неожиданным, каким часто бывает счастье или любовь. А между тем счастье и любовь всегда рядом и никуда не исчезли. Ему, писателю, следовало бы это знать.

Мужчину зовут Жюльен Азуле.

И Жюльен Азуле – это я сам.

Глава 1

Мир без тебя

Только я сел за стол, чтобы наконец-то выполнить данное обещание и написать письмо Элен, как вдруг в дверь позвонили. Я решил не отзывать, неторопливо отвинтил колпачок вечной ручки и положил перед собой лист белой бумаги. Написал: «Дорогая Элен» – и с каким-то чувством беспомощности застыл над строчкой из двух слов, которые смотрели на меня так же потерянно, как я ощущал себя все последние недели и месяцы.

Что прикажете написать человеку, которого ты любил больше всех на свете и которого по воле рока больше нет? Еще тогда у меня было предчувствие, что я совершаю безумный поступок, давая ей это обещание. Но Элен настояла. А если уж моя жена что-то взяла себе в голову, ее было не переспорить. В конце концов, она всегда умела настоять на своем. Элен была таким волевым человеком. Только в споре со смертью ей пришлось уступить. У смерти воля оказалась еще сильнее.

Звонок повторился. Но я уже унесся в мыслях далеко отсюда.

Я горько усмехнулся. Передо мной, как наяву, возникло ее осунувшееся лицо с зелеными глазами, которые день ото дня становились как будто все больше и больше.

– Я хочу, чтобы ты после моей смерти написал мне тридцать три письма, – сказала она, устремив на меня настойчивый взгляд. – По одному письму за каждый прожитый мною год. Обещай мне это, Жюльен!

– И для чего это, по-твоему, нужно? – возразил я. – Тебя это все равно не оживит.

В то время я не помнил себя от страха и горя. Я день и ночь сидел у кровати Элен, сжимал ее руку в своей, не в силах представить свою жизнь без нее.

– Зачем мне писать письма, зная, что никогда не дождусь ответа? Это же не имеет никакого смысла, – повторял я тихо.

Она сделала вид, что не слышит моего возражения:

– Просто пиши мне. Пиши, что делается в мире без меня. Пиши о себе и об Артуре. – Она улыбнулась, и у меня к глазам подступили слезы. – В этом будет смысл, поверь мне. И я уверена, что в конце концов ты получишь ответ. А я, где бы там ни оказалась, прочту твои письма и уж как-нибудь буду за вами приглядывать.

Я помотал головой и произнес сквозь рыдания:

– Я не смогу, Элен, меня просто на это не хватит!

Сказав так, я, конечно, имел в виду не только эти тридцать три письма, а все вместе. Как я буду жить без нее! Без Элен!

Она ласково взглянула на меня, и жалость, которую я увидел в ее глазах, чуть не разорвала мне сердце.

– Бедный мой муженек, – сказала она, ободряюще пожимая мне руку, и я почувствовал, какого усилия ей стоило это движение. – Крепись, тебе придется быть сильным. Теперь на тебя ляжет вся забота об Артуре. Ты так ему нужен. – А затем повторила то, что уже не раз говорила с тех пор, как на нас обрушился грозный диагноз (вероятно, в отличие от меня, эти мысли ее успокаивали):

– Мы ведь все когда-нибудь умрем, Жюльен. Это совершенно нормально, так уж все устроено на свете. Что поделаешь, если мой черед наступил несколько раньше. Если честно сказать, меня это не особенно радует, но так уж случилось. – Она бессильно пожала плечами. – А сейчас поцелуй меня!

Я отвел с ее лба медно-рыжую прядь и нежно поцеловал в губы. В последние месяцы своей жизни, неожиданно оказавшейся такой короткой, она сделалась такой хрупкой, что, бережно обнимая ее, я испытывал страх, как бы чего не повредить, хотя на самом деле все в ней уже было разрушено, и только ее дух оставался несломленным – духом она была сильнее меня.

– Обещай мне это, – повторила она, и я увидел, как что-то блеснуло в ее глазах. – Держу пари, что, когда ты напишешь последнее письмо, твоя жизнь уже повернется к лучшему.

– Боюсь, ты проиграешь это пари.

– А я верю, что нет, не проиграю. – По ее лицу пробежала вещая улыбка, веки затрепетали. – И тогда ты принесешь мне огромный букет роз – самый большой из всех, какие найдутся на кладбище – чтоб ему пусто было!

Такой вот была Элен. Даже в самые ужасные минуты она была способна заставить меня улыбнуться. Одновременно плача и смеясь, я взял ее протянутую исхудалую руку и дал слово исполнить просьбу.

Слово писателя. В конце концов, она же не говорила, когда именно я должен написать ей эти письма. И вот наступил октябрь, его сменил ноябрь, а там и декабрь. Грустные месяцы проходили один за другим, сменялись времена года, а для меня все они были одинаковыми. Солнце скатилось с небосвода, и я остался жить в крошечной-черной яме, где исчезли все слова. Наступил март, а я все еще не написал ни одного письма. Ни единого.

Не то чтобы я не пытался. Я хотел исполнить обещание, последнюю волю Элен. Корзина для бумаг у меня была доверху набита скомканными листами с незаконченными предложениями. Например, такими:

Моя горячо любимая Элен, с тех пор как тебя нет со мной, я не нахожу...

Дорогая, я так устал от всех этих мучений, что часто спрашиваю себя, стоит ли жить для того...

Любимая, вчера я нашел стеклянный снежный шар из Венеции. Он лежал в твоей тумбочке, в самой глубине ящика, и я невольно вспомнил, как мы с тобой...

Любимый мой человек, самый лучший на свете! Я тоскую по тебе каждый день, каждый час, каждую минуту, знаешь ли ты...

Дорогая Элен! Вчера Артюр сказал, что ему плохо с таким грустным папой, а у тебя ведь там, где живут ангелы, все хорошо...

Элен! Mayday! Mayday!^[1] Это крик погибающего. Вернись ко мне! Я больше не могу.

Ангел мой! Сегодня я видел тебя во сне и, проснувшись утром, очень удивился, что тебя рядом нет...

Любимая моя, ненаглядная! Не подумай, пожалуйста, что я забыл про свое обещание, но я...

Но ничего, кроме этого бессвязного лепета, я так и не сумел изложить на бумаге. Я сидел настолько подавленный навалившимся на

меня горем, что не находил нужных слов. За все это время я вообще ничего не написал – для писателя в этом нет ничего хорошего, – не по этой ли причине входной звонок заливается как на пожар?

Вздыхнув, я снова положил ручку на стол, встал и подошел к окну. Внизу, на улице Жакоб, стоял элегантный, невысокого роста мужчина в темно-синем дождевике, явно решивший не отнимать пальца от кнопки и звонить до победного. Этого я давно опасался.

Мужчина задрал голову к сырým весенним небесам, по которым неслись подгоняемые ветром облака. Я отпрянул от окна.

Это был Жан-Пьер Фавр, мой издатель.

Сколько себя помню, меня всегда притягивал мир изящной словесности. Сначала я работал журналистом, затем писал сценарии. А затем наконец опубликовал свой первый роман. Комедийную романтическую историю, которая, по-видимому, чем-то зацепила читателей и нежданно-негаданно вдруг оказалась бестселлером. Париж называют городом любви, однако издатели в поисках нового материала не всегда обращают внимание на эту тему. Мне тогда приходил отказ за отказом, а то и вовсе я не получал никакого ответа, но однажды ко мне обратилось маленькое издательство, офис которого был расположен на улице Сены. Жан-Пьер Фавр, директор издательства «Гарамон», пока его коллеги искали литературные шедевры высокоинтеллектуального направления, заинтересовался моей книжицей, полной неожиданных трагикомичных поворотов, отдающей дань романтизму.

– Мне уже шестьдесят три года, и с возрастом меня все сложнее рассмешить, – сказал Жан-Пьер Фавр при нашей первой встрече в «Café de Flore». – А ваша книга, месье Азуле, заставила меня рассмеяться, и это что-то значит в сравнении с большинством нынешних книг. Чем старше мы становимся, тем реже смеемся, можете мне поверить.

С невольным вздохом он откинулся на спинку кожаного диванчика возле окна в зале второго этажа, где для нас нашелся свободный столик. Он развел руками, изобразив комическое отчаяние, и продолжил:

– И вот я спрашиваю себя: куда только подевались все писатели, которые умели писать настоящие комедии с душой и фантазией? Нет,

все, видите ли, сговорились описывать настроения безнадежности, гибели, сочинять великие драмы. Все драма, драма и драма! – Он несколько раз хлопнул себя по лбу, обрамленному аккуратно причесанными, уже редющими сединами. – Депрессивные настроения обитателей больших городов, няньки-убийцы, ужас, внушаемый «Аль-Каидой», и тому подобное. – Он смахнул со стола несколько крошек. – Все это имеет право на существование, и все же... – Наклонившись ко мне через стол, он пристально посмотрел на меня своими светлыми глазами. – Но вот что я вам скажу, молодой человек. Написать хорошую комедию на самом деле гораздо труднее, чем кажется на первый взгляд. Насочинять что-нибудь такое, где нет нагромождения банальностей, и оставить у читателей ощущение, что жить на свете все-таки стоит, – вот в чем заключается настоящее искусство! По крайней мере, я сам уже слишком стар для таких историй, после которых самое лучшее – это отправиться на ближайшую высотку и кинуться с нее вниз головой.

Торопливым движением он разорвал пакетик с сахаром, высыпал его в свой свежесжатый апельсиновый сок и нетерпеливо размешал содержимое бокала.

– Или, к примеру, кино! Возьмем кино!

Он выдержал театральную паузу, а я с нетерпением ждал, что будет дальше. Как я успел убедиться, этот человек блестяще владел искусством риторики.

– Сплошная «Tristesse» и дурацкие амбиции: главное, к чему сейчас каждый стремится, – это представить себя уникальной личностью. А мне-то, понимаете ли, хочется посмеяться. Мне хочется чего-то такого, что затронуло бы мое сердце. – Он приложил ладонь к видневшемуся из-под пиджака небесно-голубому жилету и сделал большой глоток из бокала с соком; внезапно его лицо расплылось в мальчишеской улыбке. – Вы видели тот японский фильм про мясника, который влюбился в своего поросенка, где они под конец совершают вместе самоубийство путем харакири? Я о том, что ведь надо же было такое выдумать! – Он покачал головой. – Люди походили с ума. Я с тоской вспоминаю таких деятелей кино, как Билли Уайлдер^[2] и Питер Богданович^[3]. – Чтобы подчеркнуть сказанное, он несколько раз прищелкнул языком. – Остается только надеяться, что Вуди Аллен еще некоторое время продержится. «Полночь в Париже» у него был

замечательный фильм, не так ли? Это же зачаровывало зрителя, развлекало, давая пищу для ума, заставляло улыбнуться. Мы с женой выходили после сеанса окрыленные!

Я согласно кивнул, хотя фильма этого не видел.

– Поверьте мне, месье Азуле, жизнь и без того штука невеселая, а потому нам нужно побольше таких книг вроде вашего романа, – закончил он свою пламенную речь и протянул мне для подписи свою фирменную ручку «Монблан». – Я верю в вас.

С тех пор прошло уже шесть лет. Мой роман стал бестселлером, а издательство «Гарамон» подписало со мной договор на три следующих романа, что обеспечило мне надежную финансовую базу на три года вперед, я получил возможность целиком посвятить себя писательству. Я познакомился с рыжеволосой Элен, которая любила стихи Генриха Гейне и, стоя под душем, распевала песни Саша́ Дистеля^[4]. Она стала учительницей, забеременела, вышла за меня замуж, у нас родился ребенок – мальчик, которому, как любила подчеркивать Элен, повезло унаследовать мои темно-русые волосы, а не ее рыжие патлы.

Жизнь была светла, как солнечный летний день, и нас во всем, казалось бы, сопровождала удача.

Пока вдруг не обрушилась беда.

– Кровь откуда не следует, – сказала однажды утром Элен, выйдя из ванной. – Ну ничего! Авось ничего серьезного.

Но оказалось, что все как раз серьезно. Да так серьезно, что хуже не бывает. До сих пор я зарабатывал тем, что писал пользующиеся популярностью веселые романтические истории. А тут вдруг мой лексикон пополнился такими пугающими словами, как «колоректальная карцинома», «опухолевые маркеры», «цисплатин», «метастазы», «капельница морфия», «хоспис».

Тут я сполна узнал, что жизнь – это не веселое развлечение, хотя Элен и держалась молодцом, а прогнозы поначалу звучали очень оптимистично. Год спустя болезнь, казалось, окончательно отступила. Было лето, мы поехали с Артюром на море, в Бретань. К жизни мы теперь относились как к бесценному дару. Мы ведь чудом спаслись.

И тут Элен начала жаловаться на боли в спине.

– Я понемногу превращаюсь в старушку, – шутила она, кутаясь на пляже в яркое парео.

В это время метастазы разошлись у нее уже по всему телу, впились в него своими клешнями, и изгнать их было невозможно никакими силами. К середине октября все было кончено. Метастазы распались, а вместе с ними и Элен, моя жизнерадостная жена, веселая хохотунья, всегда такая оптимистка, а с ней умерли все наши общие мечты.

Я остался один с маленьким сыном на руках и с тяжким грузом на душе, с невыполненным обещанием и тающим на глазах банковским счетом. Был уже март, а я уже год как не написал ни строчки, и сейчас у меня под дверью стоял мой издатель, преисполненный желанием узнать, каковы мои дальнейшие планы.

Он прекратил звонить.

Месье Фавр был благородный человек. Все это время он проявлял большое понимание. До сих пор он ни разу не попытался нажать на меня. Он терпеливо ждал, давая мне время оправиться от пережитого, прийти в себя и, как говорится, взять себя в руки. Он ни словом не упомянул о романе, выпуск которого был запланирован к началу осеннего сезона, а затем, ни словом не упрекнув, отодвинул на весенний квартал.

И только две недели назад он впервые попытался связаться со мной. Как видно, поблажки закончились, да и сколько можно со мной носиться! Сначала осторожные вопросы по автоответчику, который у меня работал круглосуточно. Сочувственное письмо с вопросом в конце. Его номер то и дело высвечивался у меня в телефоне.

Я же отвечал гробовым молчанием, потому что и вправду был ни жив ни мертв. Творческая жилка во мне умерла. Ирония обратилась в цинизм. Я жил как во сне и не желал ни с кем общаться. Да и что я мог бы ему сказать? Что никогда больше не смогу написать ничего стоящего? Что утратил дар слова? Глубоко несчастный человек, подписавший долгосрочный договор на создание веселых романов, – ирония судьбы, да и только!

И кто же это придумал сыграть со мной такую злую шутку, чтобы окончательно меня погубить!

– Драма, драма, драма, – пробормотал я с горькой улыбкой и снова выглянул в окно.

Месье Фавр куда-то исчез, и я облегченно вздохнул. Очевидно, он понял, что бесполезно пытаться.

Я закурил сигарету и посмотрел на часы. Еще три часа, и надо будет идти в детский сад за Артюром. Только ради Артюра я еще как-то существовал. Ради него я вставал, одевался, шел в супермаркет за едой. Разговаривал.

Малыш настойчиво меня теребил. Настойчивость он унаследовал от матери. Он тянул меня ручонками в свою комнату, чтобы показать мне, какую пирамиду он собрал из конструктора лего, ночью приползал ко мне в кровать и доверчиво прижимался всем тельцем, втягивал меня в разговоры, задавал тысячи вопросов, строил планы: «Я хочу в зоопарк посмотреть на жирафов», или «Ой, папа, какой ты колючий!», или «Ты обещал, что считаешь мне вслух», или «А мама теперь легче воздуха?»

Я погасил сигарету и снова вернулся за письменный стол. Я слишком много курю. Слишком много пью. И питаюсь желудочными таблетками. Я вытащил из пачки новую сигарету, с обертки на меня смотрел отвратительный снимок легкого курильщика. Подумаешь! Когда-нибудь и мне придет конец, но прежде я, по крайней мере, напишу это письмо – первое из тридцати трех обещанных, которые казались мне такими же лишними, как зуб на шее. Письма к умершей женщине. Я провел руками по волосам. «Ах, Элен, почему? Почему?» – пробормотал я, уставясь на фотографию в рамочке, стоявшую на кожаном покрытии письменного стола.

Динь-дон – раздался квартирный звонок, я вздрогнул от неожиданности. С перепуга дернул цепочку старомодной зеленой настольной лампы и погасил включенный еще ранним утром, а сейчас бесполезный электрический свет. Кто бы это еще мог быть? Через секунду кто-то заколотил в дверь кулаком:

– Азуле! Азуле! Откройте! Я знаю, что вы дома.

Ну да, я сидел дома в моем добровольном заточении на четвертом этаже. Мне вдруг вспомнилось, как несколько лет назад мы с Элен впервые зашли сюда в сопровождении маклерши и очутились среди голых стен старинной квартиры. Из полученного гонорара мы смогли заплатить тогда первый взнос. Маклерша говорила, что о такой квартире можно только мечтать: солнечная, расположенная на тихой улице в двух шагах от бульвара Сен-Жермен. «Однако без лифта, – заметила ей Элен. – И когда постареем, нам придется изрядно

попыхтеть, карабкаясь вверх по лестнице». Мы все посмеялись: старость казалась тогда еще так далеко.

Даже странно, о чем только иногда не задумывается человек, а в действительности все оказывается не так, как ты предполагал.

Значит, Жан-Пьеру Фавру каким-то образом все же удалось проникнуть внутрь дома и с легкостью преодолеть все лестничные пролеты.

Вероятно, позвонил в какую-нибудь из соседских квартир. Только бы не к Катрин Баллан, у которой на всякий случай хранился запасной ключ от нашей квартиры. Катрин была любимой подругой моей жены. Она жила в квартире под нами, одна с кошкой Зази, и старалась помочь мне, как могла. За пять дней до смерти Элен она все еще верила, что та поправится. Иногда Катрин присматривала за Артюром, и они часами играли в карточную игру под названием «Уно», хотя в чем ее смысл, я так и не разобрался. Катрин была безмерно добра, но и сама слишком сильно горевала по Элен, чтобы утешить меня в моей утрате. И хуже того: иногда ее вздохи «Ах, Жюльен!» и печально-выразительный, как у Жюли Дельпи, взгляд доводили меня до того, что я просто не мог уже этого вынести.

Не хватало только, чтобы я расплакался ей в жилетку, нет уж, благодарю покорно!

– Азуле, Азуле! Перестаньте же, наконец, ребячиться! Я только что видел вас в окне. Откройте дверь! Это я, Жан-Пьер Фавр, ваш издатель. Вы еще помните? Сколько можно держать меня тут на лестнице! Я только хочу с вами поговорить. Откройте же!

Стук в дверь повторился.

Я притаился за столом, как мышь. Удивительно, с какой силой может стучать этот маленький человечек с идеально ухоженными руками!

– Не можете же вы вечно прятаться в своей норе! – снова прозвучал голос за дверью.

«Еще как могу», – возразил я мысленно.

Подкравшись на цыпочках к двери, я прислушался, в надежде, что сейчас на лестнице раздадутся его удаляющиеся шаги, но оттуда не слышно было ни звука. Наверное, мы оба стояли под дверью: он – снаружи, я – внутри, и напряженно прислушивались, затаив дыхание.

Затем послышался шорох отрываемой из блокнота страницы. Через несколько секунд под дверь был просунут листок.

«Азуле! С Вами там все в порядке? Пожалуйста, ответьте мне хотя бы, что у Вас все хорошо. Вы можете мне не открывать, но я не уйду, пока Вы не подадите хоть какой-то знак, что Вы живы. Я беспокоюсь за Вас».

Очевидно, он уже представлял себе, что я стою на стуле, засунув голову в петлю, как страдающий депрессией герой одного из его любимых фильмов – «Хлеб и тюльпаны».

Невольно улыбнувшись, я крадучись вернулся за письменный стол.

«Все в порядке», – написал я печатными буквами и просунул листок в дверную щель.

«Почему же тогда Вы не открываете?»

Подумав секунду, я ответил: *«Не могу»*.

Тут же пришел обратный ответ: *«Что значит – не можете? Вы не одеты? Или пьяны? Или Вы в обществе дамы?»*

Я схватился рукой за рот, плотно сжал губы и помотал головой. В обществе дамы! Только Фавр способен употребить такое старомодное выражение.

«Нет никакого дамского общества. Сижку пишу».

Я опять переправил ему записку через щель под дверью и стал ждать.

«Я рад это слышать, Азуле. Хорошо, что Вы опять начали писать. Это Вас отвлечет, вот увидите. В таком случае не буду мешать. Пишите, мой друг! И дайте о себе знать. До скорого!»

«Да. До скорого! Я позвоню», – написал я в ответ.

Жан-Пьер Фавр в нерешительности постоял еще немного под дверью, затем я услышал его шаги по лестнице. Я поспешил к окну и увидел, как он вышел из дома, поднял воротник плаща и энергично засеменял по улице Жакоб в сторону бульвара Сен-Жермен.

Тогда я сел за письменный стол и принялся писать.

Дорогая Элен!

Тебе бы похороны понравились. Это звучит так, как будто они были вчера, но для меня так оно и есть, хотя вот уже шесть месяцев, как тебя не стало. С того сияющего

золотом октябрьского дня, который выдался таким неподходящим для похорон, но зато пришелся под стать твоей лучезарной натуре, время остановилось. Надеюсь, ты не обижаешься на меня за то, что я только сейчас собрался тебе написать. Первое из тридцати трех бесполезных писем. Нет, прости! Я не хочу быть циничным. Ты так этого хотела, я дал тебе честное слово и сдержу это последнее обещание. Уверен, ты неспроста так задумала. Хотя я пока не понимаю, что именно ты имела в виду.

С тех пор как тебя нет, все потеряло смысл.

Но я пытаюсь. Я честно стараюсь. Ты сказала тогда, что прочтешь мои письма откуда угодно, где бы ни оказалась. Мне так хочется в это верить. Что мои слова как-нибудь долетят до тебя.

Скоро уже весна, Элен. Но какая же весна без тебя! За окном несутся облака, идет дождь, нет-нет да проглянет солнце. В этом году мы не будем гулять с тобой в Люксембургском саду и, подхватив с двух сторон Артюра, дружно поднимать его – на «раз, два, три – эх! Полетели!».

Боюсь, я не слишком успешно справляюсь с ролью отца-одиночки. Артюр уже жалуется, что я совсем перестал смеяться. Недавно мы вместе смотрели старый диснеевский фильм «Робин Гуд». Ну, знаешь, тот, где Робин – это лисенок. И вот, когда дело дошло до сцены, в которой Робин Гуд и его шайка по канату утаскивают у злого короля Джона мешки с деньгами, пока тот храпит в постели, Артюр вдруг сказал: «Папа, тут надо смеяться! Смотри, как тут весело!» И я тогда скривил рот и сделал вид, как будто смеюсь.

Ах, Элен! Я же все время делаю все «как будто». Изображаю, как будто смотрю телевизор, изображаю, как будто читаю, как будто пишу, говорю по телефону, хожу в магазин, ем, гуляю, слушаю. Изображаю, как будто живу.

Все дается очень трудно, трудно жить. Поверь, я очень стараюсь. Пытаюсь быть сильным, как ты сказала, и как-то справляться без тебя.

Но в мире без тебя стало так одиноко, Элен. Без тебя я такой потерянный. У меня такое чувство, будто, за что я ни возьмусь, у меня все валится из рук.

Но тебе бы похороны понравились. Все говорили, что похороны были прекрасные. Это, конечно, оксюморон: само выражение «прекрасные похороны» содержит в себе противоречие, и все же... Я все сделал, как ты пожелала. Этим я имею право гордиться.

На кладбище Монмартра я нашел прекрасное местечко, прямо возле старого каштана. И даже могила Генриха Гейне поблизости от твоей – ты бы одобрила. И я заранее всех предупредил, как ты хотела, чтобы не приходили в черном. В тот октябрьский день, вскоре после твоего тридцать третьего дня рождения, до которого ты еще успела дожить, все было, кажется, идеально. Но если бы только этот день не был прощанием с тобой. Светило солнце, листва горела золотом и багрянцем, вокруг царил покой, почти что безмятежный, и за твоим гробом, усыпанным цветами, тянулась длинная процессия пестро одетых людей, словно идущих на праздник. Я спрашивал себя: может ли красочное одновременно быть печальным? Оказывается, может.

Собрались все. Твой отец, мой брат и твои тетушки и кузины из Бургундии. Моя мать и ее сестра Кароль, которая привела даже своего впавшего в беспамятство мужа Поля, и он то и дело спрашивал: «А кого хоронят-то?» И тотчас же забывал услышанное. Пришли все наши друзья. Даже твоя подруга детства Анни приехала из Онфлёра и, запыхавшаяся, прибежала на кладбище, когда торжественная церемония в часовне уже закончилась и все собрались вокруг могилы. Она опоздала из-за того, что под поезд бросился какой-то дурень-самоубийца. Ей все же как-то удалось поймать таксиста, который на бешеной скорости домчал Анни до Парижа. Ее венок из роз и лилий был весь потрепанный, но она все же успела, верная душа.

Пришло много твоих сослуживцев, школьники из твоего класса. Директор сказал в часовне несколько добрых слов,

священник тоже провел все как следует. Школьный хор очень трогательно исполнил «Аве Мария». Катрин произнесла в твою честь чудесную речь, которая никого не оставила равнодушным. Она держалась совершенно спокойно и сдержанно, и это вызвало у меня большое уважение. После она призналась мне, что принимала успокоительное. Сам я был не в состоянии выступить с речью, так что я даже не пытался, – думаю, ты меня поймешь. Но я поставил в часовне твой большой портрет – фотографию, на которой ты стоишь, скрестив руки, на фоне большого поля лаванды и беспечно хохочешь, глядя в объектив. Первый отпуск, который мы провели вместе в Провансе, ты помнишь? Ты на ней такая счастливая! Эта фотография всегда была у меня одной из самых любимых, хотя ты ее критиковала. За то, что щуриться на ней от солнца.

И я выбрал для тебя песню, которая прозвучала, когда мы собрались у могилы: «Tu es le soleil de ta vie»^[5]. Ведь такой ты и была для меня всегда, моя любимая: ты озаряла мою жизнь солнечным светом.

Артур ужасно плакал, когда твой гроб опускали в землю. Он так и прижался ко мне, потом к татие^[6]. Наверное, для всех нас это было ужасно. Смотреть, как ты скрываешься в этой глубокой яме, на веки вечные, безвозвратно. Александр был для меня опорой, он все время стоял рядом, как несокрушимая скала в волнах прибоя, сжимая мое плечо. «Поверь мне, это самый тяжелый момент, – сказал он. – Хуже уже не будет».

Мне вспомнились слова Филиппа Клоделя, он где-то сказал, что под конец мы все провожаем гробы.

Я стоял точно окаменевший, видел перед собой цветы и венки с последним приветом, моего сынишку в слезах, у которого больше не было матери, а потом я вообще перестал видеть, потому что ослеп от слез, застилавших глаза. Потом, когда мы уже были в ресторане, стало как-то полегче. Все оживленно беседовали друг с другом, с аппетитом набросились на еду, все с облегчением вздохнули

оттого, что это закончилось, всех собравшихся объединило сердечное и сочувственное настроение, какое иногда возникает на веселом празднестве, которое свело вместе самых разных людей. Даже я с кем-то беседовал и немного поел, потому что внезапно почувствовал страшный голод. Артюр подбегал то к тому, то к другому из присутствующих и рассказывал, будто сейчас ты со всеми своими чемоданами прибыла на небо, потому что хочешь там быть красивой. И будто бы ты наверняка радуешься встрече с твоей татап. (Насчет последнего я не так уж уверен, зная сложный характер твоей матушки. Надеюсь все же, что на небе вы больше не станете ссориться, как раньше. Говорят ведь, что там царит мир и согласие).

Артюр, во всяком случае, представляет себе дело так, будто ты, словно по волшебству, покинула свой гроб и теперь витаешь в заоблачной вышине. Он твердо уверен, что тебе там хорошо, раз ты сделалась ангелом и каждый день лакомишься вишневыми *clafoutis* – своими любимыми горячими пирогами. На днях я приготовил ему спагетти с его любимым соусом из томатной приправы со сметаной, разогретой в кастрюльке (это даже мне по силам приготовить), и Артюр вдруг рассказал, что ты, оказывается, предупредила его о своем долге, долге последнем путешествии. Он знает, что оттуда, куда ты отправилась, к сожалению, нельзя позвонить по телефону, даже по мобильному, потому что там плохо работает связь. «Но ты не горюй, папа, – сказал он мне, – в конце концов мы все там встретимся, а до тех пор мама будет навещать нас во сне, она сама сказала. Я очень часто вижу ее во сне, – горячо убеждал он меня, так что я уже не мог понять, не привирает ли он, чтобы меня утешить. – Она стала совсем как ангел, и у нее теперь длинные-длинные волосы».

Вчера он интересовался, есть ли у тебя теперь крылья и правда ли тебе все-все видно с небес. Кажется, он, почистив на ночь зубы, съел потом шоколадку и поэтому беспокоился.

Жаль, что я не умею, как Артур, принять твою смерть, Элен. Иногда и он грустит и скучает по своей татап, но он гораздо быстрее свыкся с мыслью, что здесь, на земле, тебя больше нет. Он часто спрашивает меня, что на то или на другое сказала бы мама, и я тоже себя спрашиваю. У меня столько вопросов, любимая моя, на которые я не знаю ответа! Где ты сейчас?

Мне без тебя плохо, плохо!

Вот я поставил тут восклицательный знак, а надо бы не один, а тысячу.

В своем горе я готов довольствоваться малым. Я был бы рад, если бы тебя отпускали ко мне из твоей горней обители хоть раз в месяц, чтобы ты провела со мной тут часок-другой. Ведь правда же это было бы чудесно?

Вместо этого я наконец пишу тебе письмо. Хоть так, на худой конец.

Хорошо, что татие живет так близко и может заботиться об Артуре. Она действительно очень ему помогает. Она тоже по тебе скучает. Она приняла тебя с первой же встречи, когда я привел тебя к нам, ты помнишь? Она полная противоположность злобной свекрови. И, как всякая добрая бабушка, обожает своего внука. Он вьет из нее веревки. Слушая его детскую болтовню, она ни в чем не может ему отказать. Глядя на это, поневоле начнешь завидовать! Что-то не припомню, чтобы со мной она была так же терпелива и добра. Когда потеплеет, они поедут в Онфлёр на море. Малышу полезно отдохнуть немного от моей унылой физиономии.

Сегодня утром под дверью вдруг объявился Фавр. Он, кстати, тоже был на похоронах, пришел со своей женой Матильдой – она производит впечатление очень приятной, доброй женщины. Он, конечно, интересуется, как обстоят дела с новым романом. Ох, я даже не знаю, смогу ли когда-нибудь дописать его до конца. На это ты, наверное, сказала бы, что я должен взять себя в руки, но мне просто нужно еще время. Время дает – время отнимает. Время лечит все

раны. Редко когда встретишь поговорку глупее. Во всяком случае, моя рана до сих пор не зажила.

Могу только надеяться, что у тебя, мой ангел, дела обстоят лучше! Кстати, тебе, наверное, приятно будет узнать, что я заказал мраморное надгробие с бронзовой пластинкой, изображающей голову ангела. Александр, наш суперэстет, назвал мне фамилию каменотеса, работающего на пару со скульптором, и тот изготовил рельеф с одного твоего портрета. Получилось очень хорошо. Даже Артюр сразу узнал тебя, когда мы на днях навестили твою могилу. Я рассказал Артюру, как мы с тобой впервые встретились на этом кладбище возле могилы Генриха Гейне. «Не будь этого поэта, ты, может быть, и не появился бы на свет», – сказал я ему. Ему это показалось очень смешным.

Итак, завтра я поеду на кладбище Монмартра и отвезу тебе письмо. Прости, что так долго не мог собраться. Теперь начало положено, и второе последует скорее. Ты удивишься, когда узнаешь, что я придумал для нашей односторонней переписки.

До скорого, моя возлюбленная Элен, до следующего письма, пока ты не будешь со мной, как в те майские дни.

Жюльен

Глава 2

Каждому человеку нужно, чтобы было куда пойти

Весенний вид неба вчера меня обманул. Наутро, когда я вышел из метро на станции «Аббес», внезапно обрушился ливень, и всех, кто там фотографировался перед оформленной в стиле бель-эпок^[7] вывеской «Métropolitan», буквально смело оттуда, как пестрое конфетти. С визгом и хохотом все кинулись спасаться и укрылись в одном из близлежащих кафе, где к этому времени собралось уже довольно много посетителей.

Я тоже спрятался от дождя в каком-то подъезде и, когда ливень утих, направился к Cimetière de Montmartre^[8]. Моя рука непроизвольно прикоснулась к груди: я проверил, что письмо, спрятанное во внутреннем кармане кожаной куртки, по-прежнему там, на месте.

Как ни странно, я чувствовал себя сегодня бодрее обычного. Мне было приятно сознавать, что обещанное Элен письмо наконец-то написано, хотя, казалось бы, это ничего не меняло. Неужели письмо к ней вызвало какой-то катарсический эффект? Во всяком случае, в эту ночь я не просыпался в четыре часа утра, как это часто случалось в последние месяцы. Я даже возненавидел предрассветные часы за то, что мысли, как злые духи, теснили мне грудь, а тьма разъедала душу.

– Что ты сегодня будешь делать, папа? – спросил за завтраком Артюр, с интересом поднимая на меня глаза и оторвавшись от булочки и чашки с горячим шоколадом, которую держал обеими руками. Раньше он об этом никогда не спрашивал. Может быть, дети действительно наделены особым чутьем на происходящее, как утверждает моя матушка.

Взглянув на его измазанный в какао ротик, я улыбнулся.

– Я пойду сегодня к татап, – сказал я.

– О! Возьмешь меня с собой?

– Нет, не сегодня, Артюр. Тебе же надо идти в детский сад.

– Ну пожалуйста!

– Нет, родной мой, в следующий раз.

Сегодня я иду с особой миссией, и ничто не должно мне помешать.

Отведя Артюра в детский сад, где меня встретили сочувственные взгляды жалостливых воспитательниц – для них я был несчастный отец, у которого рано умерла жена и которому прощалось, если он вечером опаздывал за ребенком, – я сел на поезд двенадцатой линии, и тот довез меня через сеть подземных путей до Монмартра. Кладбище на севере Парижа для меня, обитателя района Сен-Жермен, было отнюдь не ближний свет, что, наверное, и к лучшему: будь расстояние поменьше, я бы, наверное, дневал и ночевал на кладбище. А так поездка через темные туннели в покачивающемся вагоне метро становилась для меня небольшим путешествием в другой мир, полный тишины и зелени.

Здесь, среди ветшающих статуй и глубоко погружившихся в землю надгробий, покрывшихся патиной забвения, и свежих цветов, бросающихся в глаза яркостью красок, которым тоже суждено было побледнеть, увядая, время утратило свое значение и Земля замерла в неподвижности.

Я и сам невольно замедлил шаг, миновав входные ворота и очутившись в безлюдных аллеях. В лужах отражались бегущие облака. Пройдя несколько шагов по аллее Гектора Берлиоза, я кивком поздоровался с кладбищенским садовником: тот шел мне навстречу с граблями через плечо, а затем свернул направо, на авеню Монтебелло, а оттуда на узенькую дорожку, высматривая впереди высокий старый каштан. Скоро он зацветет, разливая вокруг чудесный аромат. Я невольно потрогал нагрудный карман, где все еще лежал каштан, подобранный мною с земли в день похорон: гладкая его скорлупа коснулась ладони утешительно, как маленький якорь надежды.

Я бросил взгляд влево: вдалеке за зелеными кустами и рядами надгробий, сливавшихся в одну сплошную поверхность, должна была находиться могила Гейне. Уж не помню точно, что привело меня тогда на кладбище Монмартра. До этого мне почти не приходилось бывать в 18-м округе, столь притягательном для туристов благодаря базилике Сакре-Кёр, открывающейся внизу панораме Парижа и переплетению улочек, тянущихся вверх и вниз по склону холма. Кажется, это мой друг Александр сказал, что хотя бы раз в жизни непременно нужно

побывать на кладбище Монмартра – хотя бы ради могилы Марии Дюплесси, или Альфонсины Плесси, более известной как «дама с камелиями», чью несчастную любовь увековечил в своем романе Александр Дюма.

В тот майский день, который, казалось, был так давно, что с тех пор прошла целая вечность, я не спеша брел по аллее мимо ветшающих склепов, своими колоннами и островерхими крышами напоминающих маленькие домики. Погруженный в размышления, я искал глазами могилу «дамы с камелиями». Но до нее я так и не дошел: по пути что-то привлекло мой взгляд. Это была блеснувшая на солнце кудрявая медно-рыжая головка, подобно вечернему облачку маячившая над могильными плитами. Подойдя ближе, я увидел девушку, одетую в зеленое платье, она остановилась перед бюстом Генриха Гейне и благоговейно склонилась над мраморной плитой с начертанными на ней стихами. Она прижимала к груди портфельчик, а голову немного наклонила к плечу, и я тут же влюбился в ее нежные алые губы и вздернутый носик, усыпанный веснушками. Я тихонько подошел и стал рядом, тоже склонив голову к плечу, и вполголоса прочитал стихи немецкого поэта, который обрел здесь свое последнее пристанище:

Wo wird einst des Wandermüden
Letzte Ruhestätte sein?
Unter Palmen in dem Süden?
Unter Linden an dem Rhein?
Werd ich wo in einer Wüste
Eingescharrt von fremder Hand,
Oder ruh ich an der Küste
Eines Meeres in dem Sand?

Immerhin! Mich wird umgeben
Gottes Himmel dort wie hier,
Und als Totenlampen schweben
Nachts die Sterne über mir^[9].

Девушка обернулась и с любопытством оглядела меня. Она была высокая, почти одного со мной роста.

– Красиво, да? – произнесла она затем.

Я кивнул. Вряд ли то, как я прочитал, прозвучало так уж красиво при моем-то убогом немецком.

– Вы тоже любите стихи Генриха Гейне?

Она произнесла это имя с французским акцентом и так нежно, словно это был любимый родственник: Анри Эн.

– Очень, – сказал я, покривив душой, потому что прежде, можно сказать, совсем не знал его стихов.

– Я очень люблю Генриха Гейне, – заявила она горячо. – Один из последних лириков романтизма. – Она улыбнулась. – Я пишу диссертацию о Гейне и романтической иронии.

– О, как интересно!

– Ему, бедному, досталась нелегкая судьба. Он был болен и жил изгнанником. Поневоле обратишься к иронии. Надо же как-то защищаться, верно? А он тем не менее писал такие прекрасные стихи!

Она задумчиво посмотрела на мраморный бюст, изображавший человека с довольно мизантропическим выражением лица.

– Я рада, что он тут обрел место последнего упокоения, а не под немецкими липами: там его все равно не понимали. А тут он хотя бы рядом с Матильдой. Это была его последняя воля – чтобы его похоронили на кладбище Монмартра. Вы об этом слышали?

Я покачал головой:

– Нет, но могу его понять. Я бы тоже согласился быть здесь похороненным, когда умру. Это очень уютное местечко.

– Да, – сказала она задумчиво, – я бы тоже хотела, чтобы меня здесь похоронили, когда я умру. Я люблю это кладбище.

Где-то защebetала птичка. Свет просачивался сквозь деревья, на дорожке, где мы с ней стояли, заплясали солнечные зайчики.

– Но в такой прекрасный день незачем думать о смерти, – сказал я и решил пойти на приступ. – Не хотите выпить со мной чашечку кофе? Мне было бы очень интересно узнать побольше о вашем друге Генрихе Гейне и о романтической иронии.

– Так-так... И, как я догадываюсь, заодно и обо мне, да? – ответила она, бросив на меня лукавый взгляд.

Она сразу разгадала мой маневр. Я улыбнулся, понимая, что моя хитрость раскрыта:

– Главное, о вас.

Так я познакомился с Элен. На кладбище. Мы охотно рассказывали об этом как о забавном случае. Но в тот майский день, когда мы грелись на солнце, вытянув ноги и всячески дурачась, я и подумать не мог, что всего через несколько лет действительно буду приходить сюда на ее могилу.

Дойдя до могилы Элен, я обнаружил, что промочил ноги. Погруженный в воспоминания, я нечаянно наступил в лужу, где плавало несколько окурков.

Перед узким светлым надгробием с бронзовым рельефом в виде ангельской головки, которая была изображена в профиль и имела черты Элен, лежал букет незабудок. Кто мог их принести?

Я огляделся по сторонам, но не увидел никого поблизости. Я выдернул несколько листьев каштана, застрявших в зелени плюща, которым была покрыта могила, и с тоской окинул взглядом мраморный памятник, на котором золотыми буквами были выгравированы имя Элен и даты ее рождения и смерти, а под ними четыре строчки, которые всегда будут напоминать мне о нашей первой встрече:

Милая,
Ах, вернись,
Чтобы со мною быть,
Как в те майские дни.

Когда-нибудь мы снова будем вместе. Я не назвал бы себя особенно верующим человеком, но всей душой на это надеялся. Может быть, мы будем летать с ней, как два облака, или, как два дерева, сплетемся под землей корнями в вечном объятии. Кто знает? Никто еще не возвращался из царства мертвых, чтобы поведать нам о том, что происходит с человеком после того, как жизнь в нем угаснет; так что человеческий разум становится перед этим в тупик и дальше начинается сплошная неизвестность, надежда и умозрительные

представления, которые указывают либо в ничто, либо оставляют нам веру в то, что за пределами земной жизни что-то есть, что-то еще может быть.

– Элен, – сказал я шепотом. – Знать бы, как ты там!

Я нежно провел ладонью по ангельскому лику и ощутил комок в горле.

– Видишь, я сдержал обещание. А теперь смотри внимательно.

Я вынул письмо из куртки, еще раз на всякий случай огляделся и только после этого опустил на колени и нащупал позади памятника, в самом низу, то место, куда надо было нажать, чтобы сработал секретный механизм и открылась дверца встроенного там тайничка. В тайничке должно было хватить места для тридцати трех писем, которые останутся в нем на вечное хранение. Каменная дверца щелкнула и открылась, и, быстро положив внутрь свой конверт, я снова ее захлопнул.

Никто, кроме моего прекрасного ангела, устремившего вдаль отрешенный взгляд, и каменотеса, который выполнил мой заказ и которого я вряд ли еще когда-нибудь в жизни встречу, не узнает о маленькой сокровищнице, приготовленной мной для писем к Элен. Я очень гордился своей придумкой, теперь я мог складывать свои письма в секретный почтовый ящик, а главное, нашел для них такое место, которое существовало в реальной действительности.

Каждому человеку нужно такое место, куда он может прийти, чтобы навестить милого умершего, подумалось мне. И еще я подумал, что люди, наверное, потому и устраивают кладбища. Разумеется, можно держать на столе фотографию и перед ней ставить свечку, но это все же совсем другое, это не место, куда можно прийти и где покоится родной человек.

Тут я вздрогнул, услышав шорох в кустах. Обернувшись, я пристально оглядел кладбище. Из-за одного ветхого надгробия выскочила рыжая полосатая кошка, бросившаяся догонять листок, раньше положенного сорванный ветром с дерева. Я облегченно рассмеялся. Я никому не рассказывал о странном пожелании Элен, даже мой друг Александр ничего не знал про эти письма.

Когда я чуть позже покидал кладбище и шел, глядя себе под ноги, то чуть не столкнулся с белокурой женщиной: она неожиданно вышла

мне навстречу с одной из боковых дорожек. Это была Катрин.

– Надо же – Катрин! Ты-то что тут делаешь?

– Полагаю, то же, что и ты, – смущенно ответила она. – Ходила на могилу.

– Ну да... Я тоже, – согласился я с очевидным.

Мы оба чувствовали себя неловко и не находили что сказать. Случайная встреча на кладбище – это вам все-таки не то же самое, что встреча в кафе или в подъезде дома. Возможно, дело в том, что каждый предпочитает побыть со своим горем наедине.

– Очень красивое получилось надгробие, – сказала она наконец. – В особенности ангел.

Я кивнул:

– Да. – И чтобы еще что-то сказать, спросил: – Это ты принесла незабудки?

На это кивнула она:

– Там еще лежали старые цветы, но они уже сильно подвяли. Я их выбросила. Надеюсь, что это ничего. Этот дождик...

Она снова пожала плечами, как бы извиняясь.

– Конечно же ничего, – сказал я, великодушно улыбнувшись.

Мне не хотелось выглядеть так, словно я претендую на монопольное право в отношении могилы Элен. В конце концов, каждый может постоять у могилы, для этого и созданы кладбища. Мертвые даже посторонним людям не могут запретить подходить к их могилам и класть на них цветы или фотографировать, а Катрин была подругой Элен.

– Ты как сюда – на метро? Поехали вместе домой? Или зайдем куда-нибудь выпить чашечку кофе? У меня сегодня с утра нет уроков. – Она убрала с лица выбившуюся прядь и опять грустно взглянула на меня затуманенным взором.

– В другой раз с удовольствием. Сегодня у меня назначена встреча. С Александром, – поторопился я извиниться; мне даже не пришлось врать.

– Ну ладно тогда, – сказала она и, помедлив в нерешительности, спросила: – Ну а как ты-то сам? Более или менее ничего?

– Более или менее, – сказал я, не вдаваясь в подробности.

– Ты знаешь, что всегда можешь оставить у меня Артюра. Он очень любит играть с Зази. – Затем она улынулась. – Мы могли бы

как-нибудь вечерком вместе поужинать, я приготовила бы что-нибудь вкусненькое. Я понимаю, что у тебя сейчас тяжелое время. Мы все...

Ее миндалевидные глаза заблестели, и я испугался, что она вот-вот расплачется.

– Я знаю. Спасибо, Катрин. А теперь мне пора. Ну, пока...

И я удрал, махнув ей тем неопределенным жестом, который с одинаковым успехом мог означать все или ничего. Конечно, это был невежливый поступок, но я без лишних церемоний оставил ее одну среди улицы и, чувствуя спиной разочарованный взгляд, которым она меня проводила, скрылся, нырнув в многолюдные толпы, запрудившие узенькие улочки, ведущие на площадь Аббес.

Глава 3

Не годится мужчине одинокая жизнь

– Ой, парень, парень, на кого ты похож! Прямо совсем доходяга! Ты хоть иногда вспоминаешь поесть или держишься на одних сигаретах?

Я покачал головой:

– За что я люблю тебя, Александр, так это за то, что ты всегда умеешь поднять человеку настроение!

Я украдкой бросил взгляд в венецианское зеркало, висевшее слева от входа в лавку. Вид у меня действительно был довольно-таки запущенный: густые волнистые волосы давно требовалось подстричь, под глазами – темные круги.

– А ведь еще с утра мне казалось, что этот день выдался более или менее ничего, – вздохнул я, пригладив волосы.

В последнее время я привык делить дни на хорошие, более или менее ничего и совсем паршивые. Причем хороших практически не выпадало.

– Да что ты? Вот уж ни за что не подумал бы.

Александр держал в руках кольцо-печатку из красного золота; посмотрев его на свет, он удовлетворенно кивнул, уложил его в темно-синий бархатный мешочек и только тогда обратил на меня строгий взгляд:

– Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь надеваешь что-то другое или так и ходишь все время в этом сером свитере?

– Чем тебе не нравится мой свитер? Это же кашемир!

– Да. Но ты что – дал зарок носить его не снимая? Буду, дескать, ходить в этом свитере до самого Страшного суда? – Он усмехнулся, высоко подняв брови. – Я давно не вижу на тебе ничего другого.

– Чушь собачья! Ты же не видишь меня каждый день.

Я зашел к Александру в его лавку на улице Гренель. Едва очутившись здесь, я сразу почувствовал, что на душе стало лучше – как всегда, когда я встречал Александра. Дело в том, что Александр был единственным человеком в моем окружении, который вел себя со мной нормально. Он не делал скидки на мои «обстоятельства», и хоть

его бесчувственность и раздражала меня иногда, но я прекрасно понимал, что эта грубоватость наигранная.

Из всех, кого я знаю, Александр Бонди обладает самой большой эмпатией. В душе он художник, полный безумных идей, и большой мастер своего дела. Александр – мой друг и, если понадобится, ничего для меня не пожалеет. Раньше мы с ним каждую зиму отправлялись кататься на лыжах в Вербье или Валь-д'Изер и веселились вдвоем напропалую. Мы выдавали себя за братьев, уродившихся непохожими: он – черноволосый с карими глазами, я – русский с голубыми, и называли друг друга Жюль и Джим^[10]. Я, разумеется, был Жюль, а он – Джим. Только, в отличие от героев фильма, мы, к счастью, не влюблялись в одну и ту же девушку. На мое тридцатилетие Александр подарил мне часы, на задней крышке которых было выгравировано «Жюль». Гравировку он выполнил собственноручно.

Александр – ювелир, один из самых креативных и дорогих в Париже. Его небольшой магазинчик называется «L'espace des rêveurs» – «Мир мечтателей», и, по-моему, ни одна женщина не может оставаться равнодушной к его изысканным изделиям ручной работы, украшенным то мелкими драгоценными камнями, переливающимися нежными весенними красками, то крупными блестящими черными жемчужинами южных морей – довольно редкими, судя по цене. Круглые или прямоугольные подвески матового чеканного золота или серебра с выгравированными на них цитатами из Рильке или Превера; мерцающие остроконечные сердечки из розового кварца, агата или аквамарина, вставленные в золотую крестовидную оправу, а в центре украшенные рубином величиной с булавоочную головку, – такой любви к деталям, как у Александра, я больше не встречал. Раз в квартал он перекрашивает стены своей лавки в новый цвет – то темно-серый, то зеленый, как липовый лист, то в цвет бычьей крови; а по стенам у него развешаны молочно-белые керамические плитки ручной работы, на которых черной краской написаны одно-два слова: например, «Цветочная пыльца», или «Chagrin d'Amour» («Любовная тоска»), или «Королевство», или «Toi et moi» («Ты и я»).

Человек, придумывающий и создающий своими руками такие чарующие вещи, непременно должен обладать тонкой интуицией, и, я думаю, Александр, как никто другой, понимал, что творилось в моей душе в эти дни, но он терпеть не мог банальностей и потому не

приставал ко мне с ходячими фразами, вроде того что «время все залечит» и «все пройдет».

В том-то и беда, что ничего не проходило. Никакие утешения на меня не действовали. По крайней мере, пока. А уж если когда-нибудь этому все-таки суждено случиться, то я, наверное, и сам почувствую без чужой подсказки.

– Я только что с кладбища, – сказал я.

– Прекрасно. Значит, проголодался. На свежем воздухе всегда появляется аппетит.

Он бережно спрятал бархатный мешочек в расположенный у дальней стены сейф, закрыл тяжелую дверцу и набрал кодовую комбинацию.

Я кивнул и, к собственному удивлению, почувствовал, что и впрямь проголодался. Круассана, который я рассеянно съел за утренним кофе, хватило ненадолго.

– Сейчас я тут быстренько кое-что приберу, и пойдем. Габриэль будет здесь с минуты на минуту.

Он скрылся в дальнем помещении, и я услышал, как он там гремит инструментами. В отличие от меня, Александр – большой аккуратист. У него все вещи находятся на своих местах. Беспорядок причиняет ему прямо-таки физическую боль. Я отошел к входной двери. Закурил сигарету и стал смотреть, когда появится Габриэль.

Габриэль – стройное бледное создание с собранными в узел волосами. Она всегда одета в черно-белые свободные платья. Тайная повелительница «Мира мечтателей» («L'espace des rêveurs»), Габриэль от руки выписывала темно-синими чернилами чеки на листах кремовой бумаги ручного изготовления. Она с неподражаемым шармом носила и продавала, не будучи продавщицей, создаваемые Александром украшения. Она была его музой и, подозреваю, тайной властительницей его сердца. Я не знал в точности об их отношениях, но, судя по всему, они замечательно подходили друг другу: оба не от мира сего и оба наделены обостренным чувством стиля.

Видя, что Габриэль не торопится приходить, я затоптал сигарету, вернулся в магазин и начал разглядывать украшения, выставленные в освещенных витринах на фоне небесно-голубых стен. Одно кольцо особенно привлекло мое внимание. Его массивный ободок состоял из многократно переплетенных между собой тончайших золотых нитей.

Такое украшение было достойно средневековой королевы. Ничего подобного я еще не видел. Очевидно, это была новая модель.

– Ну что? Нравится тебе мое плетеное колечко? – с гордостью спросил Александр, поправляя черные очки. – Мое новейшее произведение. По желанию можно, конечно, получить вариант, украшенный вделанными бриллиантами и рубинами.

– Настоящий шедевр! – выразил я свое восхищение. – Как будто соткано прекрасной дочерью мельника из сказки. – И со вздохом добавил: – Жаль, что мне уже некому дарить такие вещи.

– Действительно жаль, – согласился он, не церемонясь. – Зато сэкономишь кучу денег, так как эту безделушку не получишь за бесценок, как золото прекрасной мельничихи.

– Очень утешительная мысль!

– А что я тебе говорю! Давай пойдем поедим! Мне уже надоело ждать.

Мы уже собирались выходить, как в лавку впорхнула в своем черном вороньем наряде Габриэль. Переступив через порог, она сдержанно поздоровалась и привычно расположилась за прилавком. Вскоре мы с Александром уже сидели за стойкой его любимого ресторатора на улице де Бургонь, где в это время дня полно народа, и угощались курицей в красном винном соусе с отварным цикорием. На бутылочку мерло я согласился без всяких уговоров. Мы беседовали о том о сем, избегая только упоминать об Элен, и, по мере того как внутри у меня разливалось тепло от выпитого вина, ко мне на время вернулось «нормальное» ощущение жизни. Я слушал рассказы Александра, отщипывал кусочки хлеба от свежего багета и с наслаждением макал их в остро наперченный соус.

Еда была простая и сытная.

Александр вытер рот салфеткой:

– Ну а как подвигается книжка?

– Никак, – честно ответил я.

Он неодобрительно поцокал языком и покачал головой:

– Пора бы тебе встряхнуться и взяться за дело, Жюльен!

– Не могу. Я так несчастен, – заявил я.

Я допил свой бокал и ощутил, как на меня накатила жалость к самому себе.

– Ну ладно! Только не разревись, – сказал Александр, но посмотрел на меня встревоженно. – Большинство великих писателей лучше всего писали, как раз когда были очень несчастны. Возьми, к примеру, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда или Уильяма Батлера Йейтса, или Бодлера! Большое несчастье иногда дает такой творческий толчок, что только держись.

– Только не в моем случае, пойми это, наконец! Мой издатель хочет от меня очень смешной роман – ко-ме-дию, видите ли!

Я уставился на свой бокал, но тот, к сожалению, был уже пуст.

– Ну и что? Все хорошие клоуны – на самом деле люди совсем не веселые.

– Может быть, и так. Но я же не в цирке работаю, где выливают себе на голову ведро воды или падают, поскользнувшись на банановой кожуре. То, чем я занимаюсь, все-таки немножко посложнее.

– То есть не занимаешься, а отлыниваешь. – Александр подозвал стоявшего за стойкой богатырского вида официанта и заказал два эспрессо. – Ну а дальше что?

– Не имею понятия. Может, вообще надо бросить писательство.

– И чем же ты тогда будешь зарабатывать?

– Чем-нибудь таким, что не требует богатого словарного запаса, – ответил я цинично. – Почему бы, например, не стать продавцом мороженого? Куплю себе мороженицу и тележку, и пожалуйста – ванильное, шоколадное, земляничное...

– Блестящая идея! Печальный мороженщик с бульвара Сен-Мишель. Так и вижу эту картину. Люди будут толпами стекаться, чтобы полюбоваться твоей мрачной физиономией.

Богатырь-официант огромными ручищами поставил перед нами две крохотные чашечки из толстого фарфора и рядом со стуком опустил сахарницу.

– А что мне делать? Ну нет у меня вдохновения!

– Хочешь знать мое мнение? – сказал Александр, размешивая в чашечке сахар.

– Нет, не хочу.

– Тебе просто не хватает женщины.

– Правильно. Мне не хватает Элен.

– Но Элен умерла.

– Представь себе, мне это тоже известно.

– Не надо сразу обижаться.

Он успокаивающе положил руку мне на плечо. Я стряхнул ее:

– Довольно, Александр! Не говори пошлостей.

– При чем тут пошлости? Я – твой друг. И я сказал, что тебе не хватает женщины. Не годится мужчине одинокая жизнь. Это просто вредно.

– Но я же не выбирал, о'кей? Я был очень счастлив.

– В том-то и дело. Ты был счастлив. А теперь – нет. О чем тут спорить?

Я опустил голову и закрыл лицо ладонями:

– Я ни с чем не спорю. И что теперь?

– Теперь... пора об этом подумать, потому что время идет, оно не стоит на месте.

– Послушал бы ты себя со стороны! – отозвался я глухим голосом. – Это же прямо проповедь.

– Я всего лишь хочу сказать, что тебе надо бывать среди людей. Тебе тридцать пять лет, Жюльен, а ты уже полгода живешь затворником. – Он легонько тряхнул меня за плечо, и я убрал от лица ладони. – В субботу после Пасхи я устраиваю весеннюю выставку и хочу, чтобы ты на нее пришел. Может быть, ты найдешь там свое пропавшее вдохновение, кто знает? Выйдешь в свет, это пойдет тебе на пользу.

Он одним глотком выпил свой эспрессо и вдруг весело усмехнулся, посмотрев на меня:

– Ты что, не знал, что грустные молодые вдовцы очень высоко котируются у дам? Женщины ведь одержимы синдромом спасения погибающих!

– Меня это не интересует.

– То же самое относится, разумеется, и к *старым* вдовцам, но только при условии, что они очень богаты. Наверное, тебе все-таки лучше по-прежнему писать бестселлеры, а идею насчет мороженщика отложить на следующую жизнь.

– Ладно, хватит тебе, Александр!

– *Вон*^[11], умолкаю, да и пора уже возвращаться в лавку. – Тут он взглянул на свои часы, точную копию моих. – Только обещай мне, что придешь!

– Обещаю, хотя и неохотно.

– Это ничего. Невозможно же всегда делать только то, что тебе хочется.

Александр положил на стойку несколько банкнот, и мы вышли на улицу и распрощались.

До Пасхи оставалось две недели, а моя матушка собиралась уехать с Артюром на две недели к морю. Так что, если захочется, я вполне смогу прийти на выставку Александра. Не исключено, что праздничная атмосфера действительно наведет меня на другие мысли: как-никак это будет заметным событием в моей монотонной и безрадостной жизни, в который все дни сливались в одно неразличимое целое, подчиняясь однообразному ритму сна и бодрствования, приема пищи, утреннего похода с Артюром в детский сад и второго похода, чтобы забрать его оттуда.

Я действительно решил пойти на эту весеннюю выставку. Я даже записал дату, семнадцатое апреля, в свой деловой календарь, хотя меня немного пугала мысль о том, что там я могу встретить кого-нибудь из знакомых. Я никогда не отличался выдающимися способностями вести светские беседы.

И если в конце концов случилось так, что я все-таки туда не пошел, то случилось это по другой причине, которая повергла меня в крайнее замешательство.

Глава 4

Артюр и рыцари круглого стола

*Милая моя, нежно любимая,
сегодня ночью Артюр явился вдруг ко мне в спальню, как маленькое привидение. Он горько плакал, в одной руке он волочил за собой Брюно, старого плюшевого медвежонка. Перепугавшись, я второпях включил на тумбочке лампу и вскочил. С тех пор как я сплю один, сон у меня очень чуткий. Я уже не сплю как сурок, которым ты дразнила меня, одним движением раздвигая занавески, чтобы впустить в спальню солнце.*

Тогда я опустился на корточки рядом с нашим малышом, обнял его: «Что с тобой, воробышек? Животик болит?» Он покачал головой и всхлипывал не переставая. Я подхватил его на руки и отнес вместе с медвежонком в нашу кровать. Я гладил его ладонью по заплаканному личику, называя всеми ласковыми именами, какие мне только приходили в голову. Но он долго не мог успокоиться. «Нет,пусти меня, пусть придет мама, я хочу, чтобы мама пришла!» – зарыдал он снова и забрыкался, сбрасывая ножками одеяло.

Я ощутил полную беспомощность. Я готов был исполнить любое его желание, но то, чего он требовал, было для меня невыполнимо.

«Воробышек, наша мама на небе, ты же сам знаешь, – тихо сказал я, отчаявшись его успокоить. – Пока нам придется как-то уж потерпеть без нее. Но мы все-таки с тобой вдвоем, значит каждый из нас не совсем одинок, да? А в воскресенье мы возьмем с собой маме и пойдем в „Jardin des plantes“^[12] смотреть зверей».

Рыдания на секунду стихли, затем начались снова.

Я нежно утешал его, бормоча что-то, как священник над просфорой. Наконец он сквозь слезы и всхлипы рассказал мне, что видел страшный сон. Ему действительно

приснился настоящий кошмар, Элен. Это показало мне, что Артюр, наш веселый, живой и такой развитой сынок, так легко, казалось бы, приспособившийся к ситуации, что, к моему стыду, даже сам пытается утешить и развеселить своего унылого отца, на самом деле не так легко, как я думал, справляется с тем, что его мамы не стало. Может быть, дети и правда легче, чем взрослые, привыкают к изменившимся обстоятельствам. А что им еще остается делать? Слушая, как просто он разговаривает о тебе с ребятами из детского сада и вообще рассуждает о таких вещах, о которых мы, взрослые, стараемся не упоминать, мне всегда вспоминается тот старый фильм Рене Клемана «Jeux interdits»^[13], который мы с тобой как-то смотрели вместе в старом кинотеатрике на Монмартре. Тебе тогда так понравилась музыка к этому фильму, что ты купила мне компакт-диск с записью испанского гитариста Нарсисо Йенеса и слушала его снова и снова. Фильм произвел на нас такое сильное впечатление, что мы, взявшись за руки, молча просидели в зале все конечные титры. Мне кажется, мы вышли из зала самыми последними. Маленькая Полеетт и ее друг Мишель, видя смерть и ужасы войны, так по-детски это переживают, создавая в играх собственный мир со своим особым устройством. Они воруют кресты с кладбища и даже из церкви, чтобы похоронить на секретном кладбище сначала щенка Полеетт, а затем всех остальных животных. Я и раньше считал, что дети – удивительные существа. Сколько ясности и фантазии в их восприятии мира! Как они устраиваются в действительной жизни, каким-то образом умудряясь извлечь из него самое лучшее! Хотелось бы знать, в какой момент мы утрачиваем это доверчивое отношение к жизни?

Во сне, который приснился Артюру, действие тоже происходило на кладбище. У меня и сейчас мороз по коже, лишь только это вспомню. Он рассказывал, что будто бы очутился совсем один на кладбище Монмартра. Сначала мы шли по дорожке вместе, а потом он загляделся на что-то и сам не заметил, как вдруг я куда-то исчез. Ну, он тогда стал

искать твою могилу в надежде, что найдет меня там. Часы шли, а он все блуждал по кладбищу, совсем заблудился, обливаясь слезами и спотыкаясь, бегал по аллеям и дорожкам. И наконец нашел, забрел на твою могилу. Перед мраморным памятником с изображением ангела стоял какой-то мужчина в кожаной куртке, Артюр обрадовался и крикнул: «Папа, папа!»

Но мужчина обернулся, и оказалось, что это незнакомец.

– Кого ты ищешь? – приветливо спросил он.

– Я ищу папочку!

– Как зовут твоего папу?

– Жюльен. Жюльен Азуле.

– Жюльен Азуле? – переспросил незнакомец. И указал рукой на памятник. – Жюльен Азуле лежит тут, но он давно уже умер.

И тут оказалось, что на памятнике написано не только твое, но и мое имя, а еще имена татие, Катрин и даже ее кошки Зази. И тогда Артюр вдруг понял, что все умерли и он остался один на свете.

– Мне же еще только четыре годика, – выговорил он в паническом ужасе, рыдая. – Мне же еще только четыре! – Глядя на меня широко раскрытыми глазками, он горестно поднял вверх ручку, выставив четыре пальчика. – Я же не могу совсем один.

У меня прямо перевернулось все внутри.

– Артюр, родной мой, это же был только сон. Нехороший сон, но это же все неправда. Ты не останешься один, я же с тобой. Я всегда с тобой, ты слышишь? Я никогда тебя не покину, честное слово, поверь мне.

Я взял его на руки, стал потихоньку укачивать и успокаивал, как только мог, пока его всхлипывания постепенно не затихли.

Мне и самому сделалось нехорошо на душе от этого сна, и страхи Артюра, и его детское отчаяние глубоко пронзили мне сердце. Я успокоил нашего малыша как мог, во мне громко заговорила совесть, и я твердо решил впредь

больше уделять внимания Артюру. Читать ему вслух, смотреть вместе с ним фильмы, угощаться вместе с ним вафлями в Тюильри и пускать в большом бассейне кораблики. Я буду ездить с ним за город и гулять по берегам маленьких речек. Летом мы устроим пикник в Булонском лесу, полежим на одеяле под каким-нибудь тенистым деревом, глядя на облака. На день рождения, когда ему исполнится пять лет, я даже поеду с ним в этот кошмарный Диснейленд, которым он все время бредит, и разрешу ему позвать с собой кого-нибудь из друзей, мы покатаемся с ветерком на американских горках и наедемся до отвала картофельных чипсов и сахарной ваты. Я постараюсь поменьше думать о себе, и стану более внимательным отцом, и даже попытаюсь писать – хотя бы для начала по страничке в день.

– Папа, можно я сегодня буду спать у тебя? – спросил он под конец.

И я сказал:

– Конечно можно, воробышек мой родной, кровать большая, места хватит.

– А можно оставить свет?

– Ладно, оставим.

Через несколько минут он уснул. Он крепко держал меня за руку, а другой рукой сжимал мишку.

Знаешь, Элен, а ведь когда ты покидала нас, отправляясь в далекое путешествие, он, прижимая к себе плюшевого мишку, неуверенно спросил меня, не дать ли его тебе с собой в дорогу.

Это была бы слишком большая жертва.

– Потрясающая идея, Артюр! – сказал я. – Но мне кажется, мама не так уж любит плюшевых мишек. Я думаю, пусть он лучше останется у тебя.

Он с облегчением кивнул.

– Да, верно, – сказал он и, немножко подумав, добавил: – Но тогда я дам ей с собой красного рыцаря... и мой деревянный меч.

И вот так его любимый рыцарь и деревянный меч, которых он после долгих размышлений выбрал себе в чудесном магазине «Si tu veuix»^[14] галереи Вивьен, оказались у тебя в гробу, моя дорогая. Уж не знаю,годились ли они тебе там, где ты сейчас находишься. Артюр считает, что такой меч всегда пригодится.

Сегодня ночью я при свете ночника долго глядел на его нежное личико с темными ресницами. Он же такой еще маленький, совсем птенчик, и я поклялся себе, что буду всеми силами защищать его ранимую душу. Я так жаждал оградить его от всего страшного. Я глядел на это спящее дитя, за которое я готов отдать все, даже саму жизнь, и думал, что не за горами то время, когда сын вырастет, начнет с приятелями озорничать, приносить из школы пятерки^[15] по математике (если в нем начнут проявляться мои гены), слушать оглушительную музыку у себя в комнате, куда у меня уже не будет свободного доступа, отправится с друзьями на свой первый концерт, проболтается с ними всю ночь до рассвета, а там и первые любовные страдания, от которых он напьется и, рыдая, порвет на мелкие клочки фотографию какой-нибудь хорошенькой девочки.

Он будет совершать ошибки и очень правильные поступки, он будет грустить и радоваться от невообразимого счастья, и я, сколько возможно, все это время проведу рядом с моим чудесным мальчуганом, наблюдая, как он растет и взрослеет, становясь самим собой в наилучшем из возможных вариантов.

А в один прекрасный день он перерастет меня.

Я поцеловал Артюра и на короткий миг испытал потрясение при мысли, по какому тонкому льду мы ступаем, привязавшись всем сердцем к живому существу.

Как же мы бренны! Во все наши дни и часы.

Я вспоминаю, как мы выбирали для него имя. Он тогда существовал еще только туманным облачком на ультразвуковом снимке в твоей руке.

– Артюр? Не слишком ли величавое имя для такого крохотного существа? – спросил я тогда; это имя

напоминало о рыцарях Круглого стола. – Может как-то попроще: Ив, Жиль или Лоран?

Ты рассмеялась:

– Ах, Жюльен! Не всегда же ему быть таким маленьким! Еще дорастет до своего имени, вот увидишь. Мне нравится «Артур» – старинное имя и красивое на слух.

На том и порешили – Артур. Артур Азуле. Знать бы, как сложится жизнь нашего маленького рыцаря Круглого стола. Поживем – увидим. Как жаль, Элен, что ты уже не увидишь, как твой сын дорастет до своего имени. Разве не о том мы мечтали, не так ли? Но вдруг все-таки, все-таки ты увидишь это своими прекрасными, навеки закрывшимися глазами!

Я так на это надеюсь! Я буду очень его беречь, обещаю тебе!

К утру мир снова пришел в порядок. Артур проснулся веселый и завтракал с аппетитом. Дурного сна как будто и не было. Дети быстро забывают. Вот только спать он хочет теперь всегда в «маминой кровати». «Тогда и ты будешь не один», – сказал он. А главное, наша кровать такая уютная, гораздо лучше детской.

Затем мы отправились в путь. Артур, в голубых резиновых сапожках с белыми точечками, бежал вприпрыжку: он вспомнил, что сегодня у детского сада намечен поход на представление кукольного театра в парке Бют-Шомон. Ты же знаешь, как он обожает кукольный театр!

А я встал совсем разбитый. Я поспал в эту ночь часа три от силы. Может быть, попозже еще прилягу. По счастью, никаких неотложных обязательств у меня нет. Единственное – это пойти на обед к татіе, куда я приглашен. Она звала очень настойчиво. Там будет и ее сварливая сестра Кароль, она придет со своим впадающим в слабоумие мужем. Так что и мне предстоит что-то вроде театрального представления. Разыгрывающиеся между ними сцены бывают весьма абсурдны и чрезвычайно занимательны.

Ну и что? Полноценный домашний обед и прогулка до дома на улице Варен пойдут мне только на пользу.

Иногда мне кажется, что все было бы намного проще, если бы у меня была нормальная работа с девяти до пяти и я утром отправлялся на службу, а вечером возвращался домой. Дни проходили бы быстрее, и я был бы занят делом. А так я должен сам строить свое расписание, а это не всегда просто. Хорошо хоть, что по утрам надо водить Артюра в детский сад. Иначе кто знает, в котором часу я вставал бы.

Часто я тоскую о том, как мы раньше всегда пили кофе в постели, прежде чем будить Артюра, а тебе отправляться в школу. Тогда я не умел по-настоящему ценить, как ты с двумя большими чашками возвращалась из кухни и снова залезала рядом со мной под одеяло, зато сейчас мне так не хватает этих пятнадцати минут мира и спокойствия перед началом нового дня.

Да и не только этих!

С тех пор как ты ушла, Элен, ранние утренние часы стали для меня любимым временем суток. Эти драгоценные короткие минуты, перед тем как проснуться.

Зарывшись щекой в подушку, еще не до конца проснувшись, я прислушиваюсь к приглушенным звукам, долетающим с улицы. Вот проехала машина. Вот зачирикала птичка. Хлопнула дверь внизу.

Бормоча: «Элен», я пытаюсь нащупать твою руку, открываю глаза.

И тут на меня снова обрушивается действительность. Тебя нет, и все разладилось.

Я тоскую по тебе, топ атоир!^[16] Как же мне перестать тосковать по тебе?

Я буду любить тебя и тосковать, пока мы не будем вместе, как в те майские дни.

Шлю тебе привет от сердца к сердцу.

Жюльен

Глава 5

Confi de canard^[17]

Мои родители были счастливы в браке. Моя мама была, наверное, самой красивой девушкой в спокойном местечке План-д'Оргон на юге Франции. Она выросла в сельской гостинице в окружении кур, лугов и постояльцев, которые проводили там отпуск или путешествовали, чтобы полюбоваться деревнями и городками Прованса, окруженными лавандовыми полями Ле-Бо-де-Прованс и его величественным замком, живописной деревенькой Руссийон, освещенной закатным солнцем среди охристых и рыжих скал, Арлем, с его знаменитой ареной и оживленными еженедельными базарами, где продаются зеленые артишоки, черные маслины и рулоны тканей всех цветов, или посмотреть Фонтен-де-Воклюз, где можно прогуляться по берегу прозрачной бирюзовой горной реки.

Если бы мой отец не остановился однажды в этой гостинице и не влюбился бы без памяти, заглянув в прекрасные глаза девушки в светлом платье с цветочками, которая, словно светлое видение, проворно порхала по залу, подавая гостям кофе, круассаны, соленое масло, козий сыр, порции сельского паштета и лавандовый мед, та, наверное, прожила бы там всю жизнь и со временем стала бы хозяйкой гостиницы, сменив на этом посту своих родителей. А так Клеманс уехала в Париж с Филиппом Азуле – молодым начинающим дипломатом. Он был старше Клеманс на пятнадцать лет, с ним она в первые годы много попутешествовала по свету, пока Филипп не получил должность в Министерстве иностранных дел на набережной Орсе. Тогда они поселились на улице Варен, где у них вскоре родился мальчик – то есть я. В то время моей матушке было уже тридцать четыре, поэтому я оказался единственным ребенком, о котором родители так мечтали.

Несмотря на годы, проведенные в большом городе, матушка сохранила здоровый аппетит. Она – завзятая и умелая стряпуха. Любовь к природе также осталась в ней навсегда, и, хотя в Париже не встретишь лавандовых полей и лугового разнотравья с дикими маками

и маргаритками, она любит гулять в саду Тюильри и Булонском лесу, потому что ее тянет туда, «где много зелени». Это ей успокаивает душу, говорила она мне.

Раньше она по выходным часто выезжала за город навестить свою старшую сестру Кароль – женщину добрую, но заядлую спорщицу. Однако с тех пор, как у той заболел муж и, чтобы быть поближе к врачам, им пришлось переехать в город, сестры постоянно ссорились. Во-первых, из-за того, что выживший из ума Поль явно все путал и принимал мою матушку за свою жену, а ревнивой Кароль это давало повод для самых фантастических умозаключений, а во-вторых, из-за того, что старшая сестра завидовала младшей: будто бы той все в жизни давалось легко и даже после смерти моего отца она осталась хорошо обеспеченной. Особенно наш дом в Нормандии был ей как бельмо в глазу.

Несколько лет назад мой отец умер от запущенного воспаления легких. Он так ослабел за время болезни, что не мог даже подняться с кровати. Матери он оставил в наследство квартиру на улице Варен и этот загородный домик в Онфлёре, где мы всегда проводили отпуск.

Это было время, когда лето длилось бесконечно, – по крайней мере, так мне казалось тогда. Оно пахло пиниями и розмарином, и я любил этот особенный запах. Я ощущал его, когда, продираясь сквозь заросли колючих кустов и приземистых деревьев, сбегал по откосу на пляж, под треск сухих веток, которые попадались под ногами.

Это был запах моего детства, такого же легкого и светлого, как те безвозвратные летние дни. Серебристый блеск Атлантического океана, рыбный суп вечером в гавани, возвращение домой по проселочным дорогам на машине, за рулем которой сидел папа, их негромкие разговоры с мамой, пока я дремал на заднем сиденье нашего старенького «рено», прислонившись головой к стеклу и ощущая абсолютную защищенность.

Я как сейчас помню поздние завтраки на тенистой террасе с обветшалыми балками, оплетенными глицинией, мама – босая, в белой батистовой рубашке, на которую наброшена шаль. Папа – всегда прилично одетый, в голубой рубашке в полоску, летних брюках, на ногах – мягкие замшевые туфли. Думаю, ему и в голову никогда не пришло бы шлепать по городку в сандалиях и коротких штанах – этой уже привычной униформе туристов, которую сейчас видишь на

каждом шагу; в его глазах такая одежда выглядела слишком неэлегантно. Он также никогда не завтракал в кровати. Даже когда его жена Клеманс подавала ему чашку кофе со сливками в постель, поскольку сама обожала выпить первую утреннюю чашечку кофе, сидя в кровати.

Можно сказать, что мои родители во многих отношениях были очень разными людьми. Но при этом они очень любили друг друга. Секрет их брака в значительной степени заключался в исключительной терпимости, чувстве юмора и душевной широте. Будь моя воля, я пожелал бы для них, чтобы они, как Филемон и Бавкида^[18], дожили до глубокой старости и покинули этот мир вместе, превратившись в два дерева, неразлучно сплетенные корнями. К сожалению, жизнь не всегда соответствует нашим желаниям.

В тот день, когда мой отец уже не мог встать, чтобы сесть за стол одетым, он умер. Он был человек благородного воспитания.

Когда я вошел в квартиру на улице Варен, из кухни уже тянуло аппетитным запахом жаркого.

– Мм, как вкусно пахнет! – сказал я.

– Я приготовила утиное конфи, ты же так любишь это блюдо, – радостно объявила мама, целуя меня. – Заходи, заходи!

Не знаю никого, кто еще так радостно приветствовал бы гостей, как мама. Она вся сияет от счастья, встречая тебя у порога и впуская в дом, и ты чувствуешь себя необыкновенно желанным гостем.

Мама сняла передник и, небрежно кинув его на спинку стула, провела меня в гостиную, где уже пылал зажженный камин и ждал накрытый на четверых стол.

– Садись, Жюльен, у нас еще есть несколько минут до прихода Кароль и Поля.

Мы сели на зеленый бархатный диван в эркере, мама дала мне бокал игристого кремана и протянула тарелочку с только что поджаренными гренками, намазанными толстым слоем паштета.

– Что-то ты опять похудел, – сказала она, окинув меня озабоченным взглядом.

– Ах, мама, ты каждый раз так говоришь. Если бы это было так, от меня бы уже давно ничего не осталось, – возразил я на ее опасения. – Я совершенно нормально питаюсь.

Она только улыбнулась.

– Как Артюр? – спросила она. – Он рад, что на каникулы мы поедем в Онфлёр?

– Еще бы! – Я отхлебнул немного из бокала и ощутил холодные пузырьки кремана. – Он только и говорит о том, как на каникулах поедет на море. Он же там еще никогда не был.

– А ты? Может, присоединишься к нам хотя бы на пару деньков? Подышать свежим воздухом тебе не вредно.

Я покачал головой:

– Нет-нет. Я попытаюсь писать. Надо же когда-то доделать эту дурацкую книжку.

Виновато улыбнувшись, я пожал плечами: мол, что поделаешь! Матап кивнула и тактично воздержалась от дальнейших расспросов.

– Но в воскресенье ты все-таки пойдешь с нами в «Jardin des plantes»? – продолжила она гнуть свою линию.

– Да, конечно.

– Чем ты хоть занимаешься сейчас, как проводишь время?

– Чем занимаюсь... Я... Да так – чем обычно, – ответил я неопределенно. – Артюром. Всякое там по дому. Вчера приходила Луиза убираться, так что я пошел на кладбище, потом обедал с Александром. Он приглашает меня на свою весеннюю выставку.

Я потянулся к бокалу и заметил, что рука у меня дрожит. Действительно, надо бы подумать о здоровом образе жизни.

– У тебя дрожат руки, – заметила матап.

– Да, сегодня я мало спал. Артюру приснился кошмар. Но сегодня с ним уже все в порядке, – поторопился я успокоить ее.

– А с тобой? Как ты себя чувствуешь? Пришел немного в себя?

Она посмотрела на меня, и я понял, что перед ней бесполезно притворяться. Кого угодно можно обмануть, только не собственную мать.

– Ах, матап, – вздохнул я.

– Ах, детка... – Она пожала мне руку. – Ничего. Все как-нибудь уляжется. Дай время. Ты же еще так молод. И ты когда-нибудь снова научишься улыбаться. Нельзя же всю жизнь горевать.

– Гм...

– Ты знаешь, как хорошо я относилась к Элен. Но когда я вижу тебя таким несчастным, то невольно желаю отмотать время назад, к

той жизни, когда ты мог радоваться. И тогда я думаю, что где-то ведь ходит по земле девушка, которая влюбится в моего сыночка.

Она улыбнулась. Я понимал, что она желает мне только добра.

– Может быть, поговорим о чем-то другом, татап?

– Хорошо. На той неделе я поеду в «Оксфам», чтобы передать туда вещи. Как ты посмотришь на то, чтобы нам вместе разобрать твои шкафы?

Она сказала «твои шкафы», имея в виду, конечно, шкаф, где хранились вещи Элен.

– Это я и сам могу сделать.

Я никому не позволю рыться в платьях Элен.

– Но один ты никогда этого не сделаешь, Жюльен.

– С какой стати я должен отдавать куда-то ее вещи? Они и дома никому не мешают.

– Жюльен... – Она посмотрела на меня со строгим выражением. – Я тоже пережила смерть мужа и очень горевала, ты знаешь. Но уверяю тебя, трястись над воспоминаниями – дело неблагодарное. Воспоминания пробуждают сантименты, а тот, кто предается сантиментам, не может думать о будущем, он живет прошлым. Тебе будет лучше, если ты отдашь эти платья, и вдобавок они послужат доброму делу. Ты же не хочешь превращать свою квартиру в мавзолей, как сумасшедший месье Бенуа?

Я тяжело вздохнул, понимая в душе, что она права.

Жена месье Бенуа погибла от несчастного случая, когда я еще учился в школе. Она переходила через бульвар Распай, не оглядываясь на машины: как всякая истинная парижанка, она считала ниже своего достоинства переходить через дорогу по сигналу светофора или по зебре, – она просто побежала через дорогу, уверенная, что машины притормозят, и попала под колеса.

Жан, сын месье Бенуа, был моим одноклассником, после школы мы иногда отправлялись к нему домой, потому что его отец возвращался с работы поздно и мы могли там хозяйничать как хотели. Я помню, как меня поразило, что в спальне родителей, расположенной на первом этаже и выходившей окнами в сад, где мы впервые попробовали свою первую сигарету, ничего нельзя было трогать. Туалетный столик матери вообще берегли как святыню. На нем все оставалось, как в день, когда случилась авария: ее щетки для волос и

гребенки, сережки и жемчужное ожерелье, флакон с дорогими, тяжелыми духами «L'heure bleu»^[19], два так и не использованных билета в театр – все лежало, как было при ней. На ночном столике ждала последняя книга, которую она читала при жизни, перед ее кроватью аккуратно стояли тапочки, на двери висел на крючке шелковый халат. А за складными дверцами светлого гардероба наверняка по-прежнему висели все платья покойницы.

Годами все стояло нетронутым. Так требовал месье Бенуа. Я хорошо помню, как на меня пахнуло тогда чем-то потусторонним и как я рассказал маме про этот дом, где как будто живут привидения, и про месье Бенуа, что он, наверное, сошел с ума.

Неужели и я уже на пути к тому, чтобы стать записным вдовцом, вечно оплакивающим свою потерю, как этот чудаковатый хранитель мавзолея, над которым все сочувственно посмеивались.

– Ну ладно, – согласился я. – Давай уж покончим с этим одним разом.

Звонок в дверь прервал нашу беседу. Мама вышла в прихожую открывать. Как только появились Кароль и ее муж, в квартире стало шумно. Моя тетушка подняла такой гвалт, что тут даже мертвые бы проснулись. Я усмехнулся, услышав из прихожей ее громогласные жалобы на дурную погоду и грубость парижских таксистов.

Вскоре мы уже сидели за столом, угощаясь аппетитным утиным конфи с брусничным соусом, к которому мама подала легкое красное бургундское.

Полю угощение, видимо, тоже пришлось по вкусу. Старик, одетый в синий шерстяной свитер, склоняясь над тарелкой, тщательно разрезал нежное мясо и кусочек за кусочком отправлял себе в рот. Прежде чем выйти на пенсию, мой дядюшка был профессором философии; в назидание нам и трем своим детям он любил цитировать Декарта, Паскаля и Деррида, в то время как его супруга, женщина более практического склада, работала в налоговой службе и следила за порядком в домашних финансах.

Было тяжело смотреть, как этот человек отточенного ума, чья жизнь была посвящена изучению философских трудов, а главным девизом были знаменитые слова Декарта «Cogito ergo sum» («Я мыслю – следовательно, я существую»), последние несколько лет страдал старческим слабоумием.

Кароль, надо отдать ей должное, всегда поддерживала своего мужа, все глубже погружавшегося в деменцию. Благодаря энергичной помощи добродушной сиделки из Гваделупы супруги смогли остаться в районе Бастилии, где еще несколько лет назад они успели ухватить более или менее недорогую и достаточно просторную квартиру, прежде чем арендная плата там резко подскочила. Но проблема заключалась в том, что Кароль всегда очень ревновала своего мужа, который был видным мужчиной. И ее совсем не устраивало, что Поль был явно неравнодушен к хорошенькой сиделке и постоянно с ней любезничал и смеялся.

Еще хуже было то, что Поль, которому все больше отказывала память, с некоторых пор стал, кажется, видеть в моей матушке свою законную супругу, а это очень раздражало тетюшку и вызывало у нее нехорошие подозрения. Поль и раньше питал слабость к свояченице, из-за чего между сестрами в последнее время стали возникать конфликты, в разгар которых Кароль бросала сестре обвинение, что Клеманс якобы крутила с Полем роман. Матап решительно отвергала такое обвинение, высказываясь при этом в том смысле, что теперь, похоже, и Кароль тоже окончательно спятила. Частенько телефонные разговоры сестер заканчивались тем, что одна из них, не выдержав, бросала трубку. После таких объяснений матап принималась звонить мне и жаловаться на сварливую сестру, которая, как и пристало обиженной Суаде^[20], закончила разговор о своей несчастной жизни упреком: мол, моей матушке всегда жилось хорошо по сравнению с бедняжкой-сестрой.

Все несчастья на свете, возможно, происходят не оттого, что человеку не сидится спокойно у себя в комнате, как тонко заметил однажды Блез Паскаль, а оттого, что он сравнивает себя с другими людьми. Тетюшка Кароль тому лучший пример.

«Кароль сегодня снова на тропе войны, – заявляла матап. – А я не позволю так со мной обращаться. В конце концов, мне тоже уже семьдесят. *C'est fini!*»^[21] Или: «Кароль с детства всех баламутила и вечно чувствовала себя обиженной», а под конец примирительно добавляла: «Но бывает и очень мила».

И в этом матап была совершенно права. Кароль бывала и очень мила. В хорошие дни она проявляла свой юмор и рассказывала

забавные истории из прошлого, когда они с мужем могли проплясать всю ночь напролет, не жалея каблуков.

Тетушка Кароль помнила все семейные предания, и когда принималась рассказывать о прошлом – у нее блестели глаза. Она переехала в Париж раньше моей матушки и очень помогала ей на первых порах.

Мамап этого не забывала, и недельки через две, когда волнения стихали, сестры, памятуя о том, что они именно сестры, снова возобновляли общение. Понимая, что Кароль в ее возрасте уже не переделаешь, а жизнь с Полем у нее нелегкая, мамап снова и снова приглашала их на обед, вот как сегодня.

Между тем мы приступили к десерту. На столе появился лимонный торт. Он был просто как картинка.

– Ну уж это ты не сама пекла, Клеманс! Признайся! – потребовала Клеманс.

– Разумеется, сама, – обиделась мамап.

– Неужели? – Внимательно поглядев на сделанную из безе верхушку, Кароль потыкала в нее десертной вилочкой. – У нее такой безупречный вид. Я думала, это покупной торт от Ладуре.

– Пожалуйста, не наговаривай на меня, что я все покупаю у Ладуре. – В мамином голосе появились резкие нотки.

Я уже хотел было вмешаться, но тут Кароль вежливо уступила:

– Впрочем, не все ли равно? Во всяком случае, торт чудесный. – Обернувшись к полю, она громко крикнула ему в ухо: – Тебе тоже нравится, cheri?^[22]

Поль оторвался от тарелки и, подумав секунду, сказал:

– Замечательно вкусно! – И широко улыбнулся матушке. – Моя жена всегда была хорошей кулинаркой.

С удовольствием отправив в рот последний кусочек, он задумчиво стал жевать, не замечая, что Кароль снова изменилась в лице.

– Что ты такое плетешь? – не заставил себя ждать ее ответ. – Какая тебе Клеманс жена! Твоя жена я, Кароль.

Он покачал головой, подбирая вилочкой оставшиеся на тарелке крошки.

– Нет. – Он упорно стоял на своем. – Ты – сестра.

Кароль нахмурилась, и мама поторопилась со смехом сказать:

– Нет, Поль. Ты все перепутал. Я была замужем за Филиппом. А ты женат на Кароль.

Поль растерянно огляделся вокруг в поисках поддержки. Его взгляд остановился на мне.

– Жюльен! – произнес он.

Я кивнул:

– Все так, дядюшка Поль. Ты – муж Кароль, а не Клеманс.

Кароль и Клеманс энергично закивали.

Такое упорство, казалось, рассердило старика.

Он швырнул на пол вилку и, с досадой глядя на сестер, сказал:

– А вы обе – две глупые жирафы!

Порой в трагедии проглядывает комическое. Мы переглянулись, стараясь не расхохотаться.

– Я хочу спать, – сказал Поль и сделал попытку встать со стула.

Кароль успокаивающим жестом положила ему ладонь на плечо.

– Пусть отдохнет в гостевой комнате, – сказала мама.

Но не тут-то было.

– Нет, я хочу лечь в спальне. В *нашей* спальне, – повысив голос, упрямо заявил Поль.

– А как ты смотришь на то, чтобы прилечь здесь на шезлонге и никуда не уходить? – предложила ему мама.

– Ну ладно, – согласился Поль.

Кароль отвела Поля к изящному, обтянутому цветочной тканью шезлонгу, стоявшему недалеко от стола у стены; он, кряхтя и постанывая, улегся и потребовал, чтобы ему дали одеяло. Просьбу немедленно выполнили. Довольный, Поль закрыл глаза.

– Иногда с ним очень трудно, – сказала Кароль, вернувшись к нам за стол. – Никогда не знаешь, что он еще придумает.

И тетюшка рассказала нам, что на днях к ней зашла соседка. Поль в это время как раз прилег поспать. Женщины устроились в гостиной пить кофе, и вдруг дверь распахнулась и на пороге, широко улыбаясь, появился не одетый Поль в одних трусах. Он с любопытством взглянул на сидевшую рядом с Кароль женщину, явно желая, чтобы его познакомили с этой хорошенькой особой, потому что не мог вспомнить, кто она такая. Кароль, сохраняя присутствие духа, приветливо сказала:

– Но Поль! Ты же видишь, у нас гости. Может быть, ты сначала наденешь брюки?

На это Поль, оглядев себя, сухо заметил, что он и так в штанах.

– Я стараюсь относиться к этому с юмором, – сказала Кароль и положила себе новый кусок лимонного торта.

Что касается болезней, то тетушка никогда не делала из них трагедии.

– А что мне еще остается! По большей части он ведет себя достаточно спокойно, и – хотите верьте, хотите нет – у нас еще бывают счастливые моменты, когда он становится прежним Полем. – Она покачала головой. – Но бывают просто ужасные дни. Не знаю, может быть, он иногда осознает, что у него не совсем в порядке с головой, и тогда делается просто невыносимым. Недавно Поль сказал мне, что у него «на чердаке» все разрушено и лучше взять его да заколотить.

Она вздохнула, а татап принесла на серебряном подносике кофе, и, пока мы пили из тонких лимонских чашечек кофе, разговор снова свернул в нормальную колею.

Тетушка Кароль принесла в подарок мои любимые конфеты «Calissons d’Aix» из Прованса – она неожиданно достала из своей большой сумки жестяную коробочку с глазированными мягкими миндальными пастилками, приготовленными в форме ткацкого челнока.

– Tiens!^[23] Ведь чуть не забыла! У меня тут есть кое-что для тебя. Успокаивает нервы и избавляет от печального выражения, – объяснила она без церемоний.

– О, как мило! Большое спасибо! – поблагодарил я, растроганный таким знаком внимания.

Я вспомнил историю про калиссоны, которую мне когда-то рассказала тетушка Кароль. Считается, что калиссоны придумал повар герцога Анжуйского, обеспокоенный печальным видом хорошенькой невесты герцога: калиссонами он хотел вернуть ей улыбку.

Но когда речь зашла о том, что на Пасху татап собирается уехать с Артюром в Онфлёр, тетушка Кароль глубоко вздохнула и ее сочувствие к нашей судьбе сразу куда-то улетучилось.

– Тебе-то, Клеманс, хорошо, – сказала она. – Ты всегда можешь уехать, когда захочешь. А я вот все время сижу взаперти и никуда не могу выбраться.

– Ну знаешь! Я тоже не всегда уезжаю, – принялась защищаться мама. – Но ты, если хочешь, тоже можешь поехать с нами. Почему бы не оставить Поля на недельку в пансионате? Недельку он как-нибудь переживет без тебя. А для тебя было бы очень полезно немного сменить обстановку.

– Ах, даже не знаю, – покачала головой тетушка. – Не хочу я отдавать его в чужие руки.

– Вот именно! В пансионат, где людей бьют! – послышался вдруг дрожащий голос с шезлонга, и мы все от неожиданности обернулись к Полю.

– Ой, Поль, что за ерунду ты там говоришь! – воскликнула Кароль. – Мы думали, ты спишь.

– Разве уснешь под вашу глупую болтовню, – буркнул Поль с шезлонга и отбросил одеяла. – Давай-ка, нам пора домой. Я хочу сейчас же домой!

Клеманс и Кароль молча переглянулись и возвели глаза к потолку.

– Ну побудьте еще немножко, дядя Поль! Вы же только что приехали, – сказал я, подсаживаясь к нему в ноги. – Не хочешь ли тоже чашечку кофе?

– Да. К-кофе! – кивнул Поль, и в его серых глазах загорелся огонек узнавания. – А как поживает мой маленький Артюр? – спросил он.

– У Артюра все хорошо. Скоро он поедет на море с маме и очень радуется этой поездке.

– На море. Это хорошо, хорошо, – пробормотал Поль и снова лег на подушку. Потом он наморщил лоб, сосредоточенно посмотрел на меня и громко спросил:

– А где же Элен? Почему Элен не пришла?

В комнате наступило неловкое молчание.

– Но Поль! – сказала наконец Кароль. – Элен ведь умерла.

Эти простые слова обрушились на меня как каменные глыбы.

– Как так? И она уже умерла? – пробормотал Поль, высоко подняв брови. Затем он растерянно покачал головой. – Почему мне никто ничего не сказал? Мне никто ничего не говорит, – сказал он, укоризненно глядя на нас.

– Мы же были с тобой на похоронах Элен, разве ты не помнишь? – попыталась освежить его память Кароль.

– Я – нет. Не был я ни на каких похоронах, – громогласно заявил Поль.

– Был. В нынешнем сентябре.

– Октябрь, ноябрь, декабрь, – произнес Поль, для которого это усилие явно выходило за границы его ментальных возможностей.

– Пожалуй, мы уж лучше пойдем, а то он уже устал, – тихонько сказала Кароль. – Ты вызовешь нам такси, Клеманс?

Матан расстроено кивнула и уговорила Кароль забрать с собой остатки лимонного торта. Когда за ними захлопнулась дверь, мы взглянули друг на друга.

– Н-да, – сказала матан, – похоже, у каждого свой крест. – Призадумавшись, она добавила: – Хорошо хоть Элен не пришлось долго страдать.

Я кивнул, но меня это не утешило.

Глава 6

Разбирая шкафы

Любимая моя, как же я по тебе соскучился!

По крайней мере, тебе не пришлось долго страдать, сказала мне на днях татап, когда я был у нее на обеде. Приходила также Кароль с мужем Полем. Бедняга Поль в отчаянном состоянии. Матап он называл своей женой, а потом еще и спросил, почему ты не пришла на обед. Его болезнь все усугубляется, и так продолжается уже много лет.

С тобой все было очень быстро, и конец, хотя и ожидаемый, наступил для нас неожиданно. Нет, страдать тебе не пришлось, этого не случилось, так как морфин действовал хорошо, он ввел тебя в наркотическое состояние и, как уверяют врачи, снял все болевые ощущения. Но что ты в это время переживала и какими были твои последние мысли – я, к сожалению, не знаю.

Ты не произносила многозначительных слов и не оставила для потомков the last famous words^[24], какие произносят умирающие в кино.

Я сидел у твоей кровати в хосписе и держал тебя за руку, ты лежала с закрытыми глазами и спала или дремала. Вечернее солнце ярко светило в задернутую занавеску, за окном щебетала какая-то птичка.

В какой-то момент я поцеловал тебя в лоб и сказал: «Элен, родная, я только схожу за чашечкой кофе и сейчас же вернусь». Ты сделала едва заметное движение головой и пробормотала что-то невнятное, это могло быть что угодно. А затем – не правда ли, это не был обман воображения? – ты чуть-чуть пожала мою руку.

Ты тогда со мной попрощалась? Может быть, те слова, которые я не разобрал, были «Береги себя!» или «Поцелуй за меня Артюра!».

Я охотно готов верить, что именно так оно и было.

Когда я вернулся в комнату, тебя, мой ангел, уже не стало, твое хрупкое тело почти не проступало под одеялом. Лицо у тебя было бледное и застывшее, единственная яркая краска – твои рыжие волосы на подушке: ты сохранила их, несмотря на всю отраву, которой тебя накачали за время болезни.

И, еще не успев осознать, что теперь все кончено, прежде чем на меня оглушительной кувалдой обрушилось горе, от которого я не мог оправиться еще много дней и недель, я успел подумать, что вот ты и отмучилась.

Что тот миг, который висел над нами угрозой столько недель, наконец свершился.

Мы все сказали друг другу, Элен, обо всем поговорили, мы столько раз объяснялись друг другу в любви, что хотя бы это вызывает у меня хорошее чувство и, как свеча, озаряет мои мрачные дни. За три дня до смерти ты еще раз открыла глаза, их зеленая радужка уже была подернута туманной дымкой.

– Милый мой, ах, приди, чтобы быть со мною, как в те майские дни, – сказала ты шепотом, затем вдруг взглянула на меня с отчаянной тоской. – Ах, Жюльен! Помнишь – в те майские дни, в майские дни...

– О, Элен, конечно же помню, – сказал я в ответ. – Разве могу я забыть этот счастливый день на Монмартре!

Тут ты улыбнулась, тихонько вздохнула, твои веки затрепетали, прежде чем ты снова закрыла глаза. Откуда мне было знать, что этот маленький диалог станет последним в нашей жизни? Что это будут последние слова, которые останутся мне в память о тебе?

Я до сих пор не знаю, не из твоих ли любимых стихов эта фраза. Я такого стихотворения так и не нашел. Теперь она написана на твоём памятнике, и каждый раз, как я бросаю на нее взгляд, мне верится, что нам суждено еще свидеться. Но как долго тянется для меня ожидание, моя радость!

Вчера у меня была татап: она давно грозилась и вот пришла. Она решила освободить шкафы, и от этого ее

невозможно было отговорить. Твой шкафы, Элен! Я со смешанным чувством смотрел, как все твои вещи – жакеты и свитеры, разноцветные платки и шарфики – исчезают в огромных мешках, которые принесла с собой татап.

Подержать в руках каждую вещь – и расстаться с ней. Столько маленьких прощаний!

Под конец я и сам был рад, что согласился разбирать шкафы вместе с татап. Все же легче делать это, когда кто-то находится рядом, а не когда ты остаешься наедине со своими воспоминаниями. Столько воспоминаний нахлынуло на меня, вырвавшись из шкафов. Я видел платье и вспоминал какую-нибудь ситуацию, когда ты была в нем. Столько эпизодов вставало передо мной, словно застывшие картины. События, о которых я, казалось, и думать забыл.

В конце концов шкафы опустели, и как ни ужасно было это зрелище, но после этого я ощутил какое-то освобождение.

Кстати... Когда мы разбирали шкаф и комод, то обратили внимание, как много у тебя было вещей красного цвета. Очень смело, Элен! Кроме тебя, я не знаю ни одной рыжеволосой женщины, которая так охотно надевала бы что-нибудь красное. Ах, Элен, милое мое существо! Иногда, когда я пишу за столом, мне вдруг чудится, что сейчас откроется дверь и на пороге появишься ты – стоишь в красном платье в маленький белый горошек и улыбаешься мне. Самые лучшие твои платья я пока оставил. Их я отдам тетушке Кароль для ее молоденькой дочери Камиллы. Камилла такая же стройная, как ты, и одного роста с тобой. Она, наверное, обрадуется.

Твои сумочки я отдал Катрин. И еще серебряное колечко с голубым аквамарином, которое ты купила на блошином рынке в Порт-де-Клиньянкюре. Пару недель назад она уже спрашивала, не найдется ли для нее какой-нибудь твоей вещицы на память. Она была счастлива и теперь носит твоё кольцо не снимая, и твоими сумочками тоже будет очень дорожить, сказала она и неожиданно обняла меня.

Признаться, я отношусь к Катрин с некоторой опаской. Она такая эмоциональная – чуть что, сразу в слезы, я в таких случаях как-то теряюсь. Меня это еще больше приводит в уныние. Но надо отдать ей должное. Утрату близкой подруги, наверное, тоже нелегко пережить. Вы ведь с ней так много времени проводили вместе. Помнишь, в летние вечера ты спускалась к ней «на минуточку», а потом я весь вечер слышал ваши голоса и смех на балконе. И о чем только женщины могут так подолгу болтать?

Да и Артюр тоже любит бывать у Катрин. У нее и впрямь просто ангельское терпение. Они часами играют вдвоем в карты, или она читает ему вслух сказки из толстого сборника, и все они заканчиваются тем, что люди живут вместе долго и счастливо до конца своих дней. Да, хорошо бы так!

В прошлое воскресенье они вместе пекли блинчики, а затем позвали меня, чтобы я попробовал. Все было очень славно. Артюр на радостях весь покраснелся: ему под руководством Катрин удалось-таки подбросить блинчик так, чтобы он перевернулся. Малыш был несказанно горд собой.

Катрин рассказала о тебе пару историй, которых я еще не слышал, и мы даже посмеялись. Неужели ты и вправду бродила однажды вечером в легком подпитии по 10-му округу в поисках своей исчезнувшей машины, которую увезли на эвакуаторе? Об этом ты мне не рассказывала. Может, есть и другие секреты?

Вообще Катрин мне даже симпатична, но мне с ней как-то трудно общаться. Она же была твоя подруга, а не моя. Я чувствую, как она старается изо всех сил помочь Артюру и мне и стремится изобразить такие близкие отношения, каких, может быть, между вами и не было, и эти попытки сблизиться мне чем-то неприятны. И тогда я спрашиваю себя, не ты ли поручила ей заботиться о нас? Хотя тебя и нет на свете, Элен, мне во всем мерещится твое присутствие.

Представь себе, в одной из сумочек, которая лежала в самом дальнем углу шкафа, я нашел конверт. Хорошо, что я просмотрел все сумочки, прежде чем отдать их Катрин! В большинстве ничего интересного не было: два использованных билета на киносеанс в «Студио-28», один счет из ресторана, несколько монеток, жевательная резинка в обертке, блок фотографий из автомата, на которых вы с Артюром дурачитесь, строя рожицы. И вдруг в твоей театральной сумочке этот розовый конверт, адресованный мне.

Я о нем даже не помнил, и у меня сильно забилося сердце, когда я вытащил и развернул исписанный от руки листок. Это было стихотворение Гейне, несколько коротеньких строчек, маленький шедевр. И тут я вспомнил, как обнаружил это письмо у себя на столе после того, как ты впервые у меня побывала. Тогда мы еще даже не целовались, но самое главное уже совершилось. Это маленькое, столь много обещающее письмецо заставило меня чуть ли не плясать, я был настолько счастлив, насколько теперь меня переполняет печаль. И все-таки как же я обрадовался, получив этот знак от тебя!

DIE HEIMKEHR

*Wir fuhren allein im dunkeln
Postwagen die ganze Nacht.
Wir ruhten einander am Herzen,
Wir haben gescherzt und gelacht.*

*Doch als es morgen tagte,
Mein Kind, wie erstaunten wir!
Denn zwischen uns saß Amor,
Der blinde Passagier^[25].*

Я спрашиваю себя, как это письмо попало в твою сумочку? Может быть, ты его прятала там для меня, чтобы я нашел его, когда начну разбирать шкафы?

Целую тебя нежно, сердце мое! И благодарю тебя за все чудные безмятежные дни, которые теперь так далеки, как будто до них пролегло расстояние во много световых лет. Но мне кажется, что они совсем близко, стоит только протянуть руку. Ах, если бы ты вернулась, чтобы нам оказаться вместе, как в те майские дни!

Жюльен

Глава 7

Женщина в листве

В этот день я познакомился с Софи.

Был четверг перед Пасхой. Артюра рано отпустили из детского сада, и он во что бы то ни стало захотел пойти со мной на кладбище, потому что завтра они с маме уезжали на море.

В обеденное время мы еще перекусили и собрали его детскую дорожную сумку, поэтому на кладбище приехали только в четыре часа. Артюр гордо нес в руке розу, только что купленную вместе с пасхальным букетом в цветочном магазинчике на площади Аббес.

Артюр волновался, радуясь предстоящей поездке, и что-то потихоньку напевал, тогда как мне по мере приближения к могиле Элен делалось все тяжелее на душе, и я совсем впал в уныние.

Под дуновением легкого ветерка шелестела листва старого каштана, а на дорожке играли солнечные зайчики. Артюр положил на могилу свою розу, я принялся наводить порядок и отправил его отнести горшок с увядшими маргаритками на компостную кучу, где в ящике из досок уже догнивали другие завядшие цветы и букеты.

Судя по всему, Элен не могла пожаловаться на недостаток посетителей. Приходя к ней, я каждый раз находил на могиле свежие цветы.

Когда Артюр умчался, я быстро достал из кармана конверт, открыл тайничок и положил письмо вместе с другими. Этот конверт я тоже надписал: «Для Элен», а рядом поставил жирную тройку, окруженную виньеткой, – номер письма. Нельзя сказать, чтобы писем набралось много, и, хотя их писание, к моему удивлению, приносило некоторое утешение, я был еще очень далек от того позитивного поворота, к которому это должно было привести, по словам Элен. Честно говоря, я чувствовал себя одиноким и покинутым не только сидя по вечерам один в квартире, но еще более, когда выходил из дому на улицы квартала Сен-Жермен, где уже вступила в свои права весна. В солнечные дни за столиками у кафе уже сидел народ, люди смеялись, болтали и казались мне такими веселыми. Жизнь словно начиналась заново, и только я один был в разладе с миром и клял

несправедливость судьбы. Не хватает одного человека, и ты уже чувствуешь себя в окружении статистов, сказано у Жана Жироду, и к этому нечего добавить.

Так я стоял над могилой, беседуя про себя с моим прекрасным ангелом, в то время как Артюр погнался за яркой бабочкой.

– Посмотри папа, какая она красивая! – крикнул мне мальчик, но я не обратил внимания на его слова.

К стыду своему, должен признаться, что я вообще перестал обращать внимание на сынишку, и когда наконец вспомнил о нем, чтобы идти, его уже нигде не было.

– Артюр? – Я прошелся по узенькой дорожке направо и налево, высматривая голубенькую курточку. – Артюр!

Я заглянул за кусты, пробежал вдоль могил, еще раз наведаясь к ящику с компостной кучей в надежде, что он там, но, куда я ни оборачивался, нигде никого не было видно. Тут мне вдруг вспомнился сон Артюра, как он потерял меня на кладбище, и страх стиснул мне сердце ледяной рукой.

Это большое кладбище, а Артюр еще маленький мальчик.

– Да что ж это делается! – пробормотал я, в волнении мечась туда и сюда среди могил.

– Артюр! – позвал я снова и еще раз, уже погромче: – Артюр!

Может, он спрятался где-то, чтобы подшутить надо мной, и сейчас неожиданно выскочит со смехом из-за какого-нибудь могильного памятника?

– Артюр! Это уже не смешно! Где ты?

В моем голосе появились истерические нотки. Я принялся методично проверять все аллеи, ходил по ним, поглядывая налево и направо, но нигде не обнаруживал маленькую фигурку в голубой куртке.

Солнце скрылось за тучей, и кладбище мгновенно преобразилось в серое царство теней с каменными изваяниями, готовыми ожить в любую минуту. Я невольно ускорил шаг. Я пробежал мимо статуй, чьи слепые глаза, казалось, глядели мне вслед, мимо бесчисленных могил со спавшими в них вечным сном покойниками и думал только об одном – найти сына, который пропал по моей вине.

И вот наконец я увидел его.

Он стоял впереди под большой старой липой и, казалось, разговаривал, запрокинув голову, с кем-то прятавшимся в листве.

Что он там делает? От неожиданности я на секунду замер, а затем с чувством облегчения, оттого что ребенок нашелся, направился к нему. И тут вдруг откуда-то сверху, с дерева, послышался звонкий, как колокольчик, смех.

Я приблизился, присмотрелся к листве и услышал, как Артюр произнес:

– ...но мамин ангел тут самый красивый.

В ответ среди ветвей залился смехом колокольчик.

С кем это он там разговаривает? Неужели на дереве сидит какая-то женщина?

– Артюр! Что это ты тут делаешь? Разве можно так – взять и убежать! Ну и напугал же ты меня! – сказал я, взяв его за плечо.

Он с улыбкой обернулся ко мне.

– Папа, это Софи! – сказал он, снова задирая голову.

Проследив за его взглядом, я увидел, где она сидит.

На высокой каменной ограде, скрытая завесой листвы, сидела девушка. Изящная, как маленький кобольд, она была одета в рабочий комбинезон, черные волосы прикрывала небрежно нахлобученная черная шапочка. Я, наверное, принял бы ее за парнишку, если бы не огромные глазащи, с любопытством разглядывавшие меня.

– Здравсте! – сказал я, подходя поближе.

Личико с широкими скулами и острым подбородком расплылось в улыбке.

– Здравсте, – сказала она. – Это ваш сын?

– Да, – кивнул я немного укоризненно. – Я уже искал его по всему кладбищу.

– Извините, – сказала она. – Я увидела, что он тут бегаёт совсем один, и подозвала к себе, вот мы и разговорились.

– Она чинит ангелов, папа, – сказал Артюр. – Но я ей уже сказал, что наш еще в порядке.

Я смущенно хохотнул:

– Так-так... Ну, спасибо во всяком случае за то, что приглядели за моим малышом, а то кто знает, куда бы его еще занесло. Кладбище-то немаленькое.

– Я знаю, – сказала она. – Я тут работаю. – Она перекинула одну ногу через ограду и теперь болтала ногами, как на качелях.

– Так вы что, скульптор? – спросил я, глядя на нее снизу, и почувствовал, как у меня уже деревенеет шея от такой позы.

– Не совсем, – сказала она. – Погодите, сейчас я слезу к вам.

Она скрылась в ветвях и спустилась по лесенке, прислоненной к стене. Пропустив последние три перекладины, она соскочила на землю ловко, как кошка.

– Софи Клодель, – представилась она.

Внимательно глядя на меня из-под соскользнувшей немного на затылок черной шапочки трубочиста, которая очень шла ей, девушка протянула мне руку. Рукопожатие у нее оказалось на удивление крепкое.

– Так, значит, все-таки скульптор, – заключил я с улыбкой.

– О нет, какой там скульптор! – бойко возразила она. – Я не великая Камилла Клодель и даже не ее родственница. Это я на всякий случай, если у вас возникнет вопрос.

– И кто же вы тогда?

– Реставратор скульптур из камня, – сказала она. – Я занимаюсь реставрацией статуй, надгробных памятников и всего, что сделано из камня. – Она обвела рукой кладбище. – У нас тут большой заказ от кладбища Монмартра. Некоторым статуям срочно требуется подновить носы, руки, крылья... – Широко улыбаясь, она подбоченилась. – Даже камень когда-то ветшает, и даже мрамор не вечен.

– Тогда что же еще может быть вечным? – сказал я.

– Кто его знает! Прекрасное слово? Ваш сын сказал, что вы пишете книги. Вы в самом деле знаменитый писатель, месье?

И снова этот взгляд! Господи, что еще успел наговорить Артюр этому кобольду в черном?

– Ну, наверное, точнее будет сказать – беллетрист, пишу развлекательные романы, – поспешил я исправить возможное недоразумение. – Так что тоже не Поль Клодель.

– А кто тогда?

– Ах, простите! Жюльен. Жюльен Азуле. Но если мое имя вам неизвестно, вы не много потеряли.

– Вы всегда так скромничаете?

Я растерянно умолк.

– Папа, ну давай покажем ей нашего ангела, – занял Артюр, который заскучал, слушая эти разговоры. – Пойдем с нами, Софи!

Он потянул ее за руку.

– Ну, пойдем, раз так, – иронически подчинился кобольд, и я пошел вперед, показывая дорогу.

Не прошло и пяти минут, как мадемуазель Клодель уважительно кивнула, проведя ладонью по бронзовой головке.

– Очень хорошая работа, – сказала она, профессионально рассматривая памятник. – И мрамор очень хорошего качества, будет еще долго вас радовать.

Все трое мы стояли у озаренной вечерним солнцем могилы Элен. Взгляд Софи задержался на золотой надписи. В смущении она стала засовывать обратно под шапочку выбившуюся из-под нее прядь.

– Прошу прощения, – сказала она наконец, – я ведь не знала, что... Оказывается, совсем недавно...

– Да, – поспешил я ей на помощь.

Она озадаченно покачала головой:

– Несчастный случай?

– Нет, у моей жены был рак.

– О!

– Все произошло очень быстро.

Она промолчала.

– А это... стихотворение? – спросила она затем. – «Милая, ах, приди, чтобы с тобою быть, как в те майские дни» – это же, если подумать, похоже...

– Похоже на что?

– На мысли о смерти?

– Что плохого в том, чтобы мечтать о встрече с ней? – сказал я с горечью. – Моя жизнь, в общем-то, кончена.

– Такое даже *в мыслях* нельзя допускать, месье, – сказала она потрясенно. Затем, строго взглянув на меня, добавила: – У вас же есть маленький сын.

– Я знаю.

– Жалеть себя – это не выход.

– Знаю.

Я стиснул губы, перевел дыхание и на секунду закрыл глаза.

Когда я их снова открыл, то увидел перед собой странную улыбку на лице Софи Клодель.

– Я сейчас соберу свои инструменты, а затем мы все вместе пойдем в мое любимое бистро, – сказала она. – Я хочу кое-что рассказать вам, месье Азуле. Про живых и умерших.

Думаю, что, если бы в этот апрельский вечер Артюр не убежал от меня, погнавшись за парочкой ярких крылышек, я все-таки отверг бы так беспрекословно прозвучавшее предложение Софи Клодель. А тогда меня переполняло облегчение оттого, что нашелся Артюр, что с ним ничего не случилось и он, судя по всему, нашел нового друга. Мы последовали за реставратором скульптур к выходу с кладбища. Софи то и дело останавливалась, указывая на надгробия, которые обветшали или выделялись каким-нибудь особенно красивым декором, и поясняла, чем хороша та или иная лепнина или рельеф, а под конец обратила наше внимание на особенно выразительную статую девятнадцатого века, носившую название «La Douleur»^[26]: памятник был установлен в укромном уголке в верхней части кладбища, куда вели каменные ступени.

Статуя, с годами покрывшаяся зеленовато-бирюзовой патиной, изображала девушку с длинными волосами: она сидела, прислонившись спиной к гигантскому могильному камню, на лице девушки застыло выражение такой живой скорби, что, подойдя, я невольно перед ней задержался.

– Эта статуя мне особенно нравится, – сказала Софи.

– И кто же это? Какая-нибудь знаменитость? – поинтересовался я.

Софи отрицательно покачала головой:

– Эту статую когда-то давно заказала мать, скорбящая по умершему сыну.

Мы направились дальше, пока не пришли к маленькому домику возле самого выхода, чтобы оставить там инструменты.

Вскоре мы уже сидели в бистро «L'Artiste»^[27] – малюсеньком заведении с выкрашенным в красный цвет деревянным фасадом, которое укромно спряталось на улице Габриэля. Это был уютный ресторанчик, размером не больше обычной жилой комнаты, с красными скатертями на столиках и с красными стенами, сплошь увешанными красочными плакатами и открытками времен

«прекрасной эпохи». Напротив входа на стене висела большая картина с изображением кошек, причем некоторые из них были в черных очках и с бокалами; как люди на картинах Ренуара, кошки пиروвали под деревьями, и это зрелище вызвало у Артюра восторженный возглас. Стоявший за стойкой бородач встретил Софи как хорошую знакомую, расцеловав в обе щеки.

Нам удалось занять один из деревянных столиков у окна. Артюр, видимо, был счастлив, что наконец-то происходит что-то интересное. Мы с ним почти никогда не ходили в рестораны. Он сидел, болтая ногами, и с любопытством разглядывал окружающую обстановку: было довольнолюдно. Артюр потребовал *Lasagne à la Bolognaise*^[28], Софи заказала себе *Cuisse de Poulet*^[29], а я взял фирменное блюдо ресторана – *Œuf Bourguignon*^[30] в красном винном соусе.

Софи что-то крикнула бородачу за стойкой, и вскоре он принес нам графин воды из-под крана и два бокала красного вина.

– Как поживает Гюстав? – спросил он, подавая нам заказ, и подмигнул Софи.

Она засмеялась и возвела глаза к потолку.

– Уж он замучил меня со своей простудой, – сказала она. – Но я за ним хорошо ухаживала, так что сейчас он приободрился и раскомандовался: помыкает мною так, что только держись.

Бородач ухмыльнулся.

– Ну, чтобы кто-то тобой помыкал, это, я думаю, маловероятно, – сказал он, перед тем как удалиться.

Я тоже мысленно ухмыльнулся. Очевидно, Гюстав – это дружок нашего сорванца-кобольда, и, глядя на Софи, я тоже не мог себе представить, чтобы она кому-то позволила над собой командовать.

Софи подняла бокал, ее черные глазищи блеснули.

– За жизнь! – сказала она и, не дождавшись от меня мгновенной реакции, добавила: – Ну же!

Мы чокнулись. Мне было необыкновенно хорошо и в то же время все казалось каким-то нереальным. Софи рассказывала Артюру, как используется деревянный молоток и как восстанавливают отбитый нос у статуи, сажая его для прочности на внутренний штифт. Затем она снова обратила внимание на меня, с интересом слушала, вела себя естественно и непринужденно, с аппетитом ела, задавала мне сотни

вопросов и, формулируя какую-нибудь мысль, наставляла на меня вилку.

Вот уж правда, давно у меня не было такого необыкновенного вечера, как этот. И что еще удивительнее, я вдруг стал изливать душу перед этой незнакомой девушкой, смеявшейся таким заразительным смехом. Неожиданно для себя я рассказал ей об Элен, о своем одиночестве, о том, что сейчас не могу работать.

Мы сидели точно в замкнутой сфере; было такое ощущение, что в моей жизни заново перетасовываются карты и получается новый расклад. Оказывается, иной раз легче выговориться незнакомому человеку, чем кому-то близкому, кто давно все про тебя знает или думает, что все знает.

Я, по крайней мере, ничего не знал об этой девушке, реставрирующей ангелов (а возможно, и разбитые сердца), кроме того, что она занимается необычным ремеслом, для которого в наши дни надо оканчивать художественную академию. Еще я понял, что она должна быть старше, чем показалось мне сначала. Когда я впервые увидел Софи сидящей на ограде кладбища, я принял ее за восемнадцатилетнюю, а на самом деле ей было двадцать девять.

– А как у вас? – спросил я ее, когда официант забрал со стола посуду. – Ведь это, наверное, безумно удручающее занятие – все время работать на кладбище. Как вам удается, при вашей-то профессии, сохранять такое светлое настроение? Вечное *memento mori*^[31], – мне кажется, это должно настраивать на унылый лад.

Софи мотнула головой:

– Да нет же, совсем напротив. Я наслаждаюсь каждым днем, наверное, как раз потому, что поняла, как ограниченно время нашей жизни. Мы на земле только проездом, месье Азуле, и каждый день может стать последним, поэтому... – она посмотрела на меня серьезно и значительно, – пользуйтесь каждым днем, пользуйтесь каждым днем.

Я только отмахнулся:

– Ах, вы об этой старой поговорке – *carpe diem*^[32].

Она кивнула:

– Именно так. Она хоть и старая, но от этого не перестает быть верной.

– Меня не страшит последний день.

– А надо бы страшиться, месье Азуле. Пройдет время, и вы тоже станете седым старичком, начнет ломить кости, станет трудно читать. Разговоры вы будете понимать только наполовину, с трудом сможете передвигаться, шаркая ногами, будете все время мерзнуть и чувствовать постоянную усталость после прожитой жизни. Вот тогда можете и помирать ложиться следом за женой в могилу. Но не теперь.

Она посмотрела на Артюра. Он был увлеченно занят земляничным мороженым и черкал шариковой ручкой на планшете.

– Ничего себе перспектива! – сказал я.

– Нет, серьезно.

У нее снова появился тот строгий взгляд, который я уже видел на кладбище. Вероятно, сейчас мне предстоит услышать назидательную речь о живых и мертвых.

– Послушайте, Жюльен! Неудивительно, что такое ужасное событие длительное время не отпускает человека. Это совершенно нормально. Но когда-то надо и перестать скорбеть по покойной жене. Скорбь – это такая форма любви, которая питает горькие переживания. Разве не так?

Я молчал, устремив на нее взгляд.

– Так как же – или вы предпочитаете быть несчастным? – спросила она нетерпеливо.

– Это же не от меня зависит, – бросил я нелюбезно.

– Э нет! Еще как зависит!

– Много вы понимаете! – Передо мной вдруг возникло милое лицо Элен, и я в отчаянии сгреб в одну кучу лежавшие на скатерти столовые приборы.

– Больше, чем вы предполагаете. – Софи внимательно посмотрела на меня. – Я, например, знаю, что сейчас вы только что подумали о вашей жене.

Я опустил голову.

– Понимаете, Жюльен, дело обстоит так: у мертвых всегда должна оставаться своя комнатка в наших воспоминаниях. Там мы можем их навещать. Но важно, уходя, оставлять их в этой комнате и запирасть за собой дверь.

Когда мы прощались у входа в бистро, она пожелала мне всего доброго.

– Скорее всего, мы еще увидимся на кладбище, потому что я все лето буду там работать. И не забудьте то, что я вам сказала. – Затем она повернулась к Артюру, который повис на моей руке и совсем засыпал. – Желаю вам с бабушкой хорошо провести время. Bonne nuit!
[\[33\]](#)

Она ушла. Ее фигурка в черном комбинезоне и мягких спортивных ботинках удалялась от нас, потом Софи, еще раз обернувшись и помавав нам на прощание, скрылась за углом улочки, ведущей вверх на Монмартр.

– Хорошая тетя, – сказал Артюр, зевая. – Почти такая же хорошая, как Катрин.

Я улыбнулся:

– Ой, надо же, кого-то тут совсем сморил сон.

– Меня не сморило, – попытался он протестовать, а я покрепче взял Артюра за ручку и решил ехать с ним домой на такси: мы засиделись в кафе допоздна.

Я посмотрел на небо над Монмартром – там одиноко светил месяц. Сегодня от него была видна только одна половинка, и я спросил себя, скучает ли он по второй так же сильно, как я.

Глава 8

Переменчивая погода

Как и всюду, в Париже апрель отличается переменчивой погодой. И таким же капризным, как погода, было на протяжении следующих двух недель мое настроение.

Посадив в пятницу тамап и Артюра в поезд, отправляющийся к атлантическому побережью, я впервые после смерти Элен остался один. В *буквальном* смысле один. Я отпер зияющую пустотой квартиру, подобрал с пола разбросанные Артюром детали игрушечного автомобиля и вдруг обнаружил, что сам не знаю, должен ли я чувствовать облегчение, наконец оставшись в тишине и покое, предоставленный самому себе, или же я должен ощутить себя одиноким и всеми покинутым человеком, лишившимся последней зацепки, придававшей какой-то смысл моему существованию? На миг меня охватила паника, и я чуть было не кинулся звонить тамап, что передумал и немедленно выезжаю к ним на море, – как вдруг раздался звонок в дверь.

Но на сей раз вместо моего издателя, пожелавшего узнать, как идут дела с книгой, я увидел Катрин. Она пришла спросить, не составлю ли я ей компанию, чтобы перекусить в «Au 35».

Человек – существо, озабоченное собственной выгодой. Это, вероятно, что-то вроде инстинкта выживания, так что я, признаться, даже обрадовался, увидев на пороге Катрин. Холодильник у меня был пуст, и я не испытывал никакого желания тащиться в супермаркет. К нашему обоюдному удивлению, я не раздумывая согласился и снова надел только что снятую куртку.

«Au 35» – маленький вегетарианский ресторанчик, расположенный, как следует из его названия, в доме 35 на улице Жакоб, то есть буквально в двух шагах от нашего дома. Я уже не раз там бывал. У них довольно компактное меню, прекрасно приготовленные блюда, подходящие любителям вегетарианской кухни, к числу которых с некоторых пор относится Катрин: она совершенно отказалась от мяса, заботясь о своем здоровье.

Меня в этот день устраивала любая кухня. Катрин заказала шарики с кунжутом, я – Salade au chèvre chaud^[34]. Приступив к еде, она спросила, благополучно ли я проводил Артюра на море.

– Я тоже послезавтра уезжаю к родителям в Гавр, – сообщила Катрин.

А я сказал: «Ну, как хорошо!» – и подумал, что сейчас, в Пасхальную неделю, наверное, все жильцы нашего дома разъехались кто куда. За исключением разве что мадам Гренуй, одинокой женщины, которая жила в двухкомнатной квартирке напротив Катрин и которую мы с Элен называли детоненавистницей за то, что она постоянно жаловалась на Артюра, якобы он опять оставил в подъезде свой детский самокатик прямо на проходе. И вообще, добавляла она, неодобрительно поглядывая на нас, ведет себя крайне невоспитанно, громко поет на лестнице, шумит и стучит мячиком.

– Ecoutez!^[35] Я сама воспитала троих детей, – возмущалась она, не позволяя Элен что-то ей возразить. – И все они имеют хорошие манеры, в отличие от нынешних детей.

Однако мадам Гренуй, очевидно, все же допустила какую-то ошибку при их воспитании, так как я ни разу не видел, чтобы хоть один из этих замечательных детей когда-либо ее навещал.

– Скажи, ты не мог бы приходить покормить Зази? Конечно, только в том случае, если это тебе удобно, иначе я могу попросить еще кого-нибудь, – обратилась ко мне Катрин.

Зази? Ах да! Зази.

Когда Катрин заговаривала о своей черной кошечке с лапками в белых «носочках», которую так обожал Артюр, я всегда сначала вспоминал фильм «Зази в метро».

– Ну разумеется. Я дома, так что никаких проблем, – сказал я. – Не волнуйся, я всегда на посту.

Лучше бы я этого не говорил.

– Ой, бедненький! Неужели тебе так одиноко! – тотчас же отреагировала на мои слова Катрин и снова обратила на меня томный взгляд. – А теперь еще и Артюр уехал, и ты совсем один! – Она склонила голову на плечо, сочувственно поджала губки, так что я встревоженно расправил плечи.

– Ну, честно говоря, я даже рад побыть немного в тишине, – отразил я эту атаку. – Мне же надо писать.

В последнее время я так часто произносил эти слова, что и сам почти в них поверил. Наверное, они прозвучали убедительно, так как Катрин, подперев подбородок рукой, с интересом посмотрела на меня.

– И о чем же будет твоя новая книга? – спросила она.

Я с готовностью принялся рассказывать, довольный тем, что мы ушли от опасной темы личных обстоятельств.

Героем моего нового романа был главный редактор небольшого издательства, энтузиаст своего дела, которому кое-как удается удерживать бизнес на плаву: как известно, книгоиздание – дело далеко не самое прибыльное. В семейных отношениях он переживает разлад, грозящий окончательным крахом, и тут вдруг случается невероятное. Один роман, выпущенный его издательством, по случайному стечению обстоятельств, сплетенных из целого ряда комических недоразумений, перепутали с серьезной книгой с таким же названием; и вот этому роману неожиданно присуждается Гонкуровская премия. Расходится весь тираж, его срочно допечатывают, все жаждут купить этот роман. Иностранные издательства отчаянно сражаются на аукционах за права, члены жюри хвалят роман за «простоту и свежесть восприятия», за мастерское владение живым разговорным языком, некая богачка – звезда Болливуда, у которой, как говорится, денег куры не клюют, заявляет, что хочет снять фильм по этому роману и сыграть в нем главную роль. Одним словом, события вышли из-под контроля, а виновники возникшей путаницы от стыда, что допустили такую оплошность, не посмели сказать правду. Издатель же, ранее не замеченный в любви к спорту, а, напротив, домосед и лежебока, на радостях до того ошалел, что ночью при луне, когда никто его не видит, пускается в пляс в своем садике.

Поэтому и название моего нового романа было выбрано такое: «Издатель, танцующий при свете луны».

Катрин внимательно выслушала мой рассказ.

– Гм... звучит очень интересно. Книжка должна получиться прекрасная, – сказала она и ободряюще улыбнулась.

Я радостно заулыбался в ответ, и мой взгляд одобрительно скользнул по аквамариновой тунике, которую Катрин надела к джинсам и которая так удачно сочеталась с цветом ее глаз.

– Вот только название кажется мне странноватым: уж больно комично!

– Так ведь и роман задуман как веселый, Катрин, – парировал я мгновенно.

Господи! Ведь тут же вся соль как раз в названии! Жан-Пьер Фавр так обрадовался, когда я его предложил, что даже хлопал себя по ляжкам: «Жюльен, дорогой! Это же отличное кино! Сейчас же передам это художнику-дизайнеру, чтобы он занялся обложкой!»

Тогда мы еще оба думали, что я вдохновенно закончу роман в самые короткие сроки и он выйдет сразу же за первым бестселлером.

Я вздохнул про себя и обратил внимание, как вдруг помрачнела Катрин.

– Представляю себе, как это должно быть трудно. Ну, писать веселый роман после... после всего случившегося, – договорила она, споткнувшись на начатой фразе.

Она, конечно, сделала это не со зла, но у нее был прямо необыкновенный талант беречь кровотокающую рану.

– Знаешь, Жюльен, ты в любой момент можешь позвонить мне по мобильному телефону, – сказала она. – Это я на случай, если у тебя потолок рухнет или ты почувствуешь, что роман никак не пишется.

«Черта с два я буду тебе звонить!» – подумал я про себя, заплатил за нас двоих по счету и улыбнулся.

– Само собой, – произнес я вслух.

В эту первую неделю я действительно много писал. С утра садился за компьютер, пил как дурак черный кофе, курил и тюкал по клавишам, набирая какую-то несуразную чепуху.

Чем не способ не делать дела – и вроде бы от дела не бегать?

Но свои письма к Элен я не рвал.

Я рассказывал ей о своих неудачных попытках продолжить роман, об Артюре, и о том, как он счастлив с маме на море, и что тетюшка Кароль тоже все-таки выбралась в Онфлёр, пока ее дочь Камилла взялась присматривать за больным отцом, и что Камилла была в восторге, получив на память об Элен красное платье в мелкий белый горошек, и теперь носит его не снимая. Я написал Элен об Александре, что он занят по горло подготовкой своей весенней выставки и все же выбрал время заскочить ко мне и удостовериться, что со мной все в порядке. А еще о Зази, которую я приходил кормить и которая от

радости каталась по ковру всякий раз, как только я открывал дверь в квартиру Катрин.

Я постепенно вошел во вкус и писал Элен почти каждый день, причем обо всем подряд, почти как если бы писал дневник. Мне это помогало, и тайничок в надгробии наполнялся конвертами. У меня было такое ощущение, что Элен где-то рядом, как будто она все еще была тут. Да ведь где-то же она должна быть!

Написал я и о девушке, с которой мы с Артюром познакомились на кладбище, и о том, что сначала мне показалось, будто Артюр разговаривает с деревом.

Нередко я ловил себя на том, что во время походов на кладбище невольно высматриваю Софи.

В мое первое после нашего знакомства посещение кладбища Софи я там не видел. Но дело было в Пасхальное воскресенье, так что у нее наверняка нашлись в этот день занятия более увлекательные, чем реставрация ангелов и надгробных памятников. Зато я снова обнаружил на могиле Элен букет незабудок, очевидно положенный Катрин перед ее отъездом в отпуск. В следующий раз шел дождь, и Софи так и не появилась. Но в третий раз я издали заметил изящную фигурку в комбинезоне и шапочке. Забравшись на крышу ветхого склепа, девушка обрабатывала пористый камень железной щеткой.

Она помахала мне оттуда:

– А, писатель!

Я ответил ей в тон:

– О, каменных дел мастер! Решили сегодня прийти?

– В дождливую погоду я не работаю.

Она слезла с крыши каменного домика и вытерла руки о комбинезон.

– А вы? Опять пришли на кладбище. Я думала, вы собирались работать над книгой.

– Пытаюсь.

– А что поделывает мой маленький приятель?

– Артюр? У него все замечательно. Ему полезно сменить привычную обстановку. Он носится по пляжу, плескается в волнах, собирает ракушки и радуется, как не радовался уже давно, говорит тапан.

– Прогулка на берегу моря – превосходная терапия, – сказала Софи, и я рассмеялся: у нее всегда наготове какая-нибудь прописная истина. – Я тоже с удовольствием побывала бы на море, – сказала она, устремив мечтательный взгляд куда-то в гущу листвы. – Но у меня, к сожалению, как раз накопилась куча работы, а работать мы можем, только когда позволяет погода. Слишком яркое солнце вредно действует на некоторые материалы, а в мороз невозможно применять консерванты. – С этими словами Софи повернулась, чтобы снова залезть на крышу.

– И кто же заказчики? – остановил я ее вопросом. – Город?

– Иногда город, если речь идет о старых захоронениях, представляющих собой охраняемые законом памятники. Но часто заказчиками выступают частные лица – какие-нибудь потомки знаменитых людей, которые здесь похоронены. Вы удивитесь, сколько здесь таких.

Мы еще немного побеседовали, прежде чем она опять забралась на крышу фамильного склепа, а я, покинув кладбище, отправился побродить по Монмартру. Я хотел отыскать быстро, куда меня водила Софи, но не нашел и вместо этого поднялся на улицу де Соль, по обе стороны которой росли виноградники, оставшиеся с тех пор, когда Монмартр был еще деревней на холме. И вот я вышел к ресторану «Le Consulat», где когда-то побывали мы с Элен.

Дни становились светлее, а погода теплее, и даже мадам Гренуй забыла свою ненависть ко всему свету и, встретившись со мной на площадке у квартиры Катрин, поздоровалась сравнительно дружелюбно. Она уже знала, что Катрин уехала, а я присматриваю за ее кошкой. Я кормил Зази два раза в день. Заслышав меня, кошка за дверью принималась громко мяукать; она взволнованно терлась о мои ноги, пока я накладывал ей в миску еду из консервной баночки и наливал в поилку свежую воду.

Но главными событиями этих однообразных дней были, конечно, мои походы на кладбище и беседы с Софи, которые на время отвлекали меня от неотвязных мыслей. Пока мне ничто не напоминало о случившемся, все шло хорошо, и только ночью, случалось, я ощущал глубокое отчаяние, и тогда привычная скорбь охватывала меня с прежней силой.

Стоило мне увидеть на улице счастливую парочку или услышать по радио некоторые мелодии, как на меня снова накатывала привычная тоска. Однажды по радио сообщили о смерти знаменитой актрисы «Комеди Франсез», и у меня тут же навернулись слезы. А ведь я почти не бывал в театре, не говоря уже о том, что вовсе не был знаком с этой женщиной. Однако в те дни даже одиноко лежавший в хлебной корзинке круассан мог вывести меня из душевного равновесия.

Хорошая погода выманила на кладбище Монмартра любопытствующих туристов, и даже это действовало на меня раздражающе. Однажды перед памятником Гейне собралась толпа английских школьников. Крики подростков, их бесконечные селфи так вывели меня из себя, что я чуть было не накричал на них: «Shut your fucking mouths, this is a cemetery!» ^[36] – но, к счастью, вовремя удержался. В другой раз я увидел у могилы Элен незнакомую парочку: они стояли в обнимку, задумчиво разглядывая бронзового ангела. «Какое прекрасное лицо», – сказал мужчина, и, прежде чем эти двое двинулись к следующей могиле, я услышал слова женщины: «И какое печальное стихотворение. Какая же, наверное, за этим стоит история, ведь она была еще совсем молодая».

Раньше, когда смерть еще не затронула меня, я тоже иногда бродил по кладбищам, читал надписи и додумывал истории, вмещавшиеся между двумя датами, обозначавшими начало и конец жизни. Вон там лежит ребенок, которому так и не довелось влюбиться; тут мужчина, переживший свою жену всего на два месяца. Эти истории на какой-то миг задевали мои чувства и настраивали на задумчивый лад, но, выйдя с кладбища и окунувшись в круговорот жизни, я забывал о чужих судьбах. Но с недавних пор я жил как неприкаянный, в постоянной тревоге, не обращая внимания на смену дней.

За три дня до возвращения Артюра из Онфлёра я еще раз встретил Софи. Она как раз складывала свои инструменты, собираясь уходить. Скорее всего, она заметила, что я ходил как потерянный, потому что стала бранить меня, зачем я так часто бываю на кладбище, а затем предложила пойти вместе выпить кофе.

Я с благодарностью согласился.

– А теперь давайте-ка честно, Жюльен: что это вы так зачастили на кладбище? – спросила она, когда мы устроились за столиком на улице Лепик под маркизой ресторана «Les deux Moulins»^[37].

Она окинула меня таким пронзительным взглядом, что я покраснел. Не мог же я рассказать ей о письмах, в которых уже не раз упоминал и о ней самой.

– Ведь не из-за меня вы сюда ходите? – Она шутливо погрозила мне пальцем.

– Хотел бы я, чтобы это было так. Но я всегда рад встрече с вами, Софи, – ответил я правдиво.

– И то спасибо! – Ее губы скривились в иронической улыбке, затем она ткнула в мою сторону ложечкой. – Вот что я вам скажу, Жюльен: эти хождения на кладбище не принесут вам пользы. Вы зря растрачиваете на них свою жизнь, и вашу Элен это тоже не воскресит.

От ее грубоватых слов почему-то становилось легче на душе.

– Ну... – начал я, – надо же иногда присмотреть за порядком. Ну, там... Принести цветы...

– Да-да, – сказала она, усмехаясь мне в лицо, и я почувствовал, что она видит меня насквозь.

Затем она вдруг быстрым движением сняла с головы шапочку, запрокинула голову к солнцу и потрянула волосами. Я с удивлением залюбовался черными локонами до плеч, обрамлявшими теперь ее лицо.

– Цветы на могилах зря не морите, лучше живым их почаще дарите^[38], – продекламировала Софи.

– Откуда у вас все эти мудрые изречения?

– От бабушки, – с вызовом объявила она. – Она была мудрая женщина, точно как я.

– Я рад, Софи, что вы дали мне причаститься вашей мудрости.

– И правильно, что радуетесь. Без меня вы пропали бы.

Я с удовольствием еще сидел бы так и сидел, глядя на людскую толпу на площади, слушая шутливые речи Софи, от которых мне становилось так хорошо на душе, но тут зазвонил мобильный телефон и Софи, смеясь, сказала в трубку: «Купить по дороге багет?» и «Да, и я тебя тоже». А затем обратилась ко мне: «Ну, мне пора бежать!»

Мне что-то не хотелось еще возвращаться домой. Я доехал на метро до бульвара Сен-Жермен и решил прогуляться по улицам, свернул на улицу Бонапарта, просмотрел несколько художественных альбомов в бутике издательства «Ассулин», прикинул, могу ли я себе позволить купить папку для рукописей в кожаном переплете с тисненными буквами, но, взглянув на цену, отказался от этой затеи. Потом свернул на улицу Сены и зашел поужинать в «La Palette».

Официант только что подал мне красное вино, и тут я узнал господина в очках с золотой оправой, который сидел в другом углу под большой картиной и аккуратно складывал прочитанную газету.

Я прикрылся меню, но было уже поздно.

Жан-Пьер Фар уже заметил меня.

– Ах, Азуле, дорогой! – Энергично двигая ногами, он просеменил ко мне и придвинул себе стул. – Какая приятная неожиданность! Можно подсесть к вам на минутку, cher ami?^[39]

Я без особой радости кивнул и выдавил из себя улыбку.

– Я рад видеть, что вы время от времени выбираетесь из квартиры, – сказал он, подмигивая. – Я уж боялся, что вы там окончательно забаррикадируетесь.

После молчаливого обмена записками через щель под дверью моей квартиры мы с ним ни разу не виделись.

– Как вы поживаете? Я как раз вспоминал вас недавно и собирался уже позвонить. Мы нашли замечательную обложку для романа.

Я лицемерно изобразил радость. Упомянутый роман, конечно, был мой.

– Остается только завершить книгу, – пошутил издатель, поправляя очки на носу, которые у него все время съезжали с узкой переносицы. – Надеюсь, работа хорошо продвигается?

– О да, очень хорошо, – храбро соврал я и сделал большой глоток из бокала. – У меня готово еще пятьдесят страниц. М-да, главное – надо только взяться за дело!

– А что я говорил! – воскликнул Фавр, радостно придвигаясь ко мне через стол. – Главное – только начать, вот и весь секрет.

Подозвав официанта, он тоже заказал себе красного вина. Он явно не торопился уходить, когда выпала удача поймать своего автора.

Посчитав что-то в уме и прикинув даты, он посмотрел на меня, повеселев:

– А это значит, что книжка будет готова уже к весне. Bravo, Азуле! Я горжусь вами! Это же просто formidable!^[40] – Он смотрел на меня, и лицо его сияло от счастья. – Так вы, значит, справились со всеми трудностями, да? Я с самого начала был уверен, что у вас все получится.

Я молча отхлебнул из бокала и только кивнул.

– «Издатель, танцующий при свете луны» – это же будет хитом продаж! У меня нос чешется. А это к деньгам, мой друг. – Он захлопал в ладоши.

Глядя на его восторг, я промолчал, не в силах сказать ни слова.

У меня духу не хватило разрушить его надежды.

Мне бы сейчас сигаретку! Но для этого надо было выйти на улицу. Я залпом выпил свой бокал и решительно посмотрел ему в глаза.

– Однако ж... – начал было я.

– Однако ж... – как эхо повторил за мной Жан-Пьер Фавр, и в его глазах мелькнула тревога.

Я взъерошил волосы.

– Не очень уверен, хорошо ли получается, – произнес я виновато, не смея признаться, что, вообще-то, ничего еще не написал.

– Ну, волноваться перед выходом книги – дело естественное, как же без этого! – сказал Фавр и махнул рукой, великодушно отменяя мои сомнения. – Это-то мне в вас особенно симпатично, Азуле, что вы всегда сомневаетесь. Это помогает вам сохранять критический взгляд. От этого текст становится только лучше.

– Ну, может быть. Хотя иногда мне кажется, что вся моя писанина – одна сплошная галиматья, и тогда я спрашиваю себя, кто ж это будет добровольно читать. – Я тяжело вздохнул. – И дело кончится тем, что у меня останется один-единственный читатель – я сам.

– Вот еще ерунду придумали! Перестаньте, Азуле. Знаете, что я вам скажу? – Он метнул в меня торжествующий взгляд. – Вы просто не способны писать плохо. Это говорю вам я, ваш издатель. – С этим профетическим напутствием Жан-Пьер Фавр встал и похлопал меня по плечу. – Не выдумывайте себе лишних тревог, Жюльен! Все у вас получится. Книга, можно сказать, почти готова, правда? А последние страницы вы уж как-нибудь напишете.

Я проводил его взглядом, когда он, оплатив счет, бодро покидал «La Palette». У меня не было такой уверенности. Когда-нибудь мне придется сказать ему правду. Сколько еще я смогу тянуть время?

В подавленном настроении я поковырял свой quiche lorraine^[41], еще не догадываясь о том, что случится завтра: хорошему писателю этого хватило бы на целую книгу.

Глава 9

Обними меня, пожалуйста, если можно

Утро началось как всегда. Я встал, попил кофе за круглым столиком у балконного окна, заглянул в газету. Все как обычно, только телефон звонит не умолкая.

Ну, я, конечно, немного преувеличиваю, но для субботнего утра телефонных звонков было многовато.

Сначала позвонила мама спросить, не буду ли я против, если она задержится в Онфлэре еще немного: сейчас, мол, тут так хорошо, а в выходные поезда ходят переполненные. Затем она, не спрашивая моего согласия, передала трубку тетушке Кароль, и та восторженно принялась нахваливать какой-то рыбный суп из живого, свежевывловленного налима, который она накануне попробовала в портовом кабачке. При слове «налим», у меня взбунтовался желудок. Было еще только десять утра, и я все-таки не настолько нормандец, чтобы в такую рань приходить в восторг от приготовленной живьем свежевывловленной океанской рыбы. С утра я из белковых продуктов могу съесть разве что яичницу из двух яиц. Последним трубку взял Артюр, он таинственно посмеивался и обещал привезти мне что-то из Онфлэра.

– Ты будешь радоваться, как... как слон, – объявил он с гордостью.

Не знаю, как уж там радуются слоны, но меня восхитила словотворческая фантазия моего сына.

– Я уже радуюсь, как слон, при мысли, что ты скоро вернешься, – сказал я с улыбкой.

– Я тоже радуюсь, папа! Поцелуйчик! – Он несколько раз чмокнул в трубку, и на этом разговор оборвался.

Растроганный, я вернулся к чтению «Фигаро», и снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Александр. Он напомнил, что я обещал прийти на его весеннюю выставку.

– Сегодня вечером, как договаривались? – спросил он.

– Да-да, – подтвердил я.

– Габриэль приведет свою сестру, она тоже одинокая.

Я застонал:

– Александр, прекрати сводничать!

– Ее зовут Эльза, и, представь себе, она тоже пишет! Как ты, – добавил он для убедительности. – Вот вам и готовая тема для разговоров. Габриэль ей уже много рассказывала о тебе. Она очень хочет познакомиться с тобой.

Мне сразу расхотелось идти на выставку.

На самом деле ни один писатель не любит знакомиться с другим писателем. Поэтому и авторские вечера, которые иногда устраивают издательства, проходят в такой натянутой атмосфере.

– А что она пишет-то? – спросил я.

– Кажется, стихи. – Ничего не заподозрив, мой друг засмеялся.

– И ее действительно зовут Эльза?

– Понятия не имею... Какая разница, как ее зовут: Эльза – не Эльза. Может быть, это ее писательский псевдоним. Она всегда подписывается «Эльза Л.» – что-то вроде того.

В моем воображении тотчас же возник образ экзальтированного существа, одетого в восточные шальвары с яркой и пестрой шелковой шалью на голове, появляющееся на всевозможных литературных тусовках и в соответствии с придуманным для себя образом разыгрывающее из себя египетского принца.

Недаром ведь эта поэтесса – родная сестра Габриэль, а та тоже довольно своеобразная личность.

Мысленно я уже видел, как мы стоим с ней в «L'espace des rêveurs»^[42] и я произношу:

– С кем имею честь?

– Принц Юсуф.

– Вы Эльза Л.?

– Когда-то я так звалась, но сейчас я принц Юсуф и приветствую тебя в Фивах – городе, которым я правлю.

Ну просто шикарно!

– А она и впрямь похожа на Эльзу Ласкер-Шулер?

– Кого-кого?

– Не важно!

– Жюль, ну что ты такое несешь! Она выглядит потрясающе, иначе я не позвал бы ее. К тому же она, может быть, придумает тексты

для моих ожерелий в романтическом стиле. Ну, пока, до вечера, мой друг! И горе тебе, если подведешь!

Третий звонок был от Катрин. Она только что вернулась из Гавра и хотела поблагодарить меня за то, что я так хорошо заботился о ее кошке.

– Сейчас у меня еще есть кое-какие дела, а чуть позже я зайду за ключом. Хорошо?

– Ну конечно, – сказал я.

Часы шли, а мне все меньше хотелось идти вечером на прием. Я шатался по квартире, ближе к вечеру прилег на диван почитать, оттягивая момент, когда нужно будет выйти из дому и отправиться на встречу с принцем Юсуфом. На пригласительном билете, кажется, было написано «девятнадцать часов», но ведь не обязательно же прибегать раньше всех. В четверть седьмого я забросил книжку и, вздыхая, отправился принимать душ. Я еще не успел вытереть голову, как снова услышал звонок. На этот раз звонили в дверь. Я обернулся полотенцем и пошлепал босиком в переднюю. Выглянув в глазок, я увидел, что за дверью стоит Катрин. Подождав несколько секунд, она позвонила снова.

Ключ! Она же собиралась прийти за ключом! Куда же я его опять задевал? Я пошарил в стоявшей на комодке вазе, но там его не было.

Приоткрыв дверь на щелку, я увидел, что Катрин держит в руке бутылку вина.

– Привет, Катрин! – сказал я. – Я только что из душа. Давай я сейчас сам занесу тебе ключ, подожди немного, ладно? – И затворил дверь, не дожидаясь ответа.

Спустя четверть часа я, уже одетый, в рубашке, брюках и пиджаке, позвонил в квартиру Катрин. Она тут же распахнула дверь, словно стояла под ней и поджидала. Рядом с ней на полу валялась Зази и, мурлыкая, перекатывалась с боку на бок.

– Ах, вот и ты, Жюльен! – заулыбалась Катрин.

Мне она показалась не такой, как обычно. Она загорела, тонкие руки выделялись на фоне весеннего платья в голубую полосу без рукавов, глаза блестели, а на хорошеньких ушках, которые я заметил,

потому что сегодня она убрала назад волосы, красовались маленькие бирюзовые капельки.

– Ну входи же!

На меня повеяло нежным ароматом ландышей.

Покачивая головой, я протянул ей ключ:

– Некогда. Меня сегодня пригласили на выставку.

– Да ну, подумаешь! На минуточку-то зайди, – настойчиво повторила она и порхнула в гостиную.

Я несколько нерешительно последовал за ней. Проходя мимо кухни, я почуял запахи тимьяна и пряного жаркого.

На накрытом столе стояли тарелки и откупоренная бутылка вина, на сервировочном столике – только два бокала.

Не успел я и слова сказать, как Катрин уже разлила вино по бокалам и один протянула мне.

– Огромное-преогромное спасибо тебе, что ты так хорошо ухаживал за Зази, – сказала она с чувством. – Попробуй, оно хорошее. Другую бутылку я дам тебе с собой в знак благодарности.

– Ну зачем же, Катрин, в этом нет никакой необходимости! – запротестовал я. – Мы ведь соседи.

– Да, это очень удачно, что мы соседи. Я иногда думаю, как хорошо, что это так.

Я кивнул на накрытый стол:

– Ты ждешь гостей?

– И да и нет, – сказала она. – Моя подруга только что извинилась, что не придет. Желудочно-кишечная инфекция.

– Ой, как досадно.

– Да. – Она кивнула и затем снова улыбнулась мне какой-то странной улыбкой. – И вот я осталась не у дел со своей лазаньей потоскански... Не звать же мадам Гренуй... Уж у нее-то нашлось бы время...

Глаза у Катрин блестели, и я понял, к чему она ведет!

– Да, можно сказать, не повезло, – сказал я, ставя на стол бокал. – Но мне пора, ничего не поделаешь, я и так уже опаздываю.

Я посмотрел на часы: половина восьмого.

И вдруг, сам не знаю, как это случилось, но она возникла передо мной вся в голубом, загородив мне дорогу и глядя на меня точь-в-точь как Жюли Дельпи.

– Ну побудь хоть немножечко, Жюльен! Попробуй лазанью, совсем маленький кусочек, составь мне компанию. И на выставку ты еще успеешь.

Щеки у нее покраснелись.

Я растерянно замотал головой:

– Но Катрин... Я же...

– Пожалуйста! – Она смотрела на меня, не сводя глаз. – Разве ты не знаешь, что у меня сегодня день рождения?

Нет, этого я не знал. Помнить дни рождения было всегда делом Элен.

– Ой, господи! – сказал я.

Ну что мне было делать? Я остался, иначе было бы совсем не человечески. Девушка потеряла лучшую подругу и теперь отмечает свой тридцать второй день рождения в одиночестве – я просто не мог не выполнить ее просьбу.

К тому же лазанья, которую Катрин приготовила сама, наверняка лучше тех крохотных бутербродиков, которые будут подавать на выставке Александра, где сногшибательная Эльза Л., к моему великому сожалению, вынуждена будет найти себе вместо меня другого собеседника.

Итак, я покорился неумолимой судьбе.

В тот вечер у подруги моей жены настал звездный час. Она была так благодарна, что я решил провести вечер с ней, она пустила в ход все свое обаяние и таланты, стараясь не дать мне соскучиться в ее обществе. И признаться, я очень скоро разомлел от вкусной еды, крепкого красного вина, которого то и дело щедро подливала мне Катрин, негромкой музыки и зажженных свечей.

– Искренне сожалею, что забыл про твой день рождения, – сказал я уже за второй бутылкой.

Мы удобно расположились на бежевых холщовых диванах по обе стороны стеклянного столика, и уже было ясно, что ни на какую выставку я не пойду, хотя в начале вечера мы еще вспоминали об этом и я даже предложил Катрин пойти туда вместе, если она не хочет оставаться дома одна.

В углу горел торшер, заливая комнату мягким светом, на столе стояла неубранная посуда и догорали свечи.

Голова у меня была затуманена вином. Рядом со мной примостилась на подушке Зази, и сам я в таком разнеженном состоянии был похож на ленивого, сытого кота.

Катрин доедала ложечкой из креманки тирамису, задумчиво глядя на горящие свечи.

– Да, вот они – дни рождения, – сказала она, отодвинув пустую креманку. – Два года тому назад мы еще все вместе праздновали мое тридцатилетие во «Vieux Colombier»^[43], тут неподалеку.

В апреле позапрошлого года мир еще был цел и невредим. А в июне в нем показались первые трещины, под которыми открывалась бездна.

Я вздохнул от охватившей меня тоски.

Катрин тоже вздохнула и, словно прочитав мои мысли, неожиданно сказала:

– Тогда еще была жива Элен, – и умолкла, пораженная собственными словами.

– Элен никогда не забывала дней рождения, – заговорила она снова. – Я всегда получала от нее такие удивительные поздравительные открытки... Они... они у меня все сохранились. Бывает, я...

Тут она внезапно остановилась, закрыв ладонью рот. Глаза у нее предательски заблестели.

– Мне так ее не хватает, – прошептала она. – Порой прямо не знаю, куда мне деться от тоски. – И, кинув на меня жалостный взгляд, вздохнула. – Ах, Жюльен!

– Ах, Катрин! – откликнулся я. – Я тоже по ней тоскую.

– Что же нам делать? Как нам быть?

Этот вопрос пронзал мое сердце, как ударом кинжала. Слишком ужасный напрашивался ответ.

Ничего! Мы ничего не могли поделать!

Я тяжело поднялся с дивана.

– Думаю, нам лучше всего идти ложиться спать, Катрин, – сказал я мягко. – Еще раз спасибо за угощение.

Она тоже встала, немного пошатываясь:

– Спасибо, Жюльен, что посидел со мной.

Я пошел, и она проводила меня в тесную прихожую.

– Ну, пока. Доброй ночи тебе, – сказал я беспомощно.

Она кивнула и попыталась улыбнуться:

– И тебе того же.

Я взялся за ручку двери и напоследок еще раз обернулся.

Лучше бы я этого не делал!

Личико Катрин было искажено гримасой страдания. Она молча ломала руки, и по щекам у нее заструились слезы. Она всхлипнула, и у меня самого при виде ее отчаяния словно почва ушла из-под ног.

– Ну что ты, Катрин... Нет, Катрин, не надо, – произнес я и отпустил ручку.

– Обними меня, пожалуйста, если можно!

Она горько плакала, и я тоже заплакал, заключив ее в объятия. Мы долго стояли так в темной и тесной передней, схватившись друг за друга, как утопающие. Пока отчаяние не перешло в неутолимую тоску. Тоску по утешению, по теплomu человеческому прикосновению.

Окруженные облаком ее ландышевого парфюма, мы так осмелели, что потянулись друг к другу. Я, закрыв глаза, соприкоснулся с Катрин губами. Ее нежные губы припухли от слез. И вот после долгих недель и месяцев, проведенных в печали, я снова обнимал женщину – теплое, душевное живое существо, за которым я, словно выполняя данное обещание, последовал в спальню.

В нас обоих пробудились эмоции, оба выпили больше, чем следовало, и я знал, что мы оба переживаем душевный кризис. Происходило то, что и бывает ночью, когда ты переживаешь кризис. И все же я стянул с нее платье и под ее вздохи, шепча какие-то слова, приник к ее груди.

Глава 10

Беспокойство и неуверенность

Чуть свет я, стараясь не шуметь, воровато, как ночной грабитель, вышел из квартиры Катрин.

Когда я проснулся, она еще спала. В первый момент я ничего не мог понять, затем меня охватило ужасное чувство неловкости. Я взглянул на Катрин, увидел мирное выражение ее лица со следами размазанной туши для ресниц и снял ее руку, лежавшую на моем плече. Что же я наделал? Что мы наделали?

С гудящей башкой я осторожно, чтобы не нашуметь, слез с кровати и в полутьме подобрал с пола свою раскиданную одежду. Взяв ботинки, я на цыпочках пошел к двери – как в пошлой кинокомедии.

Зази проводила меня сверкнувшими из кошачьей корзинки глазами и тихонько мяукнула. К счастью, она была единственной свидетельницей ночного происшествия в квартире Катрин – хорошо хоть не в моей. Страшно даже вообразить, что было бы, если бы страдающая от одиночества Катрин с бутылкой красного вина осталась у меня дома, а тут вернулся бы Артур, застал нас в кровати и, удивленно глядя на нас, спросил бы своим звонким детским голоском: «А разве Катрин теперь спит в маминой постели?» При одной мысли об этом мне сделалось нехорошо.

Я тихонько закрыл дверь снаружи и только собрался обуться, как вдруг открылась дверь квартиры напротив.

Я испуганно вздрогнул. Было еще только начало седьмого. Господи, кому это в воскресенье не спится в такую рань?

Мадам Гренуй с одного взгляда правильно оценила ситуацию, что, впрочем, было не так уж трудно. Виноватое выражение было написано на моем лице большими буквами. Старушка от возмущения чуть не захлебнулась и, переведя дыхание, негодуяще покачала головой, прежде чем ей удалось выговорить первое слово:

– Воз-му-ти-тель-но!

Я, как был в одних носках, метнулся мимо нее по лестнице к себе наверх, чувствуя спиной ее недобрый взгляд; мысленно я уже

представлял, как она дает волю своему возмущению в маленькой булочной на улице Жакоб, где я обычно покупаю багеты:

– Вы только подумайте, мадам! Всего полгода прошло с тех пор, как похоронили его жену, а он уже утешается с подружкой! Что тут скажешь – таковы мужчины!

Затем, получив пакет с круассанами, она снова скажет: «Возмутительно!» – а любезная продавщица, у которой каждое утро находилось для меня, бедного вдовца, доброе слово, покивает и в следующий раз посмотрит на меня как на какое-то бесчувственное чудовище.

А ведь и впрямь, если подумать, куда уж дальше! – сказал я себе, насыпая в серебристую кофеварку побольше молотого кофе, чтобы как-то прояснить голову. – И угораздило же меня, чтобы именно с Катрин!

Кажется, я так пропах ландышами, что до сих пор все ощущал этот запах.

Я залез под душ, а кофе тем временем закипел и угрожающе полез из кофеварки. Стоя под струями воды, я еще раз подумал о том, как развивались вчерашние события.

Я был смущен, вспоминая, как хорошо мне было, когда я обнимал Катрин и целовался с ней. Я был тогда живым человеком, и этого нельзя отрицать. Ни на миг я не испытал того неприятного чувства, которое бывает, когда два тела не находят гармонии. Свою нежность, душевное тепло – все это она дала мне сполна, когда я, опьянев от выпитого вина, жаждал заполнить ужасную пустоту, царившую у меня внутри. Но утром, когда я проснулся и увидел рядом ее, я сразу понял, что совершил колоссальную глупость. И вдобавок мне казалось, что я вдвойне предал Элен.

Подруга жены – это так банально, вот отчего мне было так стыдно: как-то уж совсем пошло все получалось. А впереди, как я догадывался, меня ждали большие сложности.

Ведь Катрин была мне как сестра, а вернее говоря, как троюродная кузина. Но так ли это выглядит в ее глазах?

Я выключил душ и обмотался полотенцем. На кухонном столе уже пищал мой мобильник. Это была Катрин. Очевидно, она уже заметила, что я ушел. Я не стал брать трубку, включив вместо этого радио.

Женский голос пел грустную песенку, и, когда певица дошла до слов «Don't you wish – we could forget this kiss, we're not in lo-ove?»^[44], я выключил приемник.

Кофе оказался такой крепости, что меня затрясло после первого глотка. Так мне и надо! Я достал из пачки печенинку и обмакнул ее в коричневое вариво.

Снова зажужжал мобильник. На этот раз звонил Александр. Я взял трубку.

– Где же тебя носило? По-моему, так не делают! – принялся он меня распекать. – Но я так и знал, что ты не придешь.

– Все не так, как ты думаешь, – сказал я.

– Ну ты даешь! Что за хрень? – воскликнул Александр, когда я рассказал ему про ночь, проведенную с Катрин.

Этот мастер тончайшей ювелирной работы мог ругаться, как последний марсельский грузчик. Но даже самые грубые слова почему-то звучат из его уст цивилизованно.

– Ты оттрахал Катрин?

– Мне кажется, это слово сюда не подходит, – возразил я. – Вчера мы оба расчувствовались, вот оно и случилось.

– И что теперь?

– Спроси что-нибудь полегче!

– Надо было идти на мою выставку!

Я молча отхлебнул той отравы, которая была у меня в чашке. Задним умом все крепки!

– Хотя бы было приятно?

– В тот момент – да, иначе я вряд ли остался бы у нее. Она была такая хорошенькая, мне было ее так жалко, да и себя, конечно, заодно... Ну, как-то так... – Я умолк.

Александр, казалось, задумался.

– Хочешь знать мое мнение? – спросил он.

– Нет.

– Двое несчастных не могут утешить друг друга.

– Спасибо за разъяснение, – сказал я, потирая ладонью висок.

– Тем более когда речь об этой женщине. С ней у тебя ничего хорошего не получится.

Я не стал возражать. Между прочим, у некоторых писателей в романах все получается даже очень хорошо.

– Сейчас я чувствую себя просто ужасно, – сказал я.

– Неудивительно! А что говорит Катрин?

– Не знаю. Она сейчас звонила, но я не снял трубку.

– Час от часу не легче! – сказал Александр со вздохом.

Я тоже только вздохнул.

– И угораздило же тебя, парень! Это правило каждый мужик знает: не лезь к подругам жены! Иначе неприятности гарантированы.

– Также мне умник! Мне казалось, это правило действует при живой жене.

– И то правда! – Он сдержанно хохотнул. – Да ладно тебе, Жюльен, все как-нибудь утрясется, не бери в голову! В общем-то, дело-то житейское, можно понять. Сказал же кто-то, что при определенных условиях можно влюбиться в кого угодно.

– Но я-то ее совсем не люблю! – воскликнул я.

Что он выдумывает?

– Это просто была дурацкая случайность, совпало несколько факторов, которые решили дело, – оправдывался я.

– Да я же понимаю, Жюльен, все понимаю! – сказал он успокоительно. – И поверь мне, могло быть и хуже.

– Сомневаюсь.

– Могло, могло! Эльза Л., оказывается, отъявленная *femme fatale*^[45], гроза мужчин. Радуйся, что не угодил в ее когти. От нее ты так легко не отделался бы, как от твоей прекрасной соседки.

– Какое там *отделался*! Речь вовсе не о том, чтобы отделаться от Катрин. – Я вдруг воспринял эти слова как вызов и кинулся на ее защиту. – Я же ничего не имею против Катрин. Просто мне надо ей объяснить: то, что было сегодня ночью, ничего не значит, мы просто оступились.

– Так поговори с ней, чего же проще!

Александр положил трубку, а я остался наедине с телефоном, в надежде, что Катрин попозже позвонит еще раз. Но подруга моей жены больше не позвонила и не оставила даже сообщения.

Ее молчание не давало мне покоя, вселяя неуверенность. Два дня подряд о Катрин не было ни слуху ни духу: она словно провалилась сквозь землю. Позвонить ей я не решался: в телефонном разговоре такого не скажешь. Один раз я даже робко позвонил ей в дверь, но мне

никто не открыл, и, облегченно вздохнув, я удалился восвояси. Возможно, уговаривал я себя, ей так же неприятно вспоминать о случившемся, как мне. А может быть, ее просто не было дома и сейчас она то и дело посматривает на свой мобильник, не позвоню ли я – предатель и изменник?

Одним словом, неизвестность заставляла меня нервничать.

В тот день, когда должен был вернуться Артюр, я случайно встретился с ней в кулинарии на улице де Бюси, куда я зашел купить персиков, немного сыра, слоеных пирожков и фрикаделек, которые так любил Артюр.

Встретясь нос к носу, с пакетами в руках, мы смущенно смотрели друг на друга.

– Привет, Жюльен!

– Привет, Катрин!

– Как поживаешь?

– О, хорошо... Все хорошо. А ты?

– Я тоже хорошо.

На секунду умолкнув, мы одновременно произнесли:

– Я...

– Да? – Она вопросительно посмотрела на меня.

– Нет, сперва ты...

– Нет, ты, пожалуйста...

Продолжать в том же духе было невозможно. Тем более что мы стояли в магазине у витрин с салатом из фасоли с беконом и кусочками крабового мяса в мисочках.

– Сходим выпить чашечку кофе?

Она кивнула.

Разговор, начавшийся с заминками, дался нам непросто. Мы оба чувствовали себя скованно и боялись ошарашить другого неловким замечанием.

– Я очень сожалею, Жюльен. Сама не понимаю, как это могло случиться, – смущаясь, начала Катрин, – но я... – Она покачала головой и, судя по выражению лица, сама была недовольна, что из сочувствия ко мне нечаянно зашла чересчур далеко. – А потом ты утром тихонько убежал, не сказав ни слова, и я не знала, я не знала...

Она бросила на меня умоляющий взгляд.

– Это было неправильно с моей стороны, – быстро отозвался я. – Но в то утро я был в такой растерянности. А теперь у меня такое чувство, что я предательски поступил по отношению к Элен. Это ужасное чувство.

– Нет, Жюльен. Ты не должен себя упрекать. – Катрин на секунду положила ладонь на мою руку. – Это все... Ну, не знаю! Подвела сама ситуация, так ведь? – Она неуверенно посмотрела на меня. – Думаешь, Элен бы на нас обиделась?

«Перстами в рану, Катрин, опять ты перстами в рану!» – подумал я.

Я беспомощно покачал головой и оставил этот вопрос без ответа.

Никаких «нас» на улице Жакоб не было: просто мы оба как могли залечивали свои раны.

– Ах, Жюльен, мы еще оба были в расстроенных чувствах, – сказала Катрин. – Иначе этого не случилось бы. – Ее голубые глаза не отрываясь глядели на меня. – Но когда-то же это должно пройти.

Я кивнул:

– Когда-нибудь непременно пройдет.

Мы допили кофе, но не решались встать и уйти.

– Знаешь что, Катрин... – произнес я наконец. – Я думаю, в основе настоящих отношений должны лежать общие надежды, а не взаимная жалость.

Она кивнула:

– Но... Мы ведь остаемся друзьями, да? – неуверенно спросила она.

– Разумеется, Катрин. Как же иначе? Разумеется, мы остаемся друзьями.

Я действительно так и думал в этот момент и почувствовал большое облегчение оттого, что мы выговорились. Но я упустил самое главное. Мы с Катрин никогда не были друзьями. Она дружила с моей женой. У нас не было общей истории. И все последующие недели я, встречаясь с ней то в подъезде, то заскочив к ней за Артюром, не мог отогнать от себя ощущение, что ступаю на зыбкую почву.

Элен, моя несказанно любимая Элен!

Последние дни промелькнули незаметно. В субботу вечером я, вообще-то, собирался пойти на праздничный

прием к Александру, – помнишь, я тебе об этом писал. Но тут вдруг явилась Катрин с бутылкой вина. У нее был день рождения, и она в такой день не хотела оставаться одна: какая-то подруга в последний момент позвонила ей и сообщила, что не может прийти. Ну вот, как ты, наверное, догадываешься, я нежданно-негаданно и получил приглашение на лазанью.

Катрин была так рада, что я остался, а для меня в этом не было особенной жертвы. Признаться, я с самого начала не испытывал большого желания идти на банкет. Александр, конечно, позвал меня из самых добрых побуждений, но мне в настоящее время как-то не хочется находиться в многолюдной компании. Ведь это совсем не то, что раньше, когда мы с тобой ходили куда-то вместе. Хотя мы и не стояли там все время бок о бок, мы часто встречались взглядами и разделяющее нас пространство не имело значения. Рядом с тобой, любимая, мне в любой компании было хорошо. А теперь это так странно – ходить куда-то одному. А главное, одному потом возвращаться. Идешь по улице один, и не с кем даже поговорить. Ко всему этому надо еще привыкнуть.

Итак, вместо весенней выставки в «L'espace des rêveurs» – вечерняя посиделка у Катрин. Мы так много говорили о тебе, Элен, и о прежних временах. Все было очень славно. Но когда мы стали вспоминать о том, как праздновали тридцатилетие Катрин, оба взгрустнули. «Прямо не знаю, куда деваться от этой тоски», – сказала Катрин. Ее слова поразили меня в самое сердце. Как же быстро изменилась вся наша жизнь за каких-то два года! Как же мы скучаем по тебе, Элен, как нам тебя не хватает!

У Катрин есть Зази, у меня – Артюр, но разве они могут заполнить эту ужасную пустоту, которая осталась после тебя? Мы выпили за тебя, дорогая, и помянули. Но будь ты здесь, насколько лучше прошел бы этот вечер!

Позавчера Артюр вернулся из Онфлёра. Топоча ножками, он поднялся по лестнице. Матіе привела его за ручку. Он приехал веселый и загорелый и так и кинулся ко

мне обниматься. Хотя я могу ошибаться, но мне показалось, что он еще немного вытянулся. Я так рад, что он опять дома. Как-то уж больно тихо было без нашего мальчика. Сейчас квартира как будто ожила. Повсюду игрушки. Ты не представляешь себе, как быстро он успел заполнить все своими игрушками. Когда-нибудь я упаду, наступив на детальку из его плеймобиля, и сломаю себе ногу.

Только представь себе: он привез мне подарок и ужасно этим гордится. Это же надо – нашел на пляже морскую звезду! Он сказал, что дарит ее мне на счастье. И потом мы с ним долго обсуждали, куда ее лучше всего пристроить. Иногда наш мальчик проявляет редкостную скрупулезность. Он долго колебался, выбирая между моим ночным столиком и письменным столом. Сейчас морская звезда красуется на письменном столе перед твоей фотографией. «Так, чтобы и ты ее видела», – сказал Артюр.

Матап и тетушка Кароль уже довольно долго ведут мирное сосуществование. Судя по всему, на море между ними царил мир и гармония. Тетушке тоже пошел на пользу отдых, сестры много беседовали друг с другом. У тетушки нелегкая жизнь, с больным Полем ей бывает непросто, с него ни на минуту нельзя спускать глаз. Но Камиль без нее хорошо с ним справлялась.

И еще одна новость, которая тебя порадует: Камиль беременна от того симпатичного мужчины, с которым она познакомилась всего пару месяцев назад. Все произошло очень быстро! Они, кажется, безумно счастливы. А ожидание ребенка – это всегда новая надежда. Камиль поделилась новостью и со своим отцом. «Папа, у меня будет ребенок», – сказала она. А Поль, говорят, посмотрел на нее с блаженной улыбкой и спросил: «От меня?»

Вот видишь, и грустно, и смешно!

Матап как-то сказала мне, что надо доверять жизни и что в конце концов станет понятно, что все происходило не зря. Но я никогда не поверю, чтобы для чего-то нужна была твоя смерть.

Завтра я снова пойду на кладбище и отнесу тебе мое письмо. Мне самому даже не верится, что оно уже двадцатое. Да, радость моя, я наверстываю упущенное! И дело идет легче, чем я думал. Мой голос, твое молчание. Дойдут ли до тебя когда-нибудь известия о том, что тут происходит?

Иногда я думаю, что да, иногда – что нет. И иногда мне так хочется хоть раз, один-единственный раз получить от тебя ответ.

Но этого, верно, никогда не случится, и потому остаюсь и впредь, до тех пор пока мы снова не будем вместе,

твой неутешный Жюльен.

Милая Элен,

вчера Артюр открыл нашу тайну, и вот как это случилось.

После утреннего завтрака я собрался на кладбище, как вдруг позвонили из детского сада: у Артюра заболел живот и он просится домой, так что хорошо бы я за ним пришел. Когда я прибежал в детский сад, у него уже все прошло, а воспитательница мне подмигнула и сказала, что дело, скорее, в переживаниях. Очевидно, ему захотелось ко мне. Может быть, ему после дачи никак не привыкнуть к городской жизни, так что я взял его с собой на кладбище. По пути к твоей могиле мы увидели нашу знакомую реставраторшу, о которой я тебе уже рассказывал. Она как раз трудилась над статуей ангела, и Артюр пожелал остаться с ней и посмотреть, как она будет чинить сломанное крыло.

– Можно мне тут посмотреть, папа? – попросил Артюр, и поскольку Софи ничего не имела против, то я оставил его с ней, а сам пошел к твоей могиле.

Я увидел ангела, который днем и ночью глядит, обернувшись через плечо, и его лицо показалось мне вдруг недовольным, губы как будто были поджаты.

Едва я положил письмо в тайник, откуда ни возьмись рядом появился Артюр, с любопытством наблюдая за моими

действиями.

– Что ты там делаешь, папа? – звонко спросил он.

– Ой... Н-ну, я, видишь ли, иногда пишу маме письма, – признался я, понимая, что попался. – А чтобы письма не погибли под дождем, я прячу их в специальный почтовый ящик.

– Клево! – сказал Артюр.

Это слово сейчас в ходу в его детсадовской группе, там все говорят «клево!».

Что касается писем, это его не удивило.

– А письмам она будет рада. Наверняка у них там, на небесах, бывает скучновато, – высказался он по этому поводу. – Жаль, что я еще не умею писать. Когда научусь, я тоже ей напишу.

Я закрыл тайник и сказал:

– Только помни, Артюр, это секрет. Никому о нем не рассказывай, слышишь? Совсем никому. А то... а то письма не дойдут к маме.

Он понимающе кивнул.

– Я никому не скажу, – пообещал он серьезно. – Я понимаю, что секрет – это секрет. Я ведь уже большой.

Он взял меня за руку, и мы пошли обратно. По дороге мы увидели Софи: она сидела на скамейке и грелась на солнышке. Решила сделать обеденный перерыв. У нее были с собой тартинки и баночка пива. Она великодушно угостила нас своими бутербродами. Артюр говорил не умолкая о том, как он отдыхал на море, а я думал о своем и мыслями был далеко.

Ах, Элен! У меня такая тяжесть на душе. Я скрываю секрет, и очень некрасивый. Может быть, тебе и так все давно известно, если ты еще где-то есть и смотришь оттуда на нас.

Я не сказал тебе всего начистоту, любимая! Этот вечер с Катрин, этот день рождения, о котором я тебе писал, на самом деле закончился совсем не так.

Да, мы правда очень грустили и действительно много тебя вспоминали, но потом – сам не понимаю, как это

случилось, – мы вдруг со слезами обнялись, и тут как-то одно потянуло за собой другое. В общем, всю ночь мы провели вместе.

Мне ужасно стыдно, Элен! Ведь никакой любви к Катрин у меня нет. В этот вечер мы оба чувствовали себя такими несчастными, каждому из нас нужно было на кого-то опереться. Мы поступили неправильно, совершили ошибку. Но я так тоскую по тебе, Элен. Это трудно выдержать. Ах, если бы ты снова была со мной! Если бы своими письмами я мог вернуть тебя к жизни, поверь мне, я тогда написал бы тысячу писем!

И вот я чувствую себя перед тобой виноватым и только надеюсь, что ты меня простишь. «Как думаешь, Элен на нас обиделась?» – спросила Катрин, когда мы потом объяснились. И я не нашел ответа. У меня такое чувство, что я предал самое дорогое. Ибо самое дорогое для меня – это ты, любимая.

Можешь ты нас простить? Можешь простить меня?

Ах, если бы получить от тебя ответ, мой навеки умолкший ангел! Хоть бы ты подала мне какой-то знак, чтобы я понял – прощен. Я за это многое отдал бы!

Я люблю тебя, мой ангел. Всегда буду любить тебя.

Прости меня!

Глава 11

Добрые души

Вот-вот наступит май, и я снова съездил на кладбище.

Случилось ли это из-за бесконечных переживаний насчет Катрин, или же виной всему был холодный ветер на мосту дез Ар в тот вечер, когда мы встречались с Александром в районе Бобур, а может быть, все дело в приятеле Артюра по детскому саду Максиме, который приходил к нам в гости и все время, пока мы играли в зайца и ежика, немилосердно меня обкашливал. В общем, я подхватил вирус и заболел таким гриппом, что мало никому не покажется. Голова разламывалась, все кости ныли – такого со мной давно не бывало, не припомню за последние годы ни одного случая, чтобы у меня вообще поднималась температура. Зато теперь всего хватило сполна. Я с трудом мог дотащить от постели до ванной и обратно, с утра помочь Артюру одеться, а вечером поставить ему какой-нибудь фильм – и все.

В это время я на себе почувствовал, что значит, когда рядом есть добрые души. Они слетелись на помощь со всех сторон. Мамап отсоветовала мне обращаться к врачу: «От гриппа они все равно ничем не помогут. Сидя у них в очереди, ты только подхватишь новые вирусы». Она заходила ко мне каждый день, чтобы приготовить еду, и должен сказать, что за две недели болезни я странным образом даже прибавил в весе. Элоди – так звали мать приятеля Артюра, который уже успел вылечиться, – заходила утром и отводила детей в детский сад. Катрин сразу же предложила приводить Артюра из детского сада, иногда она забирала его к себе поиграть, а мне, как больному, приносила гостинцы, и я с благодарностью их принимал.

Даже Александр, питающий настоящую фобию ко всякой заразе, два раза меня навещал. Он прикрывал рот галстуком и устраивался на стуле как можно дальше от дивана, на котором я лежал.

В это время я помногу спал. Мой организм самостоятельно боролся с вирусами, снимая с меня всякую ответственность, а я только мирно дремал, приняв болеутоляющую таблетку, в комнате с задернутыми занавесками.

Один раз мне приснилась Элен, она возникла передо мной улыбающаяся, в белом одеянии и с венком из маргариток на голове, и я подумал: «Такая теперь, по-видимому, мода на небесах». Она нежно поцеловала меня в губы и сказала:

– Вот решила проведать тебя. Как ты себя чувствуешь, Жюльен? У тебя все хорошо?

– Сейчас да, – ответил я и вздохнул с облегчением, увидев, что она пришла. – Пожалуйста, не уходи, Элен! Ты так мне нужна.

– Ну что ты, Жюльен, *mon petit fou*^[46], – рассмеялась она негромко. – Я и так всегда с тобой, разве ты не знал?

Она села рядом с моей кроватью и ласково убрала мне со лба взмокшие волосы, а я схватил ее руку, такую нежную и тонкую. «Буду держать ее и не отпускать», – подумал я про себя. – Никогда больше не выпущу эту руку из своей». Я блаженно смежил веки: теперь все хорошо, Элен со мной, и я крепко держу ее руку в своей.

Проснувшись, я с изумлением обнаружил, что все еще держусь рукой за деревянный столбик кровати.

Однажды вечером (к тому времени я уже пошел на поправку) Катрин привела из детского сада Артюра и, перед тем как уйти, с нерешительным видом задержалась в комнате. Видно было, что она хочет сказать что-то важное. Из детской комнаты слышно было пение Артюра, он сидел за своим детским столиком и рисовал восковыми карандашами картинку за картинкой – это было его новое увлечение. Приложив палец к губам, Катрин тихонько прикрыла дверь.

Я приподнялся с подушки: что это она там затеяла?

– Жюльен, нам надо поговорить, – сказала она приглушенно и устроилась в мягком кресле напротив дивана. – Это касается Артюра.

– А что с Артюром? – встревожился я. – Что с ним случилось? Его обижают дети в детском саду?

Сейчас столько пишут в газетах о том, как дети в группе вдруг начинают обижать и высмеивать кого-нибудь одного.

– Нет-нет, ничего такого, – продолжила она нерешительно.

– Ну тогда что же?

Она вдруг вся залилась краской:

– Артюр меня сегодня спросил, не стану ли я его новой мамой.

– Что-о? С чего он это взял? – спросил я подозрительно.

– Вот и я его о том же спросила, и он сказал, что утром мадам Гренуй заговорила с ним на лестнице. Она сказала, что его, бедняжку, можно только пожалеть, так как его бессердечный папаша, похоже, уже забыл маму и завел себе новую женщину – учительницу из квартиры напротив, к которой ходит тайком. «Наверняка у тебя скоро появится мачеха, бедный мальчик», – сказала она ему.

– Вот старая ведьма! – Я ощутил мгновенный прилив адреналина. – Да я ей шею сверну!

– Нет, лучше не надо, а то Артюр останется еще и без отца. Но откуда ей такое пришло в голову?

Я со вздохом опустилсся снова на подушку.

– Да понимаешь, – сказал я смущенно, – она меня тогда видела. Ну, знаешь, когда я рано утром выходил из твоей квартиры. А тут вдруг, гляжу, она вышла на порог и этак ехидно на меня посмотрела.

Катрин усмехнулась, но тотчас же ее лицо снова стало серьезным.

– Ты бы поговорил с Артюром и как-то ему объяснил. Я сказала ему, что мы просто хорошие друзья.

Она неуверенно посмотрела на меня, и в ее взгляде было какое-то непонятное выражение.

– Я же правильно сказала? Да?

– Ну конечно, – успокоил я ее. – Ты все сделала правильно, Катрин. А я потом поговорю с Артюром.

– Хорошо.

Она встала, взяла свой портфель и отворила прикрытую дверь:

– Тогда до завтра.

Она махнула ладонью, я тоже помахал.

– И еще... Катрин!

– Да?

– Спасибо за все.

Вечером я в который раз сел смотреть с Артюром «Робин Гуда». Мы устроились рядом на диване: он в пижамке, с коричневым медвежонком, я в полосатой пижаме. На диване у нас стояла миска с чипсами, из которой мы по очереди угощались. Артюр уютно свернулся под одеялом и радостно визжал, когда Робин Гуд устраивал очередную проделку и ноттингемский шериф оказывался в дураках.

Когда после множества захватывающих приключений хитрый Робин заключил в объятия свою Мэри-Энн и вокруг парочки

закружилась туча сердечек, Артюр радостно выдохнул.

Затем он повернулся ко мне.

– Знаешь что, папа... – сказал он и захихикал.

– Нет, не знаю, малыш, но ты же мне, наверное, расскажешь?

Я взял его на руки, и он прислонился головкой к моему плечу.

– У меня тоже есть подружка, – произнес он мечтательно.

– Что-о? – удивился я. – Не рановато ли, Артюр? Тебе же еще только четыре года.

– Нет, папа, – заверил он меня серьезно. – И у Максима тоже подружка.

– Вот оно что, – сказал я.

Ну что я могу понимать? Я же всего лишь отец!

– Но моя красивее, – продолжал Артюр. – У нее рыжие кудри, как у мамы. – Со счастливым вздохом он потянулся на диване. – Джульетта – самая красивая девочка в группе «Смурфиков». Ее мама – итальянка, – заявил он с гордостью.

– Это... это же просто здорово! – Я был немного растерян. – И... и что надо делать, если у тебя появилась подружка? – осторожно приступил я к расспросам.

– Ой, папа! – сказал он. – Да это же все совсем просто. – Он зачерпнул горсть чипсов и с удовольствием принялся жевать. – Ты выбираешь девочку, а затем подходишь и спрашиваешь: «Хочешь дружить со мной?» И тогда она отвечает: «Да». – При этих словах Артюр быстро глянул на меня. – Это если она *ответит согласием*... – сказал он мне в разъяснение (и я не мог сдержать улыбку), – тогда вы целуетесь и уже ходите вместе.

– О... Вау! – воскликнул я с облегчением. – И она, то есть Джульетта, с первого раза ответила тебе согласием, когда ты ее спросил?

– Да, – радостно подтвердил он и снова прижался ко мне. – Теперь мы за столом всегда садимся вместе и занимаем место друг для друга. Она говорит, что я клевый.

– Ну конечно же ты у нас клевый парень, – сказал я, потрепал его по волосам и решил сразу взять быка за рога.

– Знаешь, Артюр, я тоже должен тебе кое-что сказать.

Он сделал большие глаза.

– Про Катрин? – спросил он.

Я кивнул:

– Да. Мы с Катрин друзья, но... мы вместе не ходим, понимаешь?

Он неуверенно кивнул.

– А мадам Гренуй сказала...

– Мадам Гренуй – сварливая старушка, которая любит наговаривать на людей и рассказывать всякие глупости, – перебил я его. – Однажды утром она увидела, как я выходил от Катрин, а ты тогда был в Онфлэре с бабушкой. Но я просто утешал Катрин, потому что она осталась совсем одна в день рождения. Вот я и просидел у нее до утра, чтобы ей не было так грустно. – По крайней мере, мои слова не были сплошным враньем. – Я думаю, ты это понимаешь.

– Да, папа, конечно, – сказал Артюр, видимо успокоенный моими словами. – Катрин мне тоже уже сказала, что вы с ней просто друзья.

– Так и есть, – кивнул я с облегчением.

– Только знаешь что?

– Нет. И что же?

– Если хочешь, то пускай она будет моей новой мамой, это ничего. Она же добрая. Совсем не такая, как злая мачеха в «Золушке». – И тут он сладко зевнул.

– Тут ты совершенно прав, – сказал я. – Но все равно мы с Катрин просто друзья. И так оно и останется.

Он сонно кивнул, и я отнес его в постельку.

В эту ночь мне приснилась рыженькая девчушка по имени Джульетта. Она сидела в онфлёрском саду на больших качелях под старой пинией и радостно качалась, а мой сын стоял сзади и раскачивал ее, восклицая: «Выше, Джульетта, еще выше!»

Спустя несколько дней я снова вышел на улицу. Небо над Парижем сияло лазурной голубизной. Настал май, в парках распускались цветы и деревья. В лицо мне светило жаркое солнце, а в куртке у меня лежало длинное письмо к Элен, написанное за эти дни. Хотя я тогда был болен, мне было о чем ей рассказать.

Я спустился в метро. Как мне показалось, лица у людей были несколько приветливее, чем обычно. Глядя на букет весенних цветов, который я купил, я порадовался, что положу такую красоту на могилу Элен.

Кладбище Монмартра выглядело как райский сад, одетый буйно распустившейся зеленью. В листве щебетали птички, и воздух был напоен ароматом цветущих каштанов.

Вдыхая полной грудью свежий воздух, я быстрым шагом вышел на нужную дорожку, затаившуюся в дальнем углу кладбища, куда редко забредали посетители. Когда я тут был с Артюром в последний раз, неподалеку трудилась Софи. Очевидно, эта работа была закончена: каменный ангел, чье крыло она уже починила, стоял с довольным видом. А Софи нигде не показывалась.

Еще несколько шагов, и вот передо мной могила Элен. В первый миг, подойдя к бронзовому ангелу, я взглянул на него растерянно.

– Я надеюсь, что ты не держишь на меня обиды, Элен, – произнес я тихонько, невольно вспомнив при этом свое отчаянное письмо, которое принес две недели назад. – Я довольно долго не давал о себе знать, потому что болел.

Пошарив за памятником, где была спрятана ваза для цветов, я отступил на шаг и полюбовался ярким букетом, так и светившимся среди зелени плюща. Затем вынул из-за пазухи письмо, нажал на кнопку и открыл тайник. Каково же было мое удивление, когда я собрался положить внутрь новое письмо! Я не верил своим глазам, но сомневаться не приходилось.

Тайник был пуст: все письма из него исчезли.

А на их месте лежало каменное сердечко.

Глава 12

Есть многое на свете, друг Горацио...

Вот уже час, как я сидел на ступенях, ведущих к базилике Сакре-Кёр, глядя на раскинувшийся внизу город. Под безоблачным небом сверкал на полуденном солнце Париж. Вокруг меня кипела жизнь. Студенты, расположившиеся со своими рюкзаками на широкой каменной лестнице закусить багетом. Туристы, которые остановились на ступеньках в нерешительности: что же лучше – сделать селфи у напоминающей кондитерское изделие белой базилики или на фоне грандиозной панорамы города? Целующиеся влюбленные, счастливые от сознания того, что находятся здесь, высоко над городом, в таком знаменитом месте, которое для большинства людей является воплощением романтики. Даже я однажды вечером поднимался сюда с Элен, чтобы посидеть на этих ступенях. Тогда было тихо, а город внизу сверкал морем огней.

Я раскрыл ладонь, в которой по-прежнему лежало каменное сердечко. Глядя на него, я все еще не мог поверить своим глазам. В голове роились странные мысли.

Обнаружив, что все мои письма куда-то исчезли, я еще долго стоял у могилы. Прижав к сердцу камешек, я глядел на бронзового ангела, не в силах оторвать глаз. Я был словно громом поражен. «Боже мой, – прошептал я, чувствуя, как у меня бешено колотится сердце, – неужели это была ты, Элен?»

Наконец я положил новое письмо в тайник и крепко закрыл дверцу. А затем удалился с кладбища, не глядя по сторонам. Я пустился куда глаза глядят по улицам Монмартра, как будто спасаясь от невидимой погони, растерянный и слишком взволнованный, чтобы вернуться в какое-нибудь кафе. Ноги сами принесли меня сюда, на самую высокую точку Монмартра.

Я снова принялся разглядывать камень в своей руке. Мое сердечко было не такое, как те украшенные розочками сердечки, которые иногда продаются в цветочных магазинах. В сущности, это был просто розоватый, блестящий, неправильной формы камешек, немного

напоминающий сердечко. Такой камешек, если повезет, блеснет тебе в горном ручье, и ты уносишь его домой, достав из бурливого потока.

Я снова зажал камешек в ладони и устремил взгляд на горизонт, который утонул в полуденном мареве. *Может ли это быть?* – спрашивал я себя. Может ли быть так, что при каких-то особенных, непостижимых для ума условиях это явилось ответом на мои горячие мольбы в последнем письме? Что еще могло означать это сердечко, как не любовь, вечную любовь?

Я перевел дыхание. *Надо успокоиться, Жюльен. Давай-ка спустись на землю!* – призвал я себя к порядку. *Знак от покойницы с того света! Не слишком ли это?* Такое бывает только в романах, где в самых удивительных ситуациях вдруг появляются путешественники во времени или человек, пребывающий в коме, выходит из тела, чтобы самолично участвовать в каких-то событиях. Это же просто абсурд!

Однако – абсурд ли? Разве так уж это невероятно?

Все мои письма исчезли – это я, во всяком случае, видел сам. Кто знал о них? Я никому не рассказывал ни о письмах, ни о тайнике. У меня мелькнула мысль об Артюре, который недавно увидел, как я клал письмо в тайник, но с тех пор Артур ни разу не был на кладбище, да и кому он мог об этом рассказать? Нет, покачал я головой. Исчезновение писем должно было иметь другое объяснение.

Разумеется, чисто теоретически кто-то мог случайно обнаружить тайник и просто из любопытства забрать письма, но это казалось мне крайне маловероятным. Да и кому, в самом деле, могло это прийти в голову? У кого поднимется рука на такую личную переписку? Да еще на кладбище?

Например, у писателя в погоне за хорошим сюжетом, пронеслась у меня в голове мысль, и я невольно про себя усмехнулся.

Я ведь не раз видел, что незнакомые люди останавливаются у могилы Элен. Может быть, находятся сумасшедшие, которые уносят с кладбища вещи на память и коллекционируют их, как фанаты – автографы музыкантов?

Но даже если кто-то случайно обнаружил письма и взял их оттуда, не устояв перед искушением, остается еще каменное сердечко. Почему кто-то вздумал подложить мне в тайник сердечко? Кто, кроме Элен, мог такое сделать?

Эта мысль вызывала, конечно, беспокойство, но чем больше я над нею раздумывал, тем сильнее меня завораживала фантастическая идея, что сама Элен пожелала подать мне знак этим сердечком. Она хотела сказать, что простила мне историю с Катрин и что любит меня.

Я взглянул на небо, и вот, пока я сидел на ступенях у базилики Сакре-Кёр, все стало казаться мне совершенно логичным. Ведь говорит же у Шекспира Гамлет: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». («There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy».) И я удовлетворенно кивнул, вспомнив эти часто цитируемые слова. В сегодняшний солнечный майский день они обрели для меня гораздо более весомый смысл, чем для самого Гамлета.

Разве не происходят в жизни сплошь и рядом совершенно необъяснимые вещи? Срывающиеся со стены в момент чьей-то смерти зеркала? Влюбленные, одновременно пришедшие на мост, где произошла их первая встреча? Да и сам Эйнштейн – а уж он-то великий ученый и общепризнанный авторитет – сказал, что путешествия во времени возможны и не противоречат законам физики. Все мы только люди с ограниченным человеческим кругозором. Как знать, что скрыто за его пределами?

Сердечко, которое я держал в своей руке, одновременно смущало меня и воодушевляло ощущением посетившего меня чуда. И тут на меня упала какая-то тень.

Передо мной стояла рыжеволосая девушка с веснушками на лице, одетая в джинсы и голубую майку с надписью «Getting better and worse at the same time»^[47], и протягивала мне смартфон так, как будто меня вызывают из космоса.

– Не могли бы вы? – попросила она с забавным акцентом, глядя на меня с улыбкой.

– Мог бы что? – переспросил я растерянно, уставившись на нее, как на привидение. – А кто говорит?

Она удивилась, тряхнула волосами и рассмеялась:

– Ха-ха-ха! Да нет же! Я спрашивала, не могли бы вы меня сфотографировать, месье?

– Ах это! Ну да, конечно! – промямлил я. – Прошу прощения!

Надо же так замечтаться! Я засунул сердечко в карман и взял в руку ее смартфон, где уже была включена камера. Девушка поднялась

на несколько ступенек выше и встала на фоне базилики, белоснежный купол которой высился у нее за спиной на фоне синего неба.

– Но так, чтобы в кадр попала базилика, – напомнила она и непринужденно попозировала для нескольких снимков.

– Merci beaucoup!^[48] – сказала она, просматривая получившиеся снимки. – Да, очень хорошо вышло. Lovely! Very lovely! – Затем, подняв голову, спросила: – Скажите, а вы здешний?

Я кивнул.

– Ах, тогда вы, наверное, можете мне объяснить, как лучше всего добраться отсюда до «Консулата», – я имею в виду ресторан...

Она деловито достала из сумки план города и нечаянно выронила при этом книжку. Одновременно нагнувшись, чтобы поднять, мы стукнулись лбами.

– О! – сказал я, протягивая ей книжку. – Вы читаете стихи?

– Yes, – сказала она, прижимая стихотворный сборник к груди. – Я люблю Жака Превера. Сейчас я пишу о нем дипломную работу на степень бакалавра и потому на полгода приехала в Париж. Знаете стихотворение про сад? «Le jardin». Оно просто чудесное!

У нее заблестели глаза, а я пережил состояние дежавю.

– Конечно же знаю, – улыбнулся я в ответ.

Каждому, кто был молод и влюблен, довелось когда-нибудь наткнуться на это стихотворение – самые прекрасные строки, когда-либо написанные о поцелуе.

– Кто же его не знает?

Следуя тайному сценарию, я чуть было не спросил студентку, не захочет ли она выпить со мной чашечку кофе, но тут она сказала:

– Ну где же он, этот «Консулат»? У меня там прямо сейчас назначена встреча.

Мы склонились над картой города, и я показал девушке дорогу.

– Если идти в эту сторону, прямо туда и придете! – крикнул я ей вслед, когда девушка бегом бросилась вверх по лестнице.

Напоследок она еще раз обернулась:

– Спасибо, месье! Всего вам доброго!

– Эй, погодите! А как вас хоть зовут?

Я ожидал, что она скажет: «Элен» или «Эллен».

– Кэролайн! – со смехом крикнула она на бегу.

Вскоре, неторопливо проходя по улице, где находился «Консулат», я увидел ее сидящей там на солнышке. Она что-то весело говорила молодому человеку. Проходя мимо и не замеченный ею, я размышлял о загадочном круговращении жизни, в котором все повторяется и все связано одно с другим. Вообще-то, я не верил в приметы и знаки, но события сегодняшнего дня, пожалуй, и Фому неверующего заставили бы поверить в воскресение из мертвых.

Да, так оно и было. Я, конечно, не мог знать наверняка, что каменное сердечко у меня в кармане было знаком свыше, но я верил в это, как птичка в пословице, которая верит в рассвет, когда он еще и не думал наступить.

По крайней мере, встреча с рыжеволосой студенткой навела меня на хорошую мысль. Придя домой и порывшись на полках, я отыскал среди книг стихотворение Жака Превра, а затем сел за письменный стол и написал новое письмо к Элен.

Моя ненаглядная возлюбленная!

Четырнадцатое мая отныне стало для меня, кажется, навсегда особенным днем. Ибо отныне, с этого дня, я навсегда уверовал, что ты все время со мной, мой ангел, как ты сама сказала мне во сне, когда я лежал в лихорадке. Ты – не только тело, тлеющее в могиле на кладбище, – ты где-то существуешь. Одно то, что человек умер, еще не значит, что его больше нет.

Сегодня я съездил на кладбище, чтобы наконец снова отвезти тебе письмо. Но как же велико было мое удивление, когда я обнаружил, что мой тайник опустел, а вместо пачки писем, которые там уже накопились, я нашел камешек в виде сердечка. Вот он лежит передо мной, в то время как я тебе пишу, и вопреки всем доводам разума я все же смею надеяться, что этот камешек – привет от тебя, любимая. Помнишь, я писал тебе, как я мечтаю хоть разок получить от тебя ответ? И вот теперь у меня такое впечатление, что я его получил.

Сегодня утром, Элен, когда я увидел пустой тайник и обнаружил в нем сердечко из камня, у меня на секунду замерло сердце. От испуга, от радости. Я бродил по улицам

Монмартра, пытаюсь осмыслить, что же произошло. То мое сердце ликовало от счастья, то снова меня одолевали сомнения. Ведь так не бывает! Или все же бывает? Мое сердце, которому так хочется верить, и мой рассудок, который не верит в сказки, вступили в отчаянную борьбу. В таком состоянии я плелся, поднимаясь к вершине, разрываясь между «не может быть» и «вдруг все-таки может», а когда добрался на самый верх, повстречал на ступенях Сакре-Кёр ее, девушку с рыжими волосами, напомнившую мне тебя. Как и ты, она любит стихи, хотя не Гейне, а Превера. Завязался диалог, мне уже в чем-то знакомый, и я вдруг показался себе путешественником во времени. Разница только в том, что эта девушка пошла пить кофе не со мной, а с молодым человеком. Притом не куда-нибудь, а в «Консулат», Элен!

И с этого момента в споре с рассудком победило сердце.

Я не знаю, как это все между собой связано, дорогая, знаю только, что нынче на дворе май и я каким-то немислимым образом снова нашел тебя, что ты вместе со мной, как в те майские дни.

И я шлю тебе этот привет – от меня и нашей любви, которая так же бесконечна, как тот поцелуй в парке Монсури, который навеки запечатлел Превер – для нас и для всех влюбленных!

Жюльен

САД

Тысячи лет
Не вместят
Вечности миг, когда
Ты целовала меня,
Я целовал тебя.
В утренний час, зимой

В солнечном парке
В Париже,
На нашей Земле —
Звезде среди звезд.

Глава 13

Feeling better and worse at the same time^[49]

В этот вечер ко мне заглянул Александр. Как ни радовался я обычно его приходу, на этот раз я испытывал такое чувство, что эта встреча не приведет ни к чему хорошему.

Так оно и оказалось. Мой друг, хотя и ругается как портовый грузчик, необыкновенно чуток к каждому оттенку настроения. Вероятно, в этом сказывается его артистическая натура.

Едва переступив порог, Александр выпустил свои чувствительные антенны.

– Что это с тобой? Ты как-то сильно изменился, – отметил он сразу, снимая плащ, и посмотрел на меня с прищуром.

– Bullshit^[50], – отмахнулся я.

Я попытался изобразить равнодушную мину. Честно говоря, меня распирало от мыслей о событиях сегодняшнего дня. Мне страшно хотелось с кем-нибудь все это обсудить: пропавшие письма, каменное сердечко, свою теорию невозможного. Но я понимал, что Александр тотчас же примется разрушать зачарованный мир, стоит мне только заговорить об этой странной истории. Этот ювелир мог придумывать украшения, которые переносили женщин в волшебное царство мечты, но сам он обеими ногами твердо стоял на земле. Во всяком случае, тверже, чем я. Вдобавок я как-то робел при мысли о том, чтобы поделиться с кем-нибудь секретом моей переписки. Это был наш последний с Элен общий секрет, и кто знает, что будет, если я о нем проболтаюсь.

И вот мы устроились в гостиной, я открыл бутылку вина, и Александр начал рассказывать об американской паре, которая сегодня накупила у него столько всего, что наполовину опустошила его лавку, а затем опять поинтересовался, как там «прекрасная соседка». Я рассказал ему, что Катрин приняла все спокойно и даже вместе со мной негодовала по поводу происков старой сплетницы из соседней квартиры. Мы с Александром попивали вино, я курил одну за другой

сигареты и чувствовал себя точно сделанным из стекла. Мысленно я то и дело отвлекался, делая вид, что слушаю его.

– Жюльен! Ау! Ты еще здесь? – Александр щелкнул пальцами у меня перед носом, и я испуганно вздрогнул:

– Да, так что ты говорил?

Я уставился на него, не имея понятия, о чем он меня спрашивал.

Не успел я ничего сказать, как он снова взял слово:

– Помалкивай уж! Ты меня вообще не слушал. А теперь не пытайся меня убеждать, что с тобой все как всегда. У тебя что-то случилось, я это чую. Недаром же ты сидишь тут с видом лунатика! – Обратив на меня взгляд своих темных глаз, он присмотрелся и вдруг расхохотался. – Скажи-ка мне... Нет, этого не может быть. – Он недоверчиво покачал головой, и на секунду мне вдруг померещилось, что он обо всем догадался. – Никак ты... Слушай, уж не влюбился ли ты, часом?

– Что-о? – Я так и подскочил и взволнованно потушил сигарету. – Нет, разумеется, нет. Что за глупости?

– Хо-хо-хо! – замахал он на меня руками. – Ладно тебе, успокойся! Но скажи мне тогда, что же такое случилось? Давай уж выкладывай, – принялся он уговаривать меня вкрадчивым тоном. – Расскажи старому Джиму!

Я невольно рассмеялся и прикусил губу.

Он нетерпеливо заерзал в кресле, затем перегнулся в мою сторону:

– Ну ладно. Пускай у тебя секрет! Но тебе хотя бы хорошо с ним живется? По-моему, у тебя уже не такой несчастный вид, как раньше. Уже кое-что!

– Хотел бы я сам это знать, – сказал я и вспомнил надпись на майке рыженькой студентки. – Feeling better and worse at the same time, – пробормотал я себе под нос.

– Что ты там плетешь? Ты говоришь загадками, mon ami^[51]. Не угодно ли уточнить? Что значит – «я чувствую себя и лучше, и одновременно хуже»?

Я громко выдохнул и поудобнее уселся в кресле.

– Сегодня у меня был такой день, ты не поверишь! – заявил я со вздохом и в душе взмолился к Элен.

А затем выложил ему все начистоту.

Надо отдать должное Александру – он ни разу не прервал мой рассказ. Иногда он возмущенно фыркал, иногда задумчиво пригубливал вино, временами бросал на меня сочувственный взгляд. А когда я закончил, он сделал то, чего я опасался, – разнес меня в пух и прах.

– Ну знаешь, дорогой, – сказал он, как-то даже беспомощно покачав головой, – ты, похоже, и впрямь с ума спятил. Неужели ты сам не понимаешь, что несешь суший бред?

Я тут же пожалел, что рассказал ему все.

– Я так и думал, что тебе этого не понять, – сказал я. – Однако есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам.

– Ну, да-да! Кончай-ка ты со всей этой эзотерической чепухой! – прервал он меня.

– Между прочим, эта эзотерическая чепуха – цитата из Шекспира, – бросил я ему свой козырной довод.

– Представь себе, мне это тоже давно известно. Очнись, Жюльен! Элен была чудесная женщина, и она навсегда останется тут, – постучал он себя по груди. – Вечная ей память! Но она умерла, Жюльен! Она не может вынимать письма из тайника или подкладывать туда каменные сердечки!

Я вскочил с кресла, решительно, как генерал, прошагал через раскрытую дверь в другую часть гостиной, где у стены стоял мой письменный стол, схватил каменное сердечко и хлопнул его на стол перед носом ошеломленного Александра.

– А если вдруг да?

– Господи, Жюльен! Опомнись! Это же полный абсурд! Как ты не понимаешь? Слышал бы ты, что ты тут говоришь! Знак от Элен! Что тут у нас? «Полтергейст-2»? Или «Призрак»? – Он взял сердечко в руку и, покачав головой, изучил со всех сторон. Затем снова положил его на журнальный столик и вздохнул. – Я действительно начинаю тревожиться за тебя, Жюльен. Если честно, то и эту затею с письмами я считаю почти запредельной – какие-то тайники в надгробном памятнике... Это же надо придумать! Но это еще ладно, раз ты ей обещал и тебе это помогает. Элен была умная женщина, она неспроста тебе так велела, какая-то задумка в этом была. Но все равно лучше бы ты направил свою энергию на людей из плоти и крови, а – прости,

если я выражусь без прикрас, – не на мертвый труп, тлеющий в земле. – Он взглянул на меня с озабоченным выражением. – На мой взгляд, это какое-то безумие. Чего доброго, так можно превратиться и в какого-нибудь некрофила.

Я скрестил на груди руки и решил пропустить это оскорбление мимо ушей.

– Так откуда же взялось это сердце? – напомнил я ему настойчиво, чтобы поставить перед существующим фактом. – И кто забрал письма?

Александр пожал плечами.

– Вот и я тоже хотел бы знать! – сказал он. – Но уж никак не Элен. Сожалею, мой друг, но за это я готов правую руку дать на отсечение!

– По-моему, ты сильно рискуешь! – усмехнулся я.

– Поживем – увидим!

Некоторое время мы помолчали. Внизу, на улице, взревел мотор отъезжающей машины. Мои мысли вернулись к Элен и моему письму, которое я отвезу ей завтра. «Вот и увидим, – подумал я упрямо. – Вот и увидим!»

Но чего же я тогда ожидал, если всерьез подумать? Следующего ответа? Что со мной вдруг заговорит головка бронзового ангела? Я вздохнул; Александр взглянул в мою сторону:

– Брось ты носиться с этой чушью, Жюльен! А то окончательно себя доведешь. – Он взял бутылку и наполнил наши опустевшие бокалы. – Поверь мне, я первый кричал бы «ура», если бы нашелся способ оживить Элен. Но что поделаешь – это невозможно. – Он перегнулся через стол и отвел мою руку, которая уже тянулась за новой сигаретой. – И хватить тебе курить одну за другой, ты уже всю квартиру продымил, как ирландский паб. Хочешь погубить еще и ребенка? – Он встал и распахнул окно.

В комнату ворвалась струя свежего воздуха.

– А-ах! – воскликнул Александр. – *Aspirez! Aspirez!*^[52] – Подышав полной грудью, он сел рядом со мной на диван. – Подумай, Жюльен: ведь окажись ты даже прав, что твои письма взяла Элен и положила тебе вместо них каменное сердечко, что это тебе, в сущности, дает?

– Тогда я знал бы, что она еще где-то есть.

– Но ведь ты и так это знаешь, Жюльен! Если хочешь в это верить. Предположим, она, как ты выражаешься, где-то есть. А кто знает? Может быть, это действительно так и она в настоящий момент сидит

здесь в пустом кресле и слушает нас или бродит по комнате, как мертвые в пьесе Сартра... как там она называлась?

– «Игра окончена», – подсказал я.

– Точно! Спасибо. Итак, допустим, ты прав во всем, что ты сказал, но что это дает тебе? Можешь ли ты посидеть с Элен на диване и поговорить? Можешь дотронуться до нее и обнять? Будет ли она ночью рядом с тобой в постели? Будете ли вы утром вместе завтракать, а ты за завтраком рассказывать ей, что написано в газете? Засмеется ли она оттого, что Артюр сказал что-то забавное? Встанет ли она у плиты, чтобы приготовить для тебя свои божественные *clafoutis aux cerises*? Нет, Жюльен, ничего такого не произойдет. – Он посмотрел на меня. – Неужели ты действительно думаешь, что в один прекрасный день она появится здесь в своем венке из маргариток и заключит тебя в объятия?

Опустив голову, я горестно смотрел на каменное сердечко.

– Но кто же тогда... – начал я беспомощно.

Взяв розовый камешек, я схватился за него, как за спасительный якорь.

Александр обнял меня за плечо.

– Жюльен, неужели ты думаешь, что я не понимаю, каково у тебя на душе? – сказал он.

Мы опять помолчали, и только негромко постукивала от ветра оконная рама.

– То, что есть, тоже очень странно, – заговорил наконец Александр. – Но я уверен, что у этого чуда есть какое-то очень простое объяснение. – Изобразив в воздухе кавычки, он немного подумал. – Не мог ли все-таки Артюр рассказать кому-то про тайник?

Я покачал головой:

– Нет, я только что его спрашивал, когда укладывал спать. Он вообще об этом забыл и не сразу понял, о чем я говорю. У него и без меня сейчас есть о чем думать. Он бредит рыженькой девочкой из детского сада. – Тут я невольно улыбнулся, вспомнив, как Артюр, когда я забирал его из детского сада, показал мне свою маленькую подружку. «Правда же, папа, она классно выглядит?» – сказал он.

– У Артюра явно твои гены, – иронично заметил Александр. – И вдруг так и подскочил в кресле. – Догадался! – воскликнул он, хлопнув

себя по лбу. – Как я сразу не подумал! Все ясно как день! Это каменотес!

– Каменотес?! Сейчас уже тебя занесло, Александр! Каменотес берет мои письма, подкладывает мне вместо них каменное сердечко, и это ясно как день? Каменотес – человек, у которого есть жена и двое взрослых сыновей, работающих с ним в одной мастерской, и вдруг он на старости лет обнаруживает, что питает слабость к молодым мужчинам? Ну ты даешь, Александр! Ха-ха-ха!

– Нет, погоди! – Александр не давал сбить себя с толку. – Каменотес, у которого ты заказывал памятник, – единственный человек, которому, кроме нас, известно о существовании этого тайника. – Он снова задумался. – И необязательно это был сам каменотес, мог быть и кто-то из его мастерской. Может быть, мастер кому-то рассказал, чтобы похвастаться своей работой: например, другому заказчику. Как знать? А может быть, там вертится какая-нибудь молодая вдовушка, для которой твоя затея с тайником – самое романтичное, что она когда-либо слышала. И вот она возьми да проверь, какие посмертные дары ты приносишь своей жене, и наткнулась там на твои письма. Которые она, конечно же, все прочитала. Что поделаешь – женщины все одинаковы! Любопытны и падки на романтику!

– Гм! – хмыкнул я удивленно. – Знаешь что, Александр? Тебе бы романы писать!

На меня произвело впечатление, как он с легкостью фокусника извлек из ничего эту теорию. И я не мог не признать, что история с каменотесом была не такой уж невероятной. Этот мастер был любитель поговорить. Помню, как он раздражал меня своей болтовней, когда я заказывал у него памятник.

– Нет уж, писать я предоставлю тебе, – сказал польщенный Александр. – Но я с радостью готов подарить тебе эту замечательную идею для следующего романа. – На лице Александра появилась довольная улыбка, потому что вечер закончился хорошо, а вывод, к которому он пришел, как-то примирил нас. Затем Александр допил свой бокал и решительно поставил его на стол. – Говорю тебе, подумай хорошенько об этом ваятеле памятников. – Затем, хихикнув, добавил: – И еще стоит поинтересоваться хорошенькими вдовушками, которые

околачиваются на кладбище возле могил. Я считаю, что это след, который еще не простыл!

– Так и сделаю, Александр, так и сделаю, – сказал я. – Я собирался поехать на кладбище завтра. У меня как раз готово новое письмо. Посмотрим, не исчезнет ли оно тоже.

– Посмотрим, – сказал Александр. – Поглядывай повнимательнее по сторонам, мой дорогой, и ты скоро узнаешь, чьих рук это дело.

Я кивнул и, закрыв за ним дверь, почувствовал, что у меня защемило сердце. Погруженный в свои мысли, я отнес на кухню бокалы и пошел проведать Артюра. Он мирно спал в своей кроватке в обнимку с плюшевым мишкой. Затем я вернулся в гостиную и подошел к открытому окну. Со стесненным сердцем я взглянул на темное ночное небо.

Глава 14

Любит – не любит

Встреча с необъяснимым меняет человека. Вопросы, на которые нет ответа, труднее всего вынести, поэтому мы стараемся узнать правду. Мы стремимся докопаться до истины – но как быть, если ты сам не знаешь наверняка, действительно ли ты хочешь получить ответ на вопрос, который так волнует? А если иллюзии лопнут как мыльный пузырь?

На следующее утро я входил в ворота кладбища, и на душе у меня было как-то смутно. Перед этим я провел беспокойную ночь, а теперь и сам не знал, чего мне желать – чтобы предыдущего письма тоже не оказалось на месте или чтобы оно спокойно лежало в тайнике? Чтобы получить новый знак или чтобы там не было и следа чужого проникновения в тайник?

В такую рань на кладбище еще никого не было. Когда я шел по хорошо знакомым дорожкам цветущего кладбища, мне повстречался только кладбищенский садовник. Александр заронил в мою душу семя подозрительности, и, когда старик буркнул свое приветствие, я начал присматриваться к нему: не этот ли чудаковатый старичок мог сыграть со мною такую странную шутку? Вдруг он ненавидит людей вроде меня, непрошено вторгающихся в его царство? Несколько раз я оглянулся от дурацкого ощущения, что кто-то следит за мной или что за деревьями маячит какая-то женщина в черной шляпке с вуалью, и сам удивлялся странности своего состояния.

Очутившись наконец у могилы Элен, я с сильно бьющимся сердцем не сразу решился открыть тайник. Но делать было нечего – надо открывать.

Я открыл тайник и стал нащупывать письмо, которое только вчера сюда положил. Его не было, а моя рука коснулась чего-то мягкого. Я тихо вскрикнул, так как сначала подумал, что это чья-то рука. Осторожно я вынул то, что было там спрятано, и засмеялся от облегчения.

Это был веночек из незабудок и маргариток.

Я держал его в руке, не зная, что и думать. Внимательно разглядев его со всех сторон, я осторожно раздвинул лепестки, чтобы проверить, не спрятана ли в них записка, но там ничего не было. Одни лишь цветы. Одни лишь цветы? Кто-то побывал здесь в мое отсутствие, забрал письмо и положил веночек, чтобы подать мне знак.

Кто-то?

Первое, что мне пришло на ум при виде этих цветов, был букетик незабудок от Катрин. Я прекрасно помнил, как встретил ее несколько недель назад, когда относил свое первое письмо. Те незабудки были от нее, она сама это сказала. И она очень смутилась, но ведь и я тоже. Могла ли она уже тогда увидеть, как я прячу письмо? Может быть, она незаметно подсмотрела за мной? Я стал припоминать тот день. Нет, возле могилы тогда никого не было, иначе я бы заметил. И что это вообще за безумная мысль? Катрин жила в одном доме со мной, она в любой момент могла со мной повидаться, ей незачем было украдкой бродить по кладбищу и лазить в тайник. И, кроме того, вспомнил я, у нее тогда весь день были занятия в школе, а после занятий она брала к себе Артюра поиграть с кошкой. Это кладбище закрывается в шесть часов вечера, и я не мог представить себе, чтобы Катрин ночью перелезла через высокую решетку зеленых ворот, чтобы положить сюда незабудки. Я покачал головой. «Жюльен, тебе уже мерещатся призраки», – произнес я вполголоса. И это действительно было так, потому что мне вдруг почудился привет от Элен. Недаром же тогда во сне она являлась мне в венке из маргариток!

– Ах, Элен! Что же ты делаешь? – прошептал я, озадаченно глядя на ангела, который на это не повел и бровью. – Скоро я совсем запутаюсь, не зная, что и думать.

Я снял с плеча сумку, достал письмо со стихотворением Превера и положил его в тайник. «Хотел бы я знать, что ты о нем скажешь», – проговорил я тихо и снова закрыл дверцу. Затем отступил на шаг и подробно осмотрел памятник. Тоненькая как волосок щелка на месте, где открывалась дверца, была едва заметна для постороннего взгляда.

Я прекрасно сознавал, что все это было очень странно, но, стоя перед могилой с веночком в руке и созерцая лицо Элен, я словно воспарял над грешной землей, и аргументы Александра утрачивали для меня свое значение.

Одолеваемый противоречивыми чувствами, я наконец заставил себя оторваться, вышел с узеньких дорожек на аллею Гектора Берлиоза и вдруг услышал, как кто-то окликнул меня по имени.

Я огляделся и увидел за каменными мавзолеями с маленькими крышами изящную темную фигурку: Софи сидела, расположившись для обеденного перерыва на скамейке, рядом лежали ее инструменты.

– Привет, Жюльен! – весело поздоровалась со мной Софи. – Ну что? Снова решил зайти? Я тебя уже целую вечность не видела.

– А между тем я был тут только вчера, – сказал я, на что она удивленно подняла брови. – Хотя... Да, я болел.

– А я-то подумала, что ты вернулся в мир живых людей и я тебя больше никогда не увижу. – Она поправила съехавшую набок шапочку, глаза ее задорно блеснули.

«Знал бы ты, маленький кобольд! Знал бы ты только!» – подумал я.

– Мне правда было бы жаль, если бы так случилось, – продолжала она с широкой улыбкой. – Честно сказать, я уже немного соскучилась по нашим кладбищенским беседам. – Она немного подвинулась на скамейке. – Давай присядь со мной, у меня обеденный перерыв. Как твои дела?

– О, мои дела... Да ничего, пока все хорошо, – промямлил я, глядя на веночек, который все еще держал в руке. – Соответственно обстоятельствам. – Я энергично пожал плечами.

– Красивые цветы, – сказала Софи неожиданно. – Это ты для жены принес?

– Нет-нет, я уже побывал на могиле, – ответил я, не подумав и готов был сам себя отхлестать по щекам, увидев ее удивленный взгляд.

– Так для кого же тогда эти цветы?

– Цветы... э-э... цветы... – Я ощущал себя круглым дураком. – Цветы – это тебе! – объявил я и заулыбался, что нашел выход из положения.

– Мне? – На ее лице выступил нежный румянец. – Но ведь...

– Да, – продолжил я, положив веночек ей на колени. – Я надеялся встретить тебя здесь. Представь себе, я тоже по тебе соскучился. – Я засмеялся и перевел все в шутку. – Ведь это же ты мне сказала, что на могиле цветы только зря завянут, верно?

– А ты внимательный слушатель, писатель! – рассмеялась она в тон мне. Но в глазах у нее оставалось сомнение. Она стряхнула с комбинезона крошки. – Так как же? Это действительно мне? – спросила она еще раз.

Я усердно закивал:

– Да, конечно. Я же сказал!

– А ты и впрямь мастер придумывать истории, – заметила она. – Но все равно спасибо! – Она положила веночек рядом с собой на скамейку. – Незабудки и маргаритки, – произнесла она задумчиво. – Ты знаешь, что это означает на языке цветов?

– И что же?

– Так вот, незабудки означают любовь и верность. По-моему, в прежние времена говорили, что глаза недавно влюбленных похожи на цветки незабудки. – Она посмотрела прямо мне в глаза. – Так и есть, – сказала она затем. – У тебя глаза такие же голубые, как незабудки.

Она усмехнулась, а я смущенно заулыбался. Что это значит? Кажется, кобель со мной флиртует?

– Что еще? – Она вытащила из веночка одну маргаритку. – Маргаритка означает непритворное счастье. Ну, это же вообще замечательно. Что еще можно сделать с маргариткой? – Она помахала цветком у меня перед носом. – Ну?

Я рассмеялся:

– Не имею понятия! Так что же? Я не очень-то силен в языке цветов.

– Да ну тебя, Жюльен! Каждый ребенок знает эту старинную игру! – Она принялась обрывать лепестки. – Любит – не любит, любит – не любит, любит – не любит. – Пообрывав все лепестки, кроме последнего, она сказала: – Не любит! Как жаль! – Она кинула цветок через плечо и испытующе посмотрела на меня. – Так, может быть, все-таки скажешь мне, откуда на самом деле взялся этот венок? Или это секрет? Я люблю секреты. – Не дождавшись от меня ответа, она улыбнулась. – Ну ладно! Давай что-нибудь полегче! Как подвигается книга, писатель?

Нет, все-таки не флиртует.

– По-разному, – ответил я загадочно. Я посмотрел на нее, и тут меня осенило. – А ты, Софи? Я видел, что у ангела появились новые

крылья. Как у тебя-то идет работа – хорошо? Наверняка лучше, чем у меня. Над чем ты сейчас трудишься?

– О, в настоящее время я реставрирую надпись на могильном склепе. Не самая интересная работа для реставратора скульптур, но заказ есть заказ.

Я кивнул с видом понимающего знатока, но на самом деле ее работы по реставрации каменных изваяний интересовали меня не больше, чем луна, на которую лает собака.

– Скажи, Софи, ты ведь каждый день тут бываешь, да?

– Ну да, каждый день, в субботу и воскресенье беру иногда выходной. На свете есть ведь и другие дела, кроме ангелов и надгробий, так ведь? – Она взяла свой багет с ветчиной, откусила и стала жевать. – Сегодня, например, я закончу раньше обычного. У моей кухни день рождения, и мы пойдем в гости.

Я не стал спрашивать, кто подразумевается под «мы». Вместо этого, стараясь произнести эти слова как бы между прочим, я спросил:

– Ты в последнее время никого не замечала у могилы Элен? То есть кроме меня, конечно.

Она внимательно посмотрела на меня и пожала плечами.

– Гм... – начала она. – Надо подумать. – Затем начала перечислять. – Один раз приходил кладбищенский садовник подметать дорожку. Затем, помнится, группа японцев, они тут фотографировали некоторые могилы, в том числе и бронзового ангела. Затем какой-то элегантный господин, женщина в черной шляпке с широкими полями и пожилая дама маленького роста. – Она подумала. – И потом еще часто приходит блондинка с цветами.

Блондинка – это, конечно, была Катрин.

– Еще кто-нибудь был? – спросил я.

– Уф! Тебе нужен полный отчет! Почему, собственно говоря? Хочешь протестировать, насколько популярна твоя жена? Но все знать я тоже не могу, хотя заметила, что у этой могилы бывает больше посетителей, чем у многих других. Не считая знаменитостей. – Она наморщила лоб. – Кто еще? Как-то видела, что там долго стояла парочка, они все очень внимательно рассматривали, а мужчина даже делал заметки в записной книжке – но это было уже довольно давно. Ах да! Как-то на днях вокруг могилы шатался пьяный клошар с бутылкой вина, – закончила она с гримаской.

– А вчера? Вчера ты никого не заметила?

Она помотала головой:

– Очень жаль, но нет. То есть, может быть, кто-то и приходил, но я не видела, потому что находилась далеко.

– Ну а когда ты работала над ангелом неподалеку от могилы Элен, то кто-нибудь из этих людей... делал там что-нибудь?

Она взглянула на меня с удивлением.

– Что ты имеешь в виду, Жюльен? – спросила она. – Ты о вандализме? Там что-нибудь повредили или что-то пропало?

Я почувствовал, что краснею. Наверное, надо было сказать ей всю правду, но я не смог. Иначе Софи, как и Александр, назвала бы меня сумасшедшим.

– Да нет! – отмахнулся я. – То есть все-таки да. Куда-то затерялась моя зеленая жестяная лейка. Она раньше всегда стояла у меня за камнем.

– Ах вот что!

Я не понял, поверила она мне или нет. Она посмотрела на меня, сделав большие глаза.

– Так, значит, кладбищенские воры, – сказала она с улыбкой и прищелкнула языком. – Ну, если хочешь, я могу понаблюдать, Жюльен. Я же всегда тут поблизости.

Зазвонил ее телефон, и Софи посмотрела на меня, как бы извиняясь.

– Нет-нет, – сказал я, помахав рукой. – Ты разговаривай, мне все равно уже пора.

Софи улыбнулась мне на прощание и еще раз поблагодарила, кивнув на венки. Удаляясь, я услышал, как она заговорила необычайно ласково: «Нет, что ты, Chouchou^[53], как я могу забыть? Я сегодня закончу пораньше, как обещала... Да-да, буду дома не позже пяти... Да, я тебя тоже».

В итоге я ушел с кладбища буквально с пустыми руками. Визит, который я тут же нанес в мастерскую «Бертран и сыновья. Надгробия и другое» тоже прошел безрезультатно, особенно если принять во внимание теорию Александра насчет романтично настроенной молодой вдовы.

Я обнаружил месье Бертрана во дворе среди его памятников, где он как раз толковал с пожилой супружеской парой о преимуществах старых плит.

– С них можно сбить старую надпись и сделать новую, – громко рассуждал он. – Это обойдется вам не так дорого, а выглядеть будет солидно. Никто ведь не станет рассказывать, что камень уже был в употреблении. – Он почесал за ухом и кинул взгляд в мою сторону. – Но вы пока ходите, присмотритесь. Я всегда говорю: за погляд денег не берут.

Пожилые супруги, переговариваясь вполголоса, пошли дальше разглядывать выставленные памятники. А месье Бертран, улыбаясь, поспешил мне навстречу. Очевидно, он меня сразу вспомнил.

– Месье Азуле! Это вы! Что же вас привело ко мне? – Он пожал мне руку. – Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы заказать еще один памятник?

К счастью, в этом отношении я мог его успокоить.

Мы остановились на солнцепеке среди множества необработанных камней, и я довольно многословно изложил ему суть моего вопроса.

Это вызвало у месье Бертрана бурную реакцию. По-видимому, мои слова сильно задели его профессиональную гордость.

– Ну знаете ли! – возмущенно воскликнул он и развел руками, показывая, что ни в чем не виновен. – Как вы могли такое подумать! Просто не верится! – Он не переставая качал головой. – Молодой человек, я веду это предприятие вот уже сорок лет, а до меня его вел мой отец, а когда умру – надеюсь, еще не скоро... – при этих словах он трижды постучал по мраморному цоколю рядом с собой, – наше предприятие будут вести мои сыновья... Но никогда еще, – заявил он, бросая на меня укоризненный взгляд, – никогда никто на меня не жаловался.

– Да я ведь не жалуясь, – поторопился я вставить. – Я только хотел узнать, не могли ли вы случайно рассказать кому-нибудь, – тут я понизил голос, – про, так сказать, особенность этого памятника.

Месье Бернар фыркнул.

– А если так, – продолжал я, – то вы просто скажите мне. Потому что для меня очень важно знать, известно ли об этом еще кому-нибудь.

Тут речь, можно сказать, о жизни и смерти. – Я пристально посмотрел на мастера, радуясь в душе, что нашел удачную формулировку.

Каменотес в ужасе отпрянул и даже зажмурился. Но затем посмотрел мне прямо в глаза. Ни один мускул на лице у него не дрогнул, руки он сложил на животе, который заметно округлился, едва уместаясь под плотно облегающим его рабочим комбинезоном.

– Совершенно исключено, месье Азуле! Я сам делал тайник, даже сыновей не подпускал. Вы сами тогда сказали, чтобы я держал это в секрете, и я так и делал, как вы велели до самой этой минуты, и разрази меня гром, если это неправда! Все, о чем я договариваюсь с заказчиками, не выходит за пределы мастерской, можете мне поверить. Если бы вы знали, какие только истории не доходили до моих ушей! И какие только пожелания заказчиков не приходилось иногда выполнять!

Он театрально возвел глаза к небу, и я даже мысленно не пытался представить себе, какие это могли быть пожелания.

– Нет-нет, месье! Конфиденциальность – основа нашей профессии, и я не устаю повторять это сыновьям. Нерушимая конфиденциальность! Я не только каменотес, я еще умею хранить тайну как могила. Ха-ха-ха! – разразился он громким хохотом.

Вероятно, эту шуточку он не раз повторял. Она прозвучала как слоган: «Каменотес молчалив как могила».

Супружеская пара, все еще бродившая среди полированных каменных плит, перестала совещаться и с интересом поглядывала в нашу сторону.

Заметив, что я не подхватил его хохота, месье Бертран добавил перцу:

– Да что там – как две могилы! Ха-ха-ха! – Его огромный живот весь заколыхался.

Такого гомерического веселья среди могильных памятников я не вынес и попрощался, оставив месье Бертрана наедине с его новыми заказчиками, которые наверняка скоро воспользуются его умением надежно хранить конфиденциальную информацию.

Глава 15

В дебрях памяти

Утром в воскресенье, когда мне позвонил Александр, я, как это часто бывало в те дни, задумчиво листал антикварный томик стихотворений издательства «Галлимар». На пожелтых страницах этой книжки были напечатаны стихи Жака Превера, и несколько строк, обращенных словно специально ко мне, задавали мне загадки, над которыми я ломал голову.

Движимый любопытством, я снова побывал на могиле Элен и, открыв тайник, чтобы положить в него новый конверт, снова обнаружил, что мое последнее письмо бесследно исчезло, а на его месте я нашел этот старый стихотворный сборник. Удивленный, счастливый, растерянный, я извлек его на свет.

Этот старый, немного потрепанный томик, похожий на удачную находку с книжного развала на набережной Сены, где букинисты каждый день выкладывают сокровища из своих ящиков, был, несомненно, откликом на мое последнее письмо, где я поделился с Элен стихотворением Превера – тем, которое знают все влюбленные.

Еще не успев отойти от могилы, я начал листать эту книжку.

На первых страницах стояло имя, написанное старомодным каллиграфическим почерком, – Огюстина Белье; оно мне ни о чем не говорило. Очевидно, это была предыдущая владелица книги, уже давно покинувшая этот мир. Я стал одну за другой переворачивать страницы в поисках какой-нибудь заметки, загнутого уголка, который послужил бы мне знаком, и в конце концов наткнулся на ненадписанную почтовую открытку коричневатого цвета, с двумя нарисованными белыми розами, служившую, по-видимому, вместо закладки. Стихотворение, напечатанное на этой странице, называлось «Set Amour» – «Эта любовь».

Только ты на земле у нас есть,
Так не дай же нам охладеть,
Чтобы нам не пропасть,
Камнем став,

Руку нам протяни,
Знак подай,
Куда б ни закинула нас жизнь,
Прогляни в дебрях памяти,
Чтобы нас посетить и спасти.

Я стоял перед надгробием, и эти слова потрясли меня до глубины души. Да и потом, когда я, уже покинув кладбище, вновь и вновь перечитывал эти слова, чтобы понять смысл послания, с которым ко мне пожелало обратиться некое небесное или земное создание, у меня всякий раз комок подкатывал к горлу, когда я доходил до слов «Так не дай нам охладеть...», а страстный призыв «Прогляни в дебрях памяти, чтобы нас посетить и спасти» вызывал у меня на глазах слезы.

Я все понял. Элен, моему каменному ангелу, – ей нельзя давать остыть, а она и впредь будет дарить мне свою любовь из дебрей памяти! Под этим, конечно, подразумевалось кладбище – так сказать, место соприкосновения жизни и смерти.

Найдя томик стихов, я тотчас же понял, что Катрин тут совершенно ни при чем, как бы часто она ни приходила на кладбище. У Катрин, в отличие от ее подруги Элен, отсутствовала поэтическая жилка. Катрин получила естественно-научное образование, и ее дипломная работа носила прозаическое название «По следам микробов». Господи, она же преподает *биологию*, она не читает стихов! И стихотворных сборников не дарит. Вообще, конечно, возможно и такое. Борис Пастернак, в конце концов, был тоже врачом, а писал прекрасные стихи^[54]. Но только не моя соседка Катрин. Сомневаюсь даже, чтобы на полках ее скромной библиотечки затесался хоть один поэтический сборник.

И вот, когда я воскресным утром еще сидел в кровати, весь погруженный в мир изящной словесности, то есть находясь в довольно отрешенном состоянии, мысленно уже сочиняя следующее письмо к Элен, у меня вдруг зазвонил телефон.

Это был Александр. Он поинтересовался, как прошел мой визит к каменотесу.

– Ну как ты? Выяснил что-нибудь?

– Каменотеса можешь выбросить из головы: он клянется и божится, что совершенно тут ни при чем, – ответил я и рассказал Александру о своей встрече с месье Бертраном, соблюдающим в делах строгую конфиденциальность и хранящим тайны до гробовой доски.

– Пусть так, – возразил Александр. – А откуда тебе знать, действительно ли он говорит правду?

– Да ладно, Александр, – устало ответил я. – Хватит уже строить теории заговора! Нет никаких прекрасных вдовушек, которые охотятся за мной.

– Жаль! – сказал Александр. – Ну а что еще ты выяснил нового?

Помедлив немного, я рассказал ему про свой разговор с Софи и перечислил, кого она заметила около могилы.

– Ну вот же оно! – воскликнул Александр, торжествуя. – Была все-таки женщина в черной шляпке. На мой взгляд, это очень похоже на вдовушку. Разве у тебя есть какая-нибудь знакомая, которая носит черную шляпку?

– Ни одной. В последний раз я видел женщину в черной шляпке с полями в каком-то фильме Феллини. Но поскольку месье Бертран умеет хранить гробовое молчание, то эту идею можно сразу отбросить.

– А пожилая женщина, о которой упоминала реставраторша?

– Ну, это, я думаю, была моя матушка. Матап тоже иногда навещает могилу, хотя и не принадлежит к числу кладбищенских завсегдатаев.

– Не в пример тебе! – вставил Александр.

– Да, не в пример мне, – повторил я за ним обиженно. – Мог бы и воздержаться от этого комментария, правда?

– Извини, – произнес Александр с притворным раскаянием. – Ну а как тайник? Опять что-нибудь было? – продолжил он допрашивать.

– Да. – Несмотря ни на что, меня самого тянуло на этот разговор.

– И что же? Слушай, Жюльен! Не заставляй же меня щипцами вытягивать из тебя каждое слово! Я ведь только хочу тебе помочь.

Вздыхнув, я рассказал о двух последних находках.

Услышав про веночек, он сразу меня перебил:

– Ну, это была прекрасная соседка. Тут и сомневаться нечего. Это же только она все время носит туда незабудки. Ты сам мне рассказывал. А эта реставраторша – не говорила ли она, что туда все

время ходит молодая блондинка? Кто знает, вдруг соседка все-таки влюбилась в тебя!

– Да, догадливый мой, я и сам сначала так подумал, но Катрин по ряду причин надо вычеркнуть из списка подозреваемых. Во-первых, в тот день, когда в тайнике появился веночек, она вообще не ходила на кладбище. А во-вторых...

– Во-вторых?

Я рассказал Александру про сборник стихотворений.

– Гм... – задумчиво произнес он. – Гм... гм... гм... Это действительно не похоже на мадемуазель Баллан. И что же напечатано в этом сборнике?

Я рассказал ему, о чем было стихотворение, и прочитал вслух последние подчеркнутые строчки.

– Это уж больше похоже на Элен, да? – осторожно предположил я.

– Не-е, я так не нахожу, – сказал он. – Совершенно не нахожу. Ничего похожего.

– Разве? – спросил я недовольно.

И тут Александр изложил мне совершенно иную интерпретацию стихотворения Превера.

– Да тут все довольно просто и однозначно. Тебе говорят, чтобы ты не становился холодным, как могильный камень, и не замыкал свое сердце для новой любви. Любовь подает тебе знак – с кладбища, куда ты все ходишь и ходишь, потому что тебя тянет туда из-за воспоминаний об Элен. И тут тебя встречает любовь, которая хочет тебя спасти. Но дело за тобой: нужно, чтобы ты согласился. Она уже протянула тебе руку. Дошло?

Пораженный, я умолк.

– Конечно, стихи на то и стихи, что каждый может вкладывать в них свой смысл. Примерно как Дельфийский оракул. Что до меня, то я сразу подумал об Элен.

– Ты меня несколько не удивил, – засмеялся Александр. Казалось, его забавляет эта игра. – Ты же, мой друг, все время только и думаешь об Элен.

– А как согласуется с твоей теорией каменное сердечко? – спросил я расстроено.

Наверное, вообще не нужно было рассказывать все это Александру.

Я подумал о своей первой находке: она по-прежнему лежала у меня на столе. Ведь все началось с нее. С этого каменного сердечка, которое мне прислала на память Элен в знак своей вечной любви. И не случайно, конечно, я получил этот знак тогда, когда он был мне так нужен, когда я дошел до полного отчаяния.

– Все замечательно сходится, мой дорогой, – сказал Александр. – Ты должен открыть свое окаменевшее сердце для жизни.

Я промолчал. Ощущение было такое, что я слышу слова моей матушки.

– Значит, все-таки Катрин, – размышлял вслух Александр. – Или кто-то еще, кто положил на тебя глаз. А что, кстати, эта девушка с кладбища? Она не может иметь к этому отношения? Может, ей приглянулся симпатичный молодой вдовец. В конце концов, она же все время работает на кладбище.

– Кто? Софи?

Я на минутку задумался. Затем покачал головой. У Софи был друг, которому она по телефону говорила: «И я тебя тоже».

– Ошибаешься. У нее есть друг, – сказал я, вспомнив, каким нежным сделался тогда ее голос.

– Откуда тебе знать?

– Он все время звонит ей по телефону. И она называет его Chouchou, влюблена в него по уши. К тому же она слишком уж рубаха-парень, чтобы затевать такие... шашни.

– Ну ладно, – сказал Александр, мысленно вычеркивая реставраторшу из своего списка. – А кто еще из твоего окружения читает стихи?

– Никто. Элен.

– Жюльен! Прошу тебя! Иной раз может показаться, что у тебя совсем крыша поехала. А как насчет твоего издателя? Как там его? Фавр, кажется?

– Жан-Пьер Фавр, – уточнил я.

– Да. Как насчет него? Элегантного господина, который приходил на кладбище? Этот Фавр, наверное, такой образованный, что дальше некуда... Имеет дело с изящной словесностью и сочинительством, у него наверняка стоят на полке сборники стихотворений. Может быть, он, испугавшись, что ты никак не закончишь книгу, решил направить тебя на верный путь?

– И поэтому направляет мое внимание на кладбище?

– Нет, наоборот – хочет тебя оттуда увести. Но ты же меня не слушаешь.

– Какая дикая мысль! С таким же успехом я мог бы подумать, уж не ты ли, Александр, занимаешься этими штучками? В конце концов, это ты гравируешь на своих изделиях стихотворные надписи. Готов держать пари, что там нет-нет да и попадется какая-нибудь строчка Превера! Скажешь, нет? От тебя можно ожидать.

– Холодно! – сказал Александр. – Совсем холодно.

Мы умолкли, и я, сидя в кровати, не зная, что делать дальше, дергал ниточки из одеяла.

– Что же, тогда остается только Эльза Л.

Он засмеялся, и эта мысль была такой смешной, что и я не мог удержаться от смеха.

– Встретимся сегодня вечером? – предложил Александр. – Может быть, тогда нам придет в голову что-то более толковое.

– Нет, это никак невозможно, – ответил я отказом. – Моя матушка купила нам билеты на детское представление «Волшебной флейты», так что после обеда мы с Артюром собираемся в театр.

Мамап была того мнения, что культурное воспитание должно начинаться как можно раньше.

– «Волшебная флейта» как нельзя лучше подходит для четырехлетнего ребенка, – сказала она, увидев, как у меня округлились глаза. – К тому же Артюру в этом году уже исполнится пять.

– Ну что ж, идите тогда на «Волшебную флейту», – сказал мой друг. – До скорого.

Любимая моя Элен! Солнце в моей ночи!

Я в таком смятении, сердце мое! Мне так хочется верить, что это ты забираешь мои письма и оставляешь свои знаки, и порой я в это твердо верю, что бы там ни говорил Александр!

Обнаружив томик Превера, я был уверен, что это может быть только твоих рук дело: кто же еще мог послать мне стихи? И разве это был не идеальный ответ на мое стихотворение? А потом вдруг, вот как сейчас, думаю, что ничего этого не может быть. Пишу тебе, а сам себя спрашиваю: кому это я, собственно, пишу письмо? Кто читает мои письма? И в то же время не могу остановиться. Да и какая возможна альтернатива? Перестать писать и не получать

больше ответов? Да ведь я обещал это тебе, любимая. Я не брошу, пока не напишу тридцать третье письмо. Буду продолжать в том же духе и буду надеяться, сам не знаю на что.

Что ты вернешься ко мне и мы будем вместе, как в те майские дни? Что в моей жизни произойдет счастливый поворот?

Когда я давал тебе это обещание, Элен, я еще не догадывался, что писание писем обернется для меня такими приключениями. Но так уж вышло: начались приключения и загадки, о которых не знает больше никто, кроме Александра. Или есть еще кто-то третий?

Ах, Элен! Иногда я и сам не знаю, чего мне желать! Хотя нет – все-таки знаю. Я желаю продолжения этой странной игры, полной больших вопросов и маленьких ответов! Как представлю себе, что не буду больше ничего находить в тайнике, что все это прекратится, прервется этот контакт, – даже думать об этом не хочется! Боюсь, это был бы для меня страшный удар!

Ты как-то сказала, что писание писем, наверное, мне поможет, и оказалась права, мудрая женоушка! Я пишу тебе эти письма и отвлекаюсь от лишних мыслей, это занятие собирает мою жизнь воедино, дает мне опору и энергию. Я уже не говорю о надежде получить ответ.

Все это так фантастично, что я никому не решаюсь рассказывать, а то подумают, что я созрел для психушки. А между тем иногда мне хочется кричать, чтобы сообщить всему свету. Ведь у меня такое ощущение, что мои письма кто-то читает, что меня ждет ответ, предназначенный для меня, Жюльена Азуле.

Все это спасает меня, Элен, помогает мне держаться в тяжелейший период моей жизни, и даже, как это ни безумно, дает мне надежду.

В воскресенье татап водила нас с Артюром на «Волшебную флейту» Моцарта. Это было представление под открытым небом, его устраивала независимая театральная труппа в парке Монсури, где специально для этого спектакля соорудили подмости. Спектакль был детский, но сколько в нем было магии! Мы сидели как зачарованные и держались за руки – татие, я и Артюр. Мы смеялись над глупостями Папагено, над проделками Папагены. И вместе с Тамино и Таминой мы прошли путь, на котором большая любовь побеждает во всех испытаниях.

Возможно, и меня впереди ждут испытания. Я буду сильным, любимая, и не поддамся унынию. И буду хранить веру в то, что все когда-нибудь закончится хорошо. Потому что сейчас у меня есть только одно: эта вера.

Жду от тебя знака и целую тысячу раз.

Жюльен

Глава 16

Закрытые врата

Май прошел, и скорбь, которая свинцовой тяжестью лежала у меня на душе все это время, сменилась лихорадочным ожиданием. Если раньше я лишь кое-как «функционировал», то теперь я все время был в состоянии нервного возбуждения, это заметил даже мой сынишка.

– Папа, ты все время качаешь ногой, – заметил он, когда мы сидели за столом на кухне.

По крайней мере, я уже не был таким оглушенным от свалившегося на меня горя. Однажды, когда мы вместе пошли в кино, я с интересом следил за приключениями маленького сиротки из фильма «Жизнь Кабачка». После сеанса мы купили в киоске на бульваре Сен-Жермен по порции блинчиков с нутеллой, и Артюр за стойкой сказал:

– Как хорошо, что ты опять смеешься, папа!

На неделе я поработал над романом, но теперь он стал наполняться совсем другим содержанием. А на выходных мы ездили гулять с Артюром. Время от времени я встречался с Александром, но избегал разговоров о пропавших письмах, а когда он об этом спрашивал, я отшучивался: мол, на кладбищенском фронте – без перемен.

Вечером я даже иногда приходил посидеть с Катрин на балконе. С тех пор как мадам Гренуй ославил нас как безнадежных грешников, мы с Катрин сделались сообщниками, и возникшее между нами в ту достопамятную ночь чувство неловкости исчезло, уступив место дружески-добрососедским отношениям, – по крайней мере, так думал я.

По средам я всегда ходил обедать к татап, а в воскресенье, если выдавалась хорошая погода, мы с Артюром ездили в Булонский лес. Иногда мы брали напрокат лодку, и я катал сына по озеру, маневрируя под его радостные крики между другими лодками, в которых находились другие семьи или влюбленные парочки. Или же мы переправлялись на катерке к «Шале дез'Иль», чтобы, сидя на

солнышке, полакомиться земляничным тортом. Такова была нормальная сторона моей жизни.

Но, кроме нее, была еще и «тайна». Не в силах совладать с охватившим меня беспокойством, которое достигало своей кульминации к пятнице, когда приходила Луиза и принималась за большую уборку, я отправлялся на знаменитый холм на севере Парижа, ставший моей судьбой.

В этот день меня начинали мучить навязчивые мысли, и я приходил на Монмартр как наэлектризованный. Что сегодня обнаружится в тайнике?

Ибо просьба моя чудесным образом была услышана. Странная игра письмами и знаками продолжалась. На каждое мое письмо приходил ответ. В ответ на каждый полученный знак я писал новое письмо. Я был как во хмелю, этот лихорадочный обмен напоминал мне несчастного, вдохновенного Сирано де Бержерака, который под чужой личиной вел любовную переписку. Я нетерпеливо ждал этих маленьких знаков из тайника и уносил домой как драгоценные перлы, гадая потом, как их истолковать. Эти мелочи не давали мне впасть в апатию. Я уже просто не мог остановиться, потому что письма мои продолжали исчезать из тайника и в могильном памятнике я находил все новые знаки, требовавшие разгадки.

После похода с Артюром на «Волшебную флейту» я нашел в тайнике музыкальную шкатулочку размером со спичечный коробок; она лежала в картонной коробочке, на которой без труда можно было различить выполненные черным цветом силуэты танцующих Папагено и Папагены, облаченных в костюмы из птичьих перьев. Сторяя от любопытства, я завел шкатулку маленьким рычажком, и зазвучала мелодия колокольчиков:

За отвагу ждет удача.
Колокольчики скорей,
Вы запойте, зазвените,
Звонким звуком одарите:
Как прекрасен этот звон,
Как хорош ваш звон!
Ла-ра-ла ла ла ларала ла ла ларала!

Я поставил шкатулку на ночной столик и, когда ночью меня одолевала тоска, брал ее в руки, заводил и слушал веселую мелодию, серебряным звоном разливавшуюся в темноте.

На следующий раз в качестве ответа на мое письмо я нашел розу лавандового оттенка, затем ярко-красный гранат, а однажды в тайнике нашелся буклет музея Родена. Хотя он находится на улице Варен, то есть на той же улице, где живет мама, я еще ни разу не бывал в этом музее, расположенном в стороне от оживленного бульвара Сен-Жермен. И вот в очередную среду, после обеда у мамы, я взволнованно бродил по очаровательному маленькому парку, окружающему музейное здание, попутно осматривая роденовского «Мыслителя», замершего в вечных раздумьях на своем постаменте, и стоящих плотной группой «Граждан Кале». Миновав зеленые конусы самшита, я вошел в музей и сначала посмотрел изящные работы Камиллы Клодель – женщины, которая сначала была ученицей Родена, а потом стала его несчастной возлюбленной и, прежде чем сойти от горя с ума, после того как ее бросил великий мастер, и доживать оставшиеся годы в психиатрической лечебнице, успела создать произведения, полные необычайной экспрессии.

Я обошел скульптуры со всех сторон, подробно рассматривая каждую деталь, незаметно поглядывая на других посетителей, одновременно стараясь понять, зачем я сюда пришел.

Испытываешь довольно странное чувство, когда занимаешься поисками неизвестно чего. Но разве вся наша жизнь – это не такие же поиски? Поиски «утраченной страны», как это метко сказано у Алена-Фурнье в «Большом Мольне».

Я долго простоял, погруженный в созерцание, перед скульптурной группой двух влюбленных, которые, кружась в вальсе, словно слились в единое целое. Это произведение искусства под незамысловатым названием «Вальс» тоже было созданием несчастной Камиллы, и я вдруг спросил себя: а кто же со мной-то танцует вальс?

Покинув через час музей Родена и сидя в парке на скамейке, я был доволен, что наконец-то здесь побывал, но никакой ясности мне это не прибавило.

Так что я продолжал все делать как раньше. Писал письма Элен, не зная, она ли была их получательницей. Мне хотелось верить, что так, но порой я уже и сам сомневался, в здравом ли я уме, и обзывал

себя безнадежным идиотом. В какой-то момент я просто перестал ломать над этим голову. Я жил в своем мире, как в прекрасном сне, и утешался мыслью о том, что когда-нибудь все разрешится. И так оно и случилось.

Правда, гораздо позже, когда лето уже подходило к концу. И только тогда, когда я понял одну существенную вещь.

А пока была весна, дни становились светлей и теплей, а я оставался наедине со своими мыслями. Я ни с кем не говорил о своих походах на кладбище и о том, в чем я видел теперь *raison d'être*^[55], даже с Александром. С одной стороны, жизнь продолжается, хотя бы для других. С другой стороны, я решил, что лучше оставить свой секрет при себе, в надежде на то, что в один прекрасный день мне все откроется.

Единственным человеком, который поневоле знал о моих регулярных посещениях кладбища, была Софи. Хотя я и не каждый раз с ней виделся, но ее сердечное участие, забавные замечания и то, как она иногда приводила меня в чувство, – все это было мне приятно. Вдобавок она продолжала давать мне отчеты, если видела кого-нибудь у могилы Элен, в шутку называя себя при этом «моей лучшей шпионкой», и не отказывалась, если я в благодарность приглашал ее на чашку кофе.

Эти дружеские встречи всегда оставались недолгими, а единственный ужин в ее любимом бистро, куда она меня пригласила, больше ни разу не повторился. Однако в лице Софи я нашел внимательную слушательницу, и между делом она нередко без просьбы с моей стороны давала мне полезный совет и развеивала мое мрачное настроение, когда на меня нападало уныние.

Однажды, когда мы во время ее обеденного перерыва зашли посидеть в кафе на улице Лепик, Софи вдруг задумчиво на меня посмотрела:

– Можно задать тебе один вопрос, писатель?

Ого! Женские вопросы с таким началом не предвещали ничего хорошего.

– Разумеется, – сказал я, принявшись с ненужной тщательностью заворачивать в обертку кусочек сахара.

– Почему, собственно, тебя так интересует, кто еще бывает на могиле Элен? Уж не опасаясь ли ты конкуренции? – Склонив голову

набок, она смотрела на меня, сделав губки бантиком. – У тебя абсолютное лидерство в этих посещениях, Жюльен, могу подтвердить это под присягой.

Она откинулась на спинку стула, и на ее волосах заиграл солнечный луч.

Я облегченно рассмеялся. Затем я заглянул ей в глаза, задержав взгляд дольше обычного, и у меня мелькнула мысль, не рассказать ли все этой девушке, с которой, как говорится, можно хоть в разведку.

– Знаешь, Софи...

Она взглянула на меня с живым интересом, и я почувствовал, как у меня пропадает решимость. Наверное, все-таки не стоит. Или сказать? Я заколебался.

– Да?

– Мне иногда самому хочется сказать тебе, но я... не решаюсь, – промямлил я.

– О! – Софи посмотрела на меня очень странным взглядом и, вместо того чтобы сделать какое-нибудь ироническое замечание, какие обычно так и сыпались у нее с языка, надолго умолкла.

Я тоже не знал, что сказать, и мы оба смутились еще больше.

Софи занялась застежкой своего комбинезона, как будто та расстегнулась. Потом передернула плечами и осторожно улыбнулась.

– Ну так скажи, когда решишься, – предложила она.

Нетрудно было понять, что она неправильно истолковала мое замечание. Возможно, она теперь думает, что дурачок с кладбища в нее влюбился.

– Нет... нет, речь не о том! – заторопился я и почувствовал, что получается полная ерунда. – Это... это... не о нас, Софи, – попытался я исправить недоразумение. – Это... это... такой секрет.

– Ага, понятно: секрет, значит, – сказала она, и мы оба засмеялись – немного смущенно.

Впоследствии, вспоминая этот странный разговор, я иногда спрашивал себя: было ли это просто недоразумением, или, напротив, за недоразумением крылась чистая правда?

Что-то изменилось. Я уже не предавался печали сутками напролет, да что там сутками – даже не каждый день. И я не знаю, что послужило причиной. Возможно, сказывалось влияние Софи, а возможно, дело было в моей секретной миссии, из-за которой я так

часто ходил на кладбище, но понемногу я перестал все время перебирать старые воспоминания и начал заглядывать вперед – пока что до следующего письма, до следующего ответа, до следующего раза.

И вот как-то в июне, во время очередного посещения могилы, я обнаружил в тайнике, в обмен на очередное письмо, открытку с изображенными на ней ориентальными узорами. Я растерянно повертел ее в руках. На открытке была нарисована в обрамлении из арабской вязи бирюзовая дверь, и на ней были написаны слова Рабиндраната Тагора:

Когда закрываются одни врата счастья,
Открываются рядом другие,
Но мы так долго глядим
На захлопнувшиеся,
Что других,
Распахнутых,
Даже не замечаем.

Я мысленно спрашивал себя, что значат эти слова, как вдруг рядом послышались легкие шаги. Обернувшись, я увидел Катрин с букетиком незабудок в руке. Она пристально смотрела на меня. Сколько времени она уже тут простояла?

– Привет, Жюльен, – сказала она и, приблизившись, с любопытством спросила: – Что это у тебя?

– Ничего!

Я торопливо засунул открытку в сумку.

Катрин тотчас же отодвинулась:

– Pardon! Не хочу быть назойливой, извини, пожалуйста!

– Да нет... это я так. Просто у меня... – Я не закончил фразу, и она так и повисла в воздухе.

Катрин положила на могилу свои незабудки и непринужденно улыбнулась:

– Какая сегодня хорошая погода! А я рано закончила в школе. Вот и подумала: навещу-ка я Элен.

– Н-да... – сказал я и тоже улыбнулся. – Значит, нам пришла в голову одна и та же мысль.

Мы вместе пошли к выходу, и тут у меня мелькнула новая мысль.

– Скажи-ка, Катрин, ты, случайно, не знаешь Тагора?

Она даже бровью не повела:

– Ты имеешь в виду индийского поэта?

– Да, его. – Я испытующе вглядывался в нее, но в ее глазах ничего не мелькнуло. – Ты знаешь его афоризм о вратах?

Подумав, она покачала головой:

– Нет как будто. Я вообще знаю только одну цитату из Тагора, которую мне написала в альбом моя учительница музыки. «Бремя своего „я“ легче нести, когда я над ним смеюсь». Или что-то подобное. А почему ты спросил?

Она тут была ни при чем. Или она такая хорошая актриса?

– Да просто так.

У выхода нам навстречу попала Софи: она как раз относила свои инструменты в сарайчик.

Софи поздоровалась со мной и, окинув быстрым взглядом Катрин, высоко подняла брови и многозначительно мне подмигнула. Катрин несколько недовольно посмотрела на изящное темноглазое создание в черной шапочке. Я коротко познакомил их, и мне показалось, что обе с первого же взгляда невзлюбили друг друга.

Дорогая Элен!

Сейчас суббота. Сегодня вечером у Артюра впервые побывала в гостях его подружка Джульетта из детского сада, бойкая маленькая особа с рыжими волосами и веснушками. Мне кажется, ты в детстве была на нее похожа. Артюр нас познакомил после того, как Джульетту привела ее мама.

Он сказал: «Это мой папа, он пишет книжки». На Джульетту это произвело впечатление, и она пожелала узнать, много ли на это нужно времени. Хотел бы я сам это знать! Оба удалились в комнату Артюра и часами там с увлечением рисовали. Картинки. К сожалению, им еще вздумалось заодно разрисовать стену над кроватью Артюра. Я в это время работал за письменным столом,

писал свой новый роман. Ты не поверишь, *cherie*, но работа действительно понемногу продвигается, не быстро, страницы по три-четыре в день, но получается хорошо. Понравится ли Жан-Пьеру Фавру то, что я пишу, не знаю: должен сказать, это будет совсем не та книга, которую он ожидает. И запляшет ли издатель на радостях от нее среди ночи при лунном свете? Смею в этом усомниться. Но хорошо, что я вообще снова начал регулярно писать.

Итак, я сидел и время от времени прислушивался к тому, что делалось в детской. Сначала дети без умолку болтали и смеялись. Затем стало тихо, и только временами слышалось сдавленное хихиканье и перешептывания. Я с улыбкой подумал: что там, интересно, происходит? Но потом перестал обращать внимание. Один раз я услышал, как Артур сказал: «Давай лучше вот это возьмем, так скорее получится». Джульетта так и взвизнула от восторга: «Ой, да!» А затем, понимая, что они задумали что-то недозволенное и совершенно замечательное, она сказала: «Но этого же нельзя делать!» Тут уж я пошел посмотреть и, открыв дверь, не поверил своим глазам.

Они стояли рядом на кровати Артура и с упоением разрисовывали красками белые виниловые обои. Причем красок уже оставалось совсем на доньшке.

– Что это вы тут творите? – воскликнул я почти с ужасом.

– Мы хотим нарисовать большую-пребольшую картину, папа, – простодушно объяснил Артур, вытирая о штанишки перепачканные ладошки. – На листке она не поместится.

– У нас тут искусство! – воскликнула Джульетта с сияющими глазами.

В заляпанном красками платьице она была похожа на маленькую Папагену.

Я посмотрел на яркие солнышки, деревья, цветы, облака, каких-то птиц и человечков и невольно рассмеялся. Не так уж сильно это отличалось от многих картин Миро.

– Вот это Джульетта... А это я, – сказал Артюр, показывая на двух человечков с огромными головами и крохотными тельцами, которые смеялись со стены, показывая острые зубки. У них были круглые глаза спиралью, косолапые ноги и по четыре пальца на каждой руке. У одного человечка были ярко-рыжие волосы, торчащие во все стороны, как проволочки, украшенные гигантским розовым бантом.

Скажу без преувеличения, они были похожи на марсиан, но сделанная каракулями подпись под ними, хотя и была не в ладу с орфографией, несомненно, исключала все недоразумения относительно того, кто здесь изображен, – «Артюр и Джулета».

– Вау! – вырвалось у меня от избытка чувств.

– Видишь, Джульетта: мой папа считает, что это клево!

Оба радостно уставились на меня.

Я решил быть клевым папой и спокойно принять их проделку. Вздыхнув, я выдал художникам чистую одежду и внушил Артюру, что ни в коем случае не хочу видеть новых произведений искусства на других стенах в квартире. А затем заказал всем нам пиццу.

Когда я укладывал Артюра спать, он мне сказал:

– Шикарный был день, папа. – Глядя на меня сияющими глазами, он удовлетворенно вздохнул. – Джульетте тоже понравилось.

Очевидно, для него это было очень важно. Он вдруг подскочил с подушки:

– Как ты думаешь, мама бы тоже обрадовалась, если бы я ей нарисовал такую картину?

– Несомненно, – ответил я, погладив его по головке. – Только не такую огромную.

– Я знаю, – сказал он. – А то она не влезет в шкатулку.

Я немного удивился этому слову. Вероятно, Артюр подхватил его из какого-то фильма про кладоискателей, которыми сейчас увлекается.

Взглянув на картину над кроватью, я только покачал головой. Затем погасил свет. Будем надеяться, что Джульетта еще долго будет с ним «ходить», иначе придется замазать марсианского человечка.

Так что в следующий раз, Элен, ты получишь не только мое письмо, но еще и художественное творение Артюра.

Сейчас, когда я пишу тебе это письмо, передо мной лежит открытка, которую я в пятницу нашел на могиле – в «шкатулке».

Афоризм Тагора я читал и перечитывал много раз и все еще не решил, как мне его понимать. На какие закрытые ворота я все время гляжу? Неужели это твоя могила? Но в чем же тогда смысл, если эта дверь проницаема и открывается для меня?

И разве в моей жизни открылись какие-то новые двери, спрашиваю я себя? И кто положил мне эту открытку? Ты ли это была, любимая моя Элен?

В такие дни, как сегодня, я в этом сомневаюсь. И в то же время мне так хотелось бы продолжить с тобой диалог: ты ведь видишь, я продолжаю тебе писать и рассказывать о том, как живу без тебя, – как ты мне и велела.

Вчера, когда я стоял у могилы, вдруг откуда ни возьмись там появилась Катрин. Она с любопытством посмотрела на открытку, которую я держал в руке. Афоризм Тагора она якобы не знает. Но было ли случайностью то, что она оказалась рядом с могилой в такой момент?

Уходя с кладбища, мы встретили Софи. Ты знаешь, это та реставраторша надгробий, о которой я тебе как-то рассказывал. Обе дамы оценивающе посмотрели друг на друга, как тигрицы, а Катрин потом довольно ехидно спросила, кто эта девица, похожая на трубочиста, и откуда я с ней знаком.

Я рассказал ей, что Софи работает на кладбище и реставрирует надгробия, и Катрин, кажется, потеряла к ней интерес.

Ох уж эти женщины! Все как одна загадочные существа! Но не настолько загадочные, как те ответы, которые приходят на мои письма. Куда меня заведут эти письма, Элен? Да и вообще – ведут ли они куда-нибудь? Или это просто приятное занятие, своего рода самоудовлетворение для мужчины, потерявшего жену и теперь без конца жалеющего себя и хватающегося за каждый проблеск надежды, как за соломинку. Хвататься за мертвую, которую навсегда утратил! Что это за напрасная игра? Но что это я пишу?! Нет, сердце мое, прости меня! Ни одно мое письмо к тебе не было напрасным. Кто бы их ни забирал – ты ли это была или кто-то другой, я писал их от всей души.

И вот я стою, как Орфей, которому так хочется вернуть любимую Эвридику из царства теней, но в конце концов он ее потерял. Потому что усомнился, потому что обернулся назад: он хотел убедиться, что любимая за ним следует, ведь шагов Эвридики он не слышал.

Я никогда не усомнюсь в том, что ты все-таки есть, Элен! Я не вижу тебя, но знаю – ты есть.

Я распахну все запертые ворота и впущу тот свет, каким ты всегда для меня была и, может быть, есть и сейчас.

Навеки твой,

Жюльен.

Глава 17

Орфей

В следующую субботу я в последнюю минуту примчался к маленькому артхаусному кинотеатру на улице Толоз, где демонстрировались актуальные фильмы и классические произведения великих мастеров кинематографа. Я крепко сжимал в руке два билета, гадая: что же тут приготовлено для меня? Я немного опаздывал: сначала нужно было отвести Артюра переночевать у бабушки и только там выяснилось, что он забыл дома своего мишку Брюно. А без Брюно Артюр не заснет. Пришлось сбегать на улицу Жакоб за плюшевым мишкой.

Посетив накануне кладбище, я сначала не нашел билеты. Не поверив, что в тайничке могло оказаться пусто, я еще раз хорошенько пошарил в нем и только тогда нащупал эти два сиреневых билетика, которые сам нечаянно задвинул в самую глубину, когда оставлял новый конверт.

Билеты были на вечерний сеанс в субботу. Места нумерованные, в девятом ряду. Кинотеатр «Студио-28» на Монмартре. Как нарочно, в этот день позвонил из своей лавки Александр и спросил, не найдется ли у меня время вечером. Он предлагал куда-нибудь пойти, а я сказал, что у меня на этот вечер уже есть другие планы.

– Так-так. Другие планы. И что же это, позволь спросить?

Я сначала подумал, не пригласить ли его в кино. Но затем отбросил эту мысль. Слишком сложно объяснить ему происхождение этих билетов. Мой друг не знал ничего о том, что я по-прежнему продолжаю регулярно относить на могилу письма и на письменном столе у меня образовался целый склад драгоценных находок.

Поэтому я сказал, что меня уже пригласила Катрин сходить в кино. Александр присвистнул и пожелал мне приятно провести время с мадемуазель Баллан.

И надо же было такому случиться, что, когда мы с Артюром шли по улице Бонапарта, нам навстречу попалась Катрин!

– Привет, друзья! – сказала она, заметив детский рюкзачок в моей руке. – И куда же это вы собрались?

– Я сегодня ночую у маме, – сказал Артур. – Она готовит вишневый клафути.

– Ну, как замечательно! Вишневый клафути! Меня прямо завидки берут, обожаю вишневый клафути!

Улыбаясь, Катрин посмотрела на меня, вопросительно вскинув брови. Снова этот взгляд а-ля Жюли Дельпи. Я внутренне застонал и тоже ей улыбнулся, но у меня не было никакого желания пускаться в объяснения.

– Ну, всего хорошего, Катрин, нам надо спешить, матушка уже ждет нас, – сказал я и прямо почувствовал спиной ее взгляд, которым она провожала нас, пока мы, миновав кафе «Les deux Magots»^[56], переходили на другую сторону бульвара Сен-Жермен.

Матушке я сказал, что иду с Александром в кино. Она обрадовалась и одобрила, что я выхожу из дому. Таким образом, все остались хорошо информированными обладателями ложной информации.

Когда я, взбежав по ступеням, входил в маленький кинотеатрик, посетители уже сидели в зрительном зале. И только один пожилой господин нерешительно топтался перед кассой.

Я увидел в витрине черно-белый плакат, и мое сердце забилося еще быстрее, чем во время моего стайерского забега от станции метро «Монмартр» до вершины холма.

Зачарованно глядя на старые фотографии Жана Маре и Марии Казарес, я прочел название фильма, который шел в этот вечер. Это был «Орфей» Жана Кокто.

Я торопливо протянул контролеру билеты:

– Что, я уже опоздал?

– Вам повезло, месье, фильм еще не начался, – ответил он, отрывая билет. – Девятый ряд. С вами еще кто-нибудь?

Кто-нибудь еще? Я как-то не подумал о такой возможности, однако, судя по всему, меня никто не ожидал. Вряд ли это был тот пожилой господин, который все еще маячил у кассы. Я покачал головой:

– Нет... У меня... просто оказался лишний билет. Отдайте его, пожалуйста, кому-нибудь, кому не досталось билета.

– О, если можно, я бы с удовольствием его взял, – сказал пожилой господин, который хоть и был стар, но явно не страдал тугоухостью. – Дело в том, что в кассе остались билеты только в первые ряды, а я при всей любви к Кокто не хочу сидеть, вывернув шею, – пояснил он мне уже в зрительном зале, пока мы в темноте пробирались к своим местам.

– Да-да, – сказал я и сел на свое место.

Я был рад, что всего через пару секунд начался фильм, красный занавес взмыл вверх под громкие звуки патетической музыки, избавив меня от необходимости поддерживать дальнейший разговор.

Признаться, я был несколько ошеломлен. Ведь в своем последнем письме я сам сравнил себя с Орфеем – и вот, неделю спустя, получаю билеты на фильм «Орфей».

Уж это ли не явный знак! Удобно усевшись в кресле, я, затаив дыхание, следил за развитием действия. Этого шедевра Кокто я раньше не видел, и мне запомнилось из него несколько загадочных реплик.

Фильм представлял собой новое прочтение древнего мифа об Орфее и Эвридике. Орфей в нем – знаменитый поэт, переживающий творческий кризис. Его соперник, молодой опустившийся пропойца, за которым как тень следует одетая во все черное строгая принцесса. Она явно его финансирует. Придя в «Café des Poètes» – кафе поэтов, – он там дебоширит и вскоре погибает, попав под машину. Принцесса приказывает своему шоферу забрать хулигана в ее черную машину, а Орфея увозит с собой в качестве свидетеля.

В то время как его светловолосая хорошенькая жена Эвридика волнуется, ожидая возвращения мужа, Орфей полностью подпадает под власть этой темной принцессы, не подозревая сначала, что она – *madame la Mort*, сама Смерть. Принцесса положила глаз на поэта и старается увлечь его загадочными речами, звучащими из радиоприемника в ее лимузине. Завороженный Орфей как одержимый внимает льющимся из радио речам, которые звучат словно взятые из сюрреалистического сна: «Стакан воды может осветить мир» или «Тишина отступает быстрее – дважды». И только когда Эвридика попадает в аварию на велосипеде и умирает, Орфея охватывает желание вернуть ее назад из царства теней. С помощью невидимого шофера Эртебиза – на самом деле он мертвый студент, который однажды, когда от него ушла возлюбленная, открыл газовый кран, – и

пары специальных перчаток Орфею сквозь зеркало в спальне удастся проникнуть в мир мертвых, где действуют более строгие законы, чем на земле, и где не существует свойственного людям «может быть». Зеркала – это врата, сквозь которые могут проходить мертвые. Орфей разрывается между мечтой о принцессе Смерти и любовью к своей хорошенькой простодушной жене, которая ждет от него ребенка и которую ему позволено забрать, но навсегда запрещено видеть. Однажды в машине их взгляды случайно встречаются в зеркале заднего вида, и Эвридика исчезает. Но в конце *madame la Mort* все-таки сжалилась. Она отказывается от любви и от Орфея, желая дать поэту бессмертие, и поворачивает время вспять, ибо «люди должны исполнить то, что назначено им судьбой».

Я погрузился в этот фильм, в его образы, которые до сих пор сохранили способность захватывать зрителя. Они словно переносят тебя в какой-то мир прекрасных, нездешних грез, где ты видишь вещи, которых больше нигде не бывает.

Неужели я одержим, как Орфей? Кто же тогда моя черная принцесса и кто моя Эвридика? Смерть я люблю или жизнь? Я проникался каждым образом, каждым словом и, когда занавес опустился над экраном, очнулся оглушенный, как после глубокого сна.

– Как было, так и осталось высочайшим искусством, – восхищенно пробормотал сидевший рядом со мной пожилой господин. – Еще раз спасибо вам, молодой человек, за билет.

Наконец я поднялся и увидел, как из тьмы проступили первые ряды. И вдруг я услышал серебристо-звонкий смех.

С первого взгляда я ее не узнал. Впереди, через два ряда от меня, стояла изящная девушка в белом платье, она оживленно беседовала с подругой. Ее черные волосы были распущены и схвачены на затылке блестящей заколкой.

По-моему, я впервые увидел Софи в платье. Она выглядела прелестно. Я ведь видел ее всегда в рабочем комбинезоне и сейчас изумленно глядел на очаровательное создание, похожее на эльфа. По залу снова рассыпался ее серебристый смех.

Да Софи ли это?

Вдруг она повернулась вполоборота ко мне, и я увидел знакомое лицо.

– Софи! – негромко окликнул я ее. – Софи!

Тут она оглянулась. На лице самое искреннее удивление.

– Жюльен? А ты что тут делаешь? Надо же! – воскликнула она, и мы двинулись к проходу навстречу друг другу.

– Это моя кузина Сабина, – представила Софи свою спутницу, пепельную блондинку с высокой прической, которая шагала следом величаво, как королева. Софи пожала плечами. – Сабина затащила меня на этот фильм, и, надо сказать, он совсем неплох, правда?

Сабина одарила меня царственной улыбкой, а Софи с любопытством поглядывала вокруг:

– И с кем же ты пришел?

– Один, – сказал я.

– Вот как? – удивилась она. – Неужели и ты поклонник Кокто?

– Похоже, что да, – засмеялся я.

– Жюльен, видишь ли, тоже писатель, – сказала Софи кузине, поддразнивая меня. – Хотя он говорит о себе, что всего лишь пишет развлекательные романы.

Сабина удивленно повела бровями, – вероятно, это была ее привычка.

– Умение развлекать – это большое искусство, к нему не стоит относиться пренебрежительно, – сказала она, и я тотчас же почувствовал к ней симпатию. – Может быть, выпьем чего-нибудь? При кинотеатре есть хороший бар в саду, надо поторопиться, пока не все места заняты.

– Хорошая мысль! – воскликнула Софи и начала рыться в своей сумочке. – Вы пока идите, а я только позвоню: надо предупредить, что я задержусь.

Вскоре мы уже сидели в закрытом дворике, где располагалось кафе кинотеатра. Круглые марокканские столики и пальмы в горшках превращали его в очаровательный оазис. Стену украшал гигантский коллаж из черно-белых фотографий знаменитых артистов. Я узнал грустного мима Жана-Луи Барро, Жанну Моро, Катрин Денёв, Марлона Брандо и Хэмфри Богарта в роли Филипа Марлоу. Все столики были заняты, и мы сидели с бокалами, довольные тем, что попали в число избранных счастливиц, которым повезло провести вечер в этом уютном месте. Мы оживленно беседовали. Сперва

говорили о фильме, потом о всякой всячине. У Софи хватило такта не упоминать о том, что мы познакомились на кладбище. То обстоятельство, что у меня умерла жена и я теперь вдовец, в этот вечер, в виде исключения, не играло никакой роли. У Сабины был серьезный и умный взгляд, однако она оказалась остроумной собеседницей. Она вела раздел культуры в каком-то журнале и знала великое множество книг и фильмов, о которых умела очень красочно рассказывать. Она даже читала мой первый роман и находила его интересным и увлекательным, что меня порадовало.

Вечер пролетел незаметно, и только когда официанты принялись с грохотом придвигать стулья к столам, мы заметили, что дворик совсем опустел.

Софи посмотрела на свои часики.

– Mon Dieu!^[57] Уже двадцать минут второго! – воскликнула она и с кокетливой улыбкой обернулась к официанту. – Спасибо, что так долго нас терпели!

Я настоял на том, чтобы расплатиться за всех – особенно ввиду того, что мне не пришлось платить за билеты. На крыльце кинотеатра мы распрощались.

– Было очень приятно познакомиться, Жюльен, – сказала Сабина, протягивая мне свою визитку. – Когда вам снова начнет казаться, что вы не умеете писать, просто позвоните мне. И я вам скажу, какой вы замечательный писатель. – Она покровительственно улыбнулась, лукаво блеснув глазами.

Я спрятал визитку в карман и кивнул:

– С удовольствием воспользуюсь предложением.

– Всего доброго, Софи, до встречи! Кланяйся от меня Chouchou! – Сабина расцеловала кузину в обе щеки и ушла, а мы проводили глазами ее развевающийся плащ.

Софи расплылась в улыбке.

– Сабина во всей красе! – сказала она. – Моя любимая кузина. – Склонив голову набок, она опять улыбнулась. – У меня, правда, нет при себе визитки, писатель, но можешь и мне позвонить, когда тебе потребуется услышать от кого-то, какой ты молодец. – Она подмигнула. – Я с удовольствием дам тебе номер моего мобильного.

– Не потребуется! – сказал я и тоже улыбнулся.

Софи накинула на плечи шаль и взглянула на небо, в котором сияла полная луна.

– Как тихо сейчас, – сказала она. – Больше всего люблю Монмартр ночью. – Она посмотрела на меня. – Пройдемся немножко!

Мы не спеша пошли по улице.

– Очень своеобразный был фильм, – сказала она. – Своеобразный и притом красивый.

Я неопределенно кивнул.

– Там были слова, которые мне очень понравились.

– Какие?

На ее лице появилось мечтательное выражение.

– «Каждый мир затронут любовью».

– Да, действительно, очень красивые слова.

– Ты веришь, Жюльен, что, кроме нашего мира, есть еще и другие?

– Наверное. Иногда бывает такое ощущение, правда? Вселенная ведь так велика.

– Бесконечна, – сказала она. – Это же и представить невозможно.

Наши шаги гулко отдавались от мостовой.

– Знаешь, этот человек, Орфей, напомнил мне тебя.

– Почему? Потому что у него жена умерла?

– Нет. Потому что он чуть было не сделал неправильный выбор. – Она улыбнулась. – По крайней мере, я рада, что черная принцесса отпустила Орфея. В конечном счете всегда должна побеждать жизнь, а не смерть.

Мы постояли, повернувшись лицом друг к другу, и в какой-то миг я вдруг почувствовал, что наши сердца, которые находились на расстоянии двух шагов, соприкоснулись.

– Здесь наши пути расходятся, – сказала Софи. – Мне сюда, а тебе туда. Спокойной ночи, Жюльен!

Я проводил ее взглядом, легкий ветерок трепал подол ее платья, и я вдруг с сожалением подумал, что самые лучшие девушки, как назло, всегда несвободны.

Глава 18

География моего сердца

Постепенно у меня развилось ощущение, что я сам участвую в каком-то фильме. Я все еще вспоминал вечер, проведенный в кино: у меня в голове осталось столько образов и они вызывали столько эмоций! И тут вдруг я обнаружил карту города.

Дело было в июле, стояла жара, и в полдень кладбище пустело: не было видно ни одного посетителя. Когда я открыл тайник, чтобы положить туда письмо, я нашел карту Парижа, по виду уже не новую. Оглядевшись по сторонам, я сунул ее в карман.

– А теперь давай серьезно! Ну зачем парижанину карта Парижа? Что за шутки? – заворчал я себе под нос, глядя на бронзовую головку, которая, как всегда, отрешенно улыбалась.

Ладно, отсутствие ответа – это тоже ответ.

Я зашел за памятник, чтобы взять там вазу, налил в нее из ближайшего крана воды и поставил в нее новый букет.

После вечера в кино в порыве неожиданного вдохновения я неожиданно выдал более пятидесяти страниц настоящего, ненадуманного текста, который имел намного больше отношения к моей жизни, чем придуманная история о книжке, случайно получившей Гонкуровскую премию. И когда Жан-Пьер Фавр спросил меня во время нашего обеда в «Le Petit Zinc», как идет работа, я, взглянув на нюхающую цветок красавицу в стиле ар-деко, нарисованную на колонне у него за спиной, смело ответил, что к концу года роман будет готов. Это было, конечно, довольно нахальное заявление, согласен. Но я ясно чувствовал, что к тому времени, ведомый таинственной нитью Ариадны, я наконец выберусь из мрачного лабиринта, в который превратилась моя жизнь. А тогда будет закончен и роман.

К счастью, разговор не зашел о содержании, иначе бедный месье Фавр, чего доброго, еще поперхнулся бы своим стейком tartar^[58], украшенным сверху яичницей-глазуньей.

– Великолепно! – воскликнул он, изящным движением отправив в рот кусочек кушанья, так что я не понял, вызван его энтузиазм

жареной говядиной или тем, что его автор опять вошел в рабочую форму.

Кроме работы над романом, я занимался организацией летнего отдыха. Сначала я как-то не думал о том, что летом детский сад на несколько недель закрывается, – настолько я весь ушел в собственный маленький фильм. Напомнила мне об этом как-то Катрин, когда я забирал у нее Артюра.

– У вас уже готовы планы на лето? – спросила она, и я с недоумением уставился на нее.

– А... Ну да. – И я ответил первое, что пришло в голову: – Думаю, мы поедем в Онфлёр. Но хорошо, что ты напомнила, надо будет поговорить об этом с татап.

Артюр вдруг оторвался от книжки с картинками, которую рассматривал:

– А можно, папа, Джульетта поедет с нами? Вот было бы клево!

Мысленно я представил себе, как эти малыши вдвоем разрисовывают весь дом в Онфлёре, и со вздохом улыбнулся:

– Боюсь, не слишком ли это будет для маміе?

Артюр замотал головой:

– Маміе сказала, что пускай Джульетта едет.

– Как! – удивился я от неожиданности. – Ты уже спросил маміе?

Катрин рассмешила моя растерянность:

– Похоже, Жюльен, сынишка предусмотрительнее отца. В этом он пошел в Элен: она любила планировать все заранее.

Мы с Катрин посмеялись. По крайней мере, теперь мы уже могли говорить о милых слабостях Элен, не впадая сразу в уныние. Я вспомнил, что для Элен не было большего удовольствия, как, усевшись первого января за стол, размечать новый еженедельник – вписывать в него все события, которые предстояло отметить в новом году: дни рождения, посещения концертов, выходные в кругу друзей или родственников, утренники в детском саду, загородные экскурсии, отпуск.

У нее это называлось «наметить будущие радости».

Я посоветовался с татап, затем поговорил с родителями Джульетты, и в результате было решено, что в августе татап на две недели поедет с Камиллой и двумя детьми к морю, а потом, спустя две недели, к ним приеду я, тоже побуду две недели, а Камилла уедет в

Париж и увезет с собой Джульетту. Я давно уже не бывал в Онфлэре и соскучился по старому дому, где в детстве провел столько чудесных летних месяцев. Таким был наш план.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Войдя на кладбище и в задумчивости проходя по аллее, я еще не догадывался, что ни в какой Онфлёр летом не поеду. Я о многом не догадывался. Сейчас мне кажется, что тогда я был точно поражен слепотой.

Я шел по аллее, названной в честь Гектора Берлиоза. Как это часто бывало, навстречу мне попался угрюмый садовник, на этот раз он волок за собой серый мусорный мешок с садовыми отходами. Он прошел мимо, не поздоровавшись, и тут я вдруг заметил маячившую за могильными памятниками большую черную шляпку.

Шляпа принадлежала даме в элегантном черном костюме. Дама остановилась у могилы, над которой высился большой каменный ангел. Разумеется, мне тотчас же вспомнились теория Александра насчет прекрасной вдовы и брошенное Софи замечание, что она несколько раз видела на кладбище даму в большой шляпке. Однако дама стояла не у могилы Элен, и у меня были дела поважнее, чем выслеживать черных вдовушек, и вообще я сильно проголодался.

Я поел у марокканца на бульваре Клиши. Дожидаясь, когда он мне подаст тажин с бараниной и кускусом, я достал из кармана план Парижа, найденный в этот день в тайнике. Я развернул на столике сложенный в несколько раз лист и принялся внимательно разглядывать густое переплетение улочек, улиц и бульваров. План, как я уже сказал, был не новый, кое-где порванный, и когда я окинул его взглядом, то обнаружил место, отмеченное кружочком, – кто-то обвел его шариковой ручкой. Рядом стояла звездочка, какой принято обозначать примечания.

Странно!

Я присмотрелся: кружочком был отмечен сквер Жана Риктюса – небольшая площадь вблизи станции метро «Аббес», неподалеку от бистро, где я сейчас сидел. Интересно, что там находится?

Принесли мой тажин, от которого исходил вкусный запах тушеного мяса, фиников и меда, и я поспешно и довольно неуклюже

принялся складывать план города – в этом я никогда не отличался ловкостью. Вдруг на обратной стороне мне бросилась в глаза надпись под звездочкой:

«Кто любит, закинет сердце через каменную стену и сам прыгнет следом».

Еще никто никогда не доедал свой тажин с такой скоростью! Не оставлять же несъеденным такое вкусное блюдо, которое несколько часов томилось в духовке, до тех пор пока нежное мясо само не начало отставать от косточки, едва его тронешь вилкой!

Я наскоро съел баранину, запил еду большим глотком красного вина и попросил счет. Темноволосый официант посмотрел на меня так, как будто я нанес ему оскорбление:

– Вам не понравилось, месье?

– Нет-нет! Было очень вкусно! – Я вскочил так поспешно, что чуть не опрокинул стул. – Мне, понимаете ли, надо бежать!

Я еще раз заглянул в план города, чтобы уточнить, как лучше всего добраться до сквера Жана Риктюса.

Официант озабоченно покачал головой. Он не мог этого понять. Человек, бросающий тажин с барашком, наверное, приезжий.

– Я могу вам подсказать, месье? Вы, может быть, не знаете, как проехать?

– Да я и сам знаю. Я парижанин.

Засунув план города в карман, я отправился в путь.

Через несколько минут я был уже в сквере Жана Риктюса. Это было тенистое место, с одной стороны ограниченное глухой стеной, покрытой надписями. О ней я уже слышал (недаром же я родился в Париже), но прежде мне еще ни разу не довелось там побывать. Знаменитая стена – *mur des je t'aime*^[59]. Стена старого дома, в которую вделана большая доска, и на ней написаны, якобы на всех языках мира, эти три слова, которые движут мир.

«Я тебя люблю».

«Я тебя люблю» – сотни и тысячи раз.

Не имея понятия, кто закинул свое сердце за каменную стену, я сел на стоявшую поблизости скамейку, с которой мог видеть перед глазами *mur des je t'aime*.

В этот день я многое узнал про любовь.

Я увидел двух подружек, которые, держась за руки, остановились у стены и вслух читали друг другу надписи. Я увидел влюбленных, которые целовались, глядя в глаза друг другу. Увидел жениха и невесту, которые фотографировались у этой стены для будущих детей. Видел двух англичан, которые поочередно сфотографировали друг друга, высоко подпрыгивая на фоне стены. Видел группу японцев, которые махали руками, хихикали и без устали показывали пальцами сердечки. Видел девушку с рюкзаком, которая долго неподвижно простояла перед стеной. И еще пожилых супругов, которые, неловко держась за руки, счастливо улыбались оттого, что судьба подарила им возможность прожить вместе столько лет.

В этот день я видел очень многих людей. Людей самого разного возраста, со всех концов света, но у них было нечто общее. Когда они уходили отсюда, на их лицах светилась улыбка.

Наконец я встал, освобождая скамейку. Вечернее солнце уже совсем садилось. Из кармана послышалось короткое «динь». Я медленно вынул телефон и увидел сообщение от Александра. По-видимому, он уже давно пытался до меня дозвониться. Взглянув на дисплей, я невольно улыбнулся.

«Ну? Куда ты пропал? Опять отправился куда-нибудь с хорошенькой соседкой? Меня, дружок, не проведешь!»

Александр приставал ко мне с этой темой, не веря, что между мной и Катрин на самом деле ничего нет. Ведь я говорил ему, что Катрин пригласила меня в кино.

Я набрал его номер, чтобы ответить, и он сразу же взял трубку.

– Господи, Жюльен, где тебя носило целый день? До тебя же дозвониться – как до папы римского! – заворчал он. – Мобильный телефон – хорошая вещь, но надо же хоть изредка им пользоваться.

– Но ведь я у телефона. Что там у тебя случилось? – спросил я с иронией и снова посмотрел на стену. Там стояла молодая женщина с ярко-рыжими волосами. Казалось, она изучала надписи на доске. Она медленно обернулась, и на какую-то секунду мне показалось, что я вижу Элен. Она обернулась, и все вокруг замерло в неподвижности. – Александр, я больше не могу говорить.

В нескольких метрах от меня стояла Кэролайн – Кэролайн, с которой я на ступенях у Сакре-Кёр разговаривал о стихах Жака Превера. Она смотрела на меня с улыбкой.

Элен, любимая моя!

Уже поздно, Артюр спокойно спит в своей комнате, а я сижу за письменным столом, еще весь взбудораженный событиями этого дня.

*Сегодня, положив тебе письмо, я нашел в тайнике план Парижа, и этот план, на котором одно место было отмечено кружком и еще была написана удивительно красивая фраза о «сердце» и «каменной стене», привел меня к *tur des je t'aime*.*

Я долго просидел в сквере на скамейке, наблюдая за людьми, приходившими к стене влюбленных, и меня глубоко взволновали увиденные там сцены. Я смотрел и ждал, и внезапно меня охватило страстное желание, чтобы и я опять мог сказать кому-то: «Я тебя люблю», кому-то, кто посмотрел бы на меня и взял за руку, как некогда ты, Элен.

Позвонил Александр и отвлек меня на минуту, а затем я поднял взгляд и увидел у стены ТЕБЯ! Поверь, у меня на миг замерло сердце, я почувствовал себя в свободном падении.

*Но потом оказалось, что это Кэролайн: помнишь, та рыженькая студентка, которую я встретил у Сакре-Кёр, которая тоже любит стихи и с первого взгляда напомнила мне тебя, *top amour*^[60], — девушка, которая обратилась ко мне с просьбой в тот самый день, когда я нашел каменное сердечко – самый первый из полученных мною знаков. И мое бедное сердце опять встрепенулось.*

Кэролайн явилась, словно она и есть ответ на все мои вопросы. Она улыбнулась мне, и я в вдруг почувствовал совершенную уверенность, что это она подкладывала в тайник все знаки и нарочно привела меня к этой стене.

На подкашивающихся ногах я шагнул в ее сторону.

– Кэролайн... – сказал я. – Кэролайн! Так это были вы? Все эти знаки были от вас?

Она смотрела на меня приветливо, но лицо ее выражало недоумение.

– Какие знаки? – озадаченно переспросила она. – О чем вы, месье?

– Но... но тогда... Что вы делаете здесь? – произнес я с запинкой. – Зачем вы тогда здесь, у этой стены?

– Well... – начала она, смущенно смеясь. – Просто хотела посмотреть на знаменитую *mur des je t'aime*... И сфотографироваться. – Поправив волосы, она воскликнула: – Ой, как же неловко получилось! Теперь вы подумаете, что я хочу запечатлеть себя у всех парижских памятников, как какая-то глупая туристка! – Кэролайн рассмеялась, затем внимательно пригляделась ко мне. – Вам нехорошо, месье? Давайте присядем.

Она взяла меня под локоть и отвела на скамейку, с которой я только что поднялся. Я сел, опустив голову и закрыв лицо ладонями, чтобы снова взять себя в руки. Что это я вообразил? Похоже, я окончательно свихнулся. Эта студентка, приехавшая в Париж на один семестр, не знает даже моего имени, не говоря уже о могиле моей жены!

Я сам поставил себя в неудобное положение!

– Извините, пожалуйста! Глядя на вас, я вдруг обознался, принял вас за другую, – сказал я, подняв голову. – А затем у меня все закружилось перед глазами.

Кэролайн кивнула:

– Сосуды. Мне это знакомо. А кроме того, вы, наверное, долго сидели на солнце. – Она порылась в своем замшевом рюкзаке. – Вот, возьмите, пожалуйста, месье. У меня на всякий случай всегда есть с собой кусочек сахара. – С этими словами она протянула мне маленький сверточек в бумажке с зеленой надписью. Я медленно его развернул и сунул в рот кусочек сахара. Я раскусил его и принялся жевать.

– Ну как? Вам лучше? – озабоченно спросила Кэролайн.

Если она и приняла меня за полоумного, который сидит, не замечая ничего вокруг, и потом бормочет какую-то нелепицу, то не подала вида.

– Да... Спасибо. – Приступ слабости миновал. Бросив взгляд на бумажку, я невольно улыбнулся: – Я вижу, вы уже побывали в «Café de Flore». От вас действительно ничто не укроется, – попытался я пошутить, чтобы вернуть разговор в нормальную колею.

Она широко улыбнулась:

– Это все для моей дипломной работы. Должна же я своими глазами повидать то место, которое посещал Провер со своей группой «Октябрь»^[61].

Мы еще посидели несколько минут на скамейке, пока Кэролайн рассказывала мне о своей работе. Признаться, я понял не больше половины из того, что она рассказывала, но тут, наверное, виновата была невероятная усталость, которая вдруг меня охватила. Усталость от всех треволений, как настоящих, так и порожденных безумными фантазиями.

Потом Кэролайн встала и протянула мне свой смартфон:

– Сфотографируйте меня, пожалуйста, если можно. А еще лучше – сделайте маленькое видео, как я стою перед стеной! – Она поправила свою вязаную кофточку и летнюю юбку.

Снимок был предназначен для ее друга Майкла, который сейчас уехал в Лондон, и Кэролайн по нему страшно соскучилась. Она показала мне, на какую кнопку нажать, чтобы сделать видео, а затем спросила:

– А как вас зовут, месье? На случай, если мы еще встретимся.

– Азуле, – сказал я. – Жюльен Азуле.

– Ну вот, месье Азуле, можно снимать, но только чтобы там вышла вся стена!

Я кивнул и нажал на кнопку видеосъемки.

Кэролайн направилась к стене, на секунду остановилась и медленно обернулась. Затем улыбнулась юной, такой несказанно юной улыбкой, широко раскинула руки, как будто хотела обнять весь мир и крикнула: «Je t'aime!»

Ах, Элен! Когда-то и мы были такими – счастливыми, беспечными и юными, как майский день. Чего бы я не дал за то, чтобы эти слова были обращены ко мне! Мне так не хватает тебя, топ атоир, но не хватает и любви, которой нет в моей жизни. Да, Элен, – я бы так хотел быть счастливым!

Я вспоминаю тебя, как прекрасный сон. Ну почему не ты стояла у той стены, восклицая: «Je t'aime!»?

Я написал тебе уже столько писем! До тридцать третьего, последнего, которое я нетерпеливо зову и которого боюсь, осталось совсем немного.

Что будет, Элен, когда я напишу это письмо? Что произойдет?

Ты встретишь меня, дождавшись? Кто-нибудь встретит? Не встретит никто?

Не знаю. Я уже ничего не знаю, знаю только, что долго не выдержу этой игры. Я и так уже вижу призраки и начинаю в своем безумии и смятении подозревать ни в чем не повинных незнакомых людей. Так дальше нельзя, пора с этим кончать.

Ах, мой возлюбленный ангел, я так страшно запутался!

Что же мне делать, душа моя? Ты, которая всегда была рядом и сейчас продолжаешь меня поддерживать, жена моя и неизменная подруга, которая всегда поднимала мой дух, когда я отчаивался. Для меня это было так важно и всегда мне помогало.

Но сейчас мне необходим какой-то проблеск надежды, Элен, он требуется срочно! Я раскрываю объятия и зову: приди!

Приди в мою ночь и исцели меня!

Жюльен

P. S. Только я положил это письмо в конверт, как вдруг вспомнил еще одну вещь. Артюр нарисовал тебе картинку и просил, чтобы я непременно положил ее тоже в «шкатулку». Так что вот она, тут. С тех пор как он научился писать буквы, он каждую картинку подписывает «Атюр». Сегодня вечером он спросил, как по-моему,

понравится ли тебе его рисунок, и я сказал, что совершенно в этом уверен. Уж это я точно знаю.

Глава 19

Открытия

– Знаешь что, мой друг? У меня создалось впечатление, что кто-то тебя почем зря водит за нос. И даже знаю кто.

Мы с Александром сидели в кафе на улице Гренель неподалеку от «L'espace des rêveurs». Мы сидели за столиком на тротуаре, и пепельница передо мной была уже полна до краев.

После того как я, увидев у стены любовных признаний Кэролайн, повесил трубку, оборвав Александра на полуслове, он пригрозил, что порвет нашу дружбу, если я немедленно не явлюсь на встречу с ним и не объясню, что, черт подери, происходит.

Немедленно я никак не мог: надо было идти в детский сад за Артюром. Кроме того, я хотел сначала сам привести свои мысли в порядок, – впрочем, это у меня так и не получилось. И вот на следующий день я притащился на улицу Гренель, чтобы предстать перед Александром, который учинил мне допрос с пристрастием, и я все ему рассказал. Он удержался от реплик по поводу несчастных вдовцов, у которых едет крыша.

– Ну, мужик! – только и сказал он. – Ну ты даешь! – Он ухмыльнулся. – Рассказать бы это в моем клубе!

– В каком клубе? – спросил я. – В Клубе мертвых поэтов?

– Ха-ха! Я вижу, ты еще сохранил кое-какие остатки своего хваленного юмора.

Подозвав официанта, он заказал два бифштекса.

– Без возражений! – сказал мне Александр. – А это, *s'il vous plaît*^[62], можете унести, – добавил он официанту, протягивая ему пепельницу. – Тебе надо устроить там засаду, Жюльен, – обратился он снова ко мне. – Поймаешь ее как миленькую.

Говоря «ее», Александр имел в виду Катрин. Для него это был вопрос решенный. Она или какая-нибудь ненормальная психопатка, личность которой нам неизвестна. Но насколько это вероятно?

– Это она, Жюльен. Стопроцентно. Ведь она – прости уж за прямоту – единственная, у кого есть к тебе интерес. Больше я тут

никого не вижу. – Он отпил вино из бокала, чувствуя себя вторым Шерлоком Холмсом. – Главное – понять мотив.

Я покачал головой:

– Но это совершенно не так, поверь мне.

– Заткнись, Ватсон! Почему ты ее не спросил? Сказал бы ей прямо в лицо!

– Потому что не хочу еще раз оказаться в дурацком положении. Еще чего не хватало! Я спрошу ее, зачем она забрала мои письма, а она уставится на меня круглыми глазами!

Сама мысль еще раз осрамиться перед Катрин, причем без всякой надобности, показалась мне неприятной.

– Я знаю Катрин, – продолжал я настаивать. – Она такого не сделала бы.

– Да что ты так упорно возражаешь против моей версии? У твоей соседки есть мотив, плюс она была подругой твоей жены, плюс знает твои привычки. Готов поспорить, Катрин точно знает, по каким дням ты едешь на кладбище.

Я вспомнил встречи с Катрин на лестнице. «Что, Жюльен, едешь на Монмартр?» – как-то спросила она. А я ответил: «По пятницам я стараюсь смыться из дому, в этот день в квартире шурует Луиза».

– Есть и другие, кто это знает.

– Да ну! И кто же?

– Например, татап.

– Тоже скажешь! Не смей меня!

– Гм... Ну и как ты себе представляешь засаду? Что я, по-твоему, должен теперь поставить на кладбище палатку и сидеть в ней?

Александр посмотрел на меня задумчиво.

– Ты мог бы для начала изменить свои привычки, – посоветовал он.

Так случилось, что на этой неделе я, не дожидаясь пятницы, собрался на кладбище в среду. Признаться, без особенной надежды что-нибудь выяснить, но Александр уговаривал так настойчиво, что я в конце концов уступил. Только для того, чтобы с чистой совестью сказать ему: принятые меры ни на шаг не продвинули меня к решению загадки.

А вышло совсем иначе.

Едва ступив на территорию кладбища, я услышал, что меня окликают.

Это была Софи. Она, как и в первую нашу встречу, сидела на стене ограды, окружающей кладбище. Я помахал ей и, сокращая дорогу, свернул с аллеи Гектора Берлиоза к памятникам.

– Что так насупился, писатель? – Софи так лихо повернулась, сидя на высокой ограде, что у меня от одного вида голова закружилась. – За сто метров видно, что ты в дурном настроении.

– Ты поосторожнее там, а то еще упадешь, – сказал я.

Господи, да у меня, кажется, и впрямь скверное настроение!

– Ну, как поживаешь? – спросил я уже другим тоном.

Я не видел Софи с тех пор, как мы встретились в кино.

Она поменяла позу и расположилась боком, как Гёте в Кампанье^[63], одной рукой облокотившись о стену, а другую небрежно опустив на согнутое колено. Софи задумчиво посмотрела на меня.

– Не то чтобы очень здорово, но явно лучше, чем ты, – ответила она.

– О! Любовные переживания? – спросил я.

– Кто знает! – усмехнулась она. – Я потом часто вспоминала тот вечер в кино. И об Орфее. А ты?

– Честно говоря, нет, – признался я.

В моей жизни волнения следовали сплошной чередой.

– Жаль, – сказала она и снова села, свесив ноги.

Глядя, как она там крутится на стене ограды, я вдруг вспомнил фразу, написанную на плане города.

– Но у меня есть для тебя красивые слова.

– Очень любопытно, – сказала она. – Давай говори!

«Кто любит, закинет сердце через каменную стену и сам прыгнет вслед».

Софи немного подумала, склонив голову набок.

– Действительно, красивые слова, – произнесла она наконец. – Это ты придумал?

– Нет. – Я покачал головой, но продолжал смотреть на Софи.

Наши взгляды встретились.

– Так чьи же они? – спросила наконец Софи.

– Не имею понятия. Я думал, может быть, ты объяснишь.

Она наморщила лоб и с сожалением покачала головой:

– Боюсь, тут я тебе не могу помочь. Но слова хорошие и правильные. Когда любишь, не надо долго раздумывать. – Она надвинула на глаза шапочку и спросила: – Пойдешь на могилу?

Я кивнул.

– Посидим потом где-нибудь? Я тут как раз заканчиваю. Погода такая хорошая.

– С удовольствием. Вот только схожу на могилу и вернусь за тобой.

– Tres bien!^[64] – сказала Софи. – Я тебя подожду.

Она снова взялась за свои инструменты, а я вернулся на главную аллею.

Придя на могилу Элен, я открыл мраморный тайник, чтобы положить туда письмо. На этот раз внутри оказался квадратный конверт, а в нем серебристый диск – не то CD, не то DVD. Я достал новый сюрприз, спрятал его в сумку и огляделся. Где-то вдалеке виднелась маленькая фигурка, направлявшаяся в мою сторону по аллее Гектора Берлиоза.

Понимая, как нелепо это выглядит, я все же отошел на несколько шагов и притаился за чужим надгробием. Вспомнив совет Александра о том, что нужно устроить засаду, я с трудом удержал готовый вырваться нервный смех. Я замер в ожидании Годо, таком же тщетном, как у героев пьесы Сэмюэла Беккета.

Я был уверен, что этот посетитель кладбища не свернет на дорожку, которая ведет к старому каштану, и не подойдет к могиле Элен.

Но оказалось, что я ошибался.

Спустя какое-то время, показавшееся мне вечностью, послышались осторожно приближающиеся шаги. Кто-то подошел к ангелу, нагнулся, открыл тайник и вынул спрятанный конверт.

Мое сердце бешено колотилось, когда я выглянул из-за памятника. С одного взгляда я сразу узнал женщину, которая, торопливо вскрыв мое письмо, принялась его читать.

Это была Катрин!

Не могу описать, что творилось со мной в этот момент и какие эмоции меня обуревали. В душе одновременно поднялись злость, удивление и огромное разочарование.

Это действительно оказалась не кто иная, как Катрин!

Александр оказался прав. Проклятая Катрин с ее невинными голубыми глазами! Кажется, я предпочел бы увидеть у могилы жены кого угодно, но только не ее, мою белокурую соседку! Лучше уж вдову в черной шляпке! Такое притворство! Я прямо себя не помнил от злости.

– Ага! Вот я тебя и застал!

Я выскочил из-за памятника, Катрин вздрогнула и закричала от страха. С перепугу она выронила письмо, которое держала в руке, и рисунок Артюра, проплыв по воздуху, упал на дорожку, как огромный осенний лист.

– Жюльен! – Она смотрела на меня круглыми от испуга глазами. – Откуда ты взялся?

– Откуда я взялся?! Откуда я взялся?! – набросился я на нее с возмущенным криком, и она каждый раз вздрагивала, как от удара плетью. – Это ты откуда тут взялась? Вот что, скорее, надо спросить! Украдкой ходишь на могилу и читаешь мои письма?! Это уже переходит все границы! Это личные письма! Понимаешь ты – личные! Да как ты посмела?!

Она смотрела на меня совершенно раздавленная, на глазах выступили слезы, а я еле сдерживался, чтобы не схватить ее за плечи и не начать трясти.

– Брось реветь, этим ты делаешь только хуже! – Я был вне себя от ярости. – Так завратся! Я тут схожу с ума, уже начинаю сомневаться в собственном здравом рассудке, а мадемуазель спокойно вытаскивает одно письмо за другим и приваживает меня разными знаками!

– Жюльен! Я... я... не знаю, – пролепетала она, бледная как полотно.

– Да ну?! Ты же перечитала все письма, ты знаешь все мои мысли, надежды, мои дурацкие фантазии. Ты забрала все мои письма. Подкладываешь мне в могилу разные вещицы – стихи, музыкальные шкатулки, планы города, открытки с афоризмами Тагора... Я уже начинаю думать, что общаюсь с умершей, а это, оказывается, ты... Ты! У меня в голове не укладывается!

Я повернулся и хотел уже в ярости уйти.

Катрин разразилась слезами.

– Жюльен! Жюльен! – рыдала она. – Нет, нет! Пожалуйста, не уходи! Выслушай хотя бы!

– И не подумаю. И так я все видел своими глазами, больше не позволю водить себя за нос!

Она схватила меня за руку:

– Пожалуйста, Жюльен! Я понимаю, что ты ужасно разозлился, но я не водила тебя за нос. Я никогда ничего не оставляла в этом ящике: ни плана города, ни музыкальной шкатулки. А это письмо, – она указала рукой на разлетевшиеся по земле листки, – единственное, какое я прочитала.

Я остановился и посмотрел на нее удивленно:

– И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Пожалуйста, Жюльен! Это правда! – продолжала она уверять, в отчаянии ломая руки. – Клянусь тебе... клянусь... жизнью Артюра, – проговорила она сквозь слезы, которые ручьем текли у нее по щекам. – Я же не знала про этот тайник в памятнике.

– А откуда теперь вдруг узнала?

Она отерла слезы:

– Артюр... Артюр сказал мне на той неделе. Когда он рисовал картинку для Элен, то рассказал, что ты иногда относишь письма на кладбище и что в мраморном памятнике есть секретный ящик, куда ты их складываешь. «Но это секрет, – сказал Артюр, – даже Софи его не знает». И затем рассказал мне об этой милой девушке, которая реставрирует ангелов и с которой у вас такая дружба. И что вы вместе смеетесь. И тут я ощутила такую ревность... – Она снова всхлипнула.

– Боже мой, Катрин!

– Прости меня, пожалуйста, Жюльен, ты должен меня простить! – умоляла она. – Я же не плохой человек. Я... я просто хотела узнать... то есть я подумала, что вдруг ты в этом письме написал что-то о вас с Софи... Это была огромная ошибка с моей стороны, Жюльен. Пожалуйста, перестань на меня сердиться!

Как оглушенный я опустил на невысокую каменную ограду могилы:

– Я ничему уже не верю!

Катрин присела рядом со мной. Некоторое время мы молча сидели, глядя на дорожку. Вдруг откуда-то послышалось негромкое чихание, а может быть, это где-то фыркнула кошка или зашуршала в листве каштана какая-то птичка.

Словно по незримому знаку, Катрин вдруг повернулась ко мне и взяла меня за руку:

– Я правда взяла только одно это письмо, Жюльен. Пожалуйста, поверь мне!

Я пристально посмотрел ей в лицо. У врунишки не может быть таких невинных глаз.

– Ладно, Катрин. Я верю тебе.

– И ты меня прощаешь?

Я неторопливо кивнул.

– Спасибо тебе!

Я встал, поднялась и Катрин. Помедлив, она сказала:

– Как ты думаешь... Между нами все еще может наладиться?

– Ах, Катрин! – Я стиснул губы и помотал головой. – Если честно, то я не думаю. Но откуда мне знать! Я всего лишь человек.

– А... а что там теперь у вас... у тебя и Софи?

– А что у нас может быть? – бросил я в сердцах, отряхивая запылившиеся брюки.

– Я насчет... Ты ее любишь? – спросила она робко.

Эти расспросы начали действовать мне на нервы.

– Так вот, слушай внимательно, Катрин, – заявил я, повысив голос. – Софи – случайная знакомая с кладбища, и только. Я любил Элен, очень любил. Я все еще ее люблю, если хочешь знать. И я не знаю, смогу ли я вообще когда-нибудь снова полюбить другую женщину, – добавил я с вызовом. – Ты наконец поняла?

Она испуганно кивнула:

– Да, Жюльен.

Затем она собрала с земли рассыпанные листки моего письма вместе с рисунком Артюра и конвертом.

– Ну, я, пожалуй, лучше пойду, – сказала она и понуро поплелась прочь по узкой дорожке.

Постояв еще немного у могилы Элен, я довольно беспомощно посмотрел на моего прекрасного ангела. Нельзя сказать, чтобы я

хорошо себя чувствовал.

Александр оказался совершенно прав в своем предположении, но в то же время не совсем прав. Оказывается, Катрин питала ко мне интерес гораздо больший, чем я думал. Но писем она не брала. И она не имела отношения к тем маленьким дарам, которые я находил в тайнике.

Или все-таки это она?

Голова у меня гудела, как пчелиный улей.

Но если это не она, то кто же в таком случае?

Ах, Элен! Как же все перепуталось!

Я снова убрал письмо в конверт и положил его в тайник, который все это время так и стоял открытый. Затем поплелся по дорожкам кладбища тяжелой стариковской походкой.

И только когда за мной с шипением закрылись двери вагона метро, я вспомнил, что совсем забыл про встречу с Софи.

Глядя невидящим взглядом в темноту туннеля, по которому мчался поезд, я еще не догадывался, что с девушкой, занимающейся реставрацией каменных скульптур, я теперь не скоро встречу.

Глава 20

Великое молчание

Иногда за короткое время события следуют одно за другим такой непрерывной чередой, что ты не успеваешь вздохнуть. А затем неделями не происходит ничего.

И для меня, очевидно, настала та фаза, когда ничего не происходит.

Воцарилось молчание – оно буквально окружало меня со всех сторон. И это молчание меня тревожило.

Катрин старательно избегала меня. После скандала на кладбище она больше не приглашала меня зайти, а когда Артур ходил к ней поиграть, то она провожала его до наших дверей и немедленно исчезала. Нечаянно столкнувшись со мной в подъезде, она спешила незаметно прошмыгнуть: мои резкие слова, наверное, сильно ее задели. Она затаилась, и было бы неудивительно, если бы она обиделась на меня. Катрин принадлежала к тому типу людей, которые замыкаются в молчании. Хотя ведь это она взяла мое письмо, вызвав тем самым мой гнев. Ну пускай я отреагировал слишком резко, но ведь я ее все-таки простил! Так что нечего ей корчить из себя невинную овечку.

Реставратор каменных скульптур словно сквозь землю провалилась. Сколько раз я за эти недели ездил на кладбище и высматривал Софи. Я даже спрашивал угрюмого садовника, не видел ли он ее, не заходила ли она в сарайчик убрать свои инструменты. Но садовник только отрицательно качал головой и недовольно бурчал, что реставраторша вроде бы вообще перестала ходить на кладбище.

Все это было очень странно. Куда пропала Софи? С тех пор как она исчезла, перестала меня окликать и заводить со мной разговор, я по ней заскучал.

Вспоминая, как я, разозлившись на Катрин, назвал Софи «случайной знакомой», я чувствовал укор совести. И теперь я по ней скучал: по ее непринужденным замечаниям, советам, нотациям, по ее черным глазам, весело глядящим из-под черной шапочки. По той

иронической теплоте, которая звучала в ее голосе, когда она спрашивала: «Что так насупился, писатель?» По ней самой.

Уж не заболела ли она? Или закончила работу на Cimetière Montmartre?^[65] Не могла же она уйти вот так – даже не попрощавшись со мной!

Сначала ее отсутствие было не особенно заметно и не наводило меня на какие-то размышления. Она и раньше, бывало, пропадала на несколько дней, а затем знакомая фигурка вдруг снова появлялась поблизости: Софи трудилась над каким-нибудь памятником или сидела на скамейке либо на ограде и снова радовала меня каким-нибудь мудрым высказыванием и неизменно хорошим настроением.

До той роковой среды, когда я застал у могилы Катрин и настолько вышел из себя, что как безумный разорался на все кладбище и забыл про назначенную встречу с Софи, все шло как всегда. Она вела со мной обычный веселый треп. И ни слова не сказала о том, что ее работа на кладбище подходит к концу. Мне как-то не верилось, что она настолько обиделась на меня: да, я забыл о нашей встрече, но ведь ничего такого уж обязательного не было в нашей договоренности. К тому же на Софи было совершенно не похоже такое поведение – залезть в свою раковину и дуться от обиды.

Через два дня после случившегося, в пятницу, я успел еще раз съездить на кладбище, чтобы под каким-нибудь предлогом оправдаться перед Софи – отделаться подходящей отговоркой, почему я не смог встретиться с ней в среду. Я твердо решил загладить свою вину, пригласив Софи на обед в ресторан. На этот раз у меня даже не было готово очередное письмо: случившееся как-то отшибло у меня охоту писать, и я даже не сходил на могилу. Я действительно приехал только ради Софи.

Но Софи я так и не застал. Ни в тот день, ни в один из последовавших. Три недели от нее не было никаких известий.

Снова и снова я вспоминал нашу последнюю встречу. Софи упрекнула меня в том, что я пришел в плохом настроении, – и была права, притом что тогда еще, до встречи с Катрин у могилы Элен, настроение у меня было, можно сказать, распрекрасное. Я припомнил весь наш разговор: а ведь она сказала, что у нее дела идут не очень здорово, хотя и не так скверно, как у меня.

Что, если у нее тоже любовные неурядицы? Может быть, она хотела мне о них рассказать, и на этот раз уже не она меня, а я бы ее утешал. Может быть, этот Chouchou подло бросил Софи и сейчас она, заплаканная, с разбитым сердцем, страдает одна в пустой квартирке где-то на Монмартре.

Я не знал, где именно живет Софи и с кем она живет. Выйдя из кино, мы некоторое время шли вместе, а на площади Эмиля Гудо она остановилась и попрощалась со мной.

Как бы я хотел сейчас ей позвонить! Я застонал, вспомнив, как легкомысленно отказался тогда взять номер ее телефона: «Не потребуется!»

Надо же быть таким круглым идиотом!

Я уже раз сто пытался найти визитную карточку ее кузины, которую в тот вечер не глядя сунул в карман. Я даже не знал фамилии Сабины, а уж она-то наверняка могла бы подсказать мне нужный номер.

Я даже пробовал поискать в Интернете «Софи Клодель, скульптор», но ничего не нашел.

Сколько ни думай – а для этого у меня в те долгие недели было предостаточно времени, – получалось, что я, в сущности, ровным счетом ничего не знаю о Софи. Потому что во всех наших беседах речь шла только обо мне. О моих несчастьях, моей скорби, моем писательском кризисе, моем неправильном отношении к жизни. Только сейчас до меня дошло, что в своем горе я был целиком сосредоточен на себе. Существовал только я один, а вокруг – пустота. А Софи все это время внимательно меня слушала, обсуждала мои дела, пыталась дать мне совет и отвлечь меня от унылых мыслей. Потому что сердце у черноокой реставраторши было мягче воска. Сколько бы она ни иронизировала и ни изображала из себя грубоватого мальчишку. С какой стати ее должна была волновать моя душевная драма? Зачем ей было спрашивать, как там мой ребенок? И вообще так участливо относиться ко мне?

У Софи было все. Она была молода, хороша собой, и даже очень, – стоило только снять запыленный рабочий комбинезон; у нее была любимая профессия и друг, по крайней мере вплоть до недавнего времени, а все остальное – умозрительные рассуждения. Она была нерасчетлива по натуре, полна фантазий, импульсивна. Так что Софи –

как раз такая девушка, которая прыгнет через стену и закинет туда свое сердце, если полюбит.

Мне вдруг пришло на ум множество вопросов, которые я хотел бы ей задать. Но Софи как в воду канула.

А мое письмо, которое вытащила из тайника и принялась читать Катрин, по-прежнему лежало на месте.

Каждый раз, приходя на кладбище, я проверял вскрытый конверт, который я после памятного происшествия вернул обратно в тайник. С тех пор его никто не забрал. Письмо под номером тридцать один так и пролежало в маленьком тайнике неделю, вторую и третью.

Новых знаков тоже не появлялось. Очевидно, я навлек на себя гнев всех существ женского пола. Никто со мной больше не разговаривал, никто не окликал, никто не оставлял никаких посланий. И через неделю я почувствовал себя совершенно покинутым, точно меня забыла даже Элен. Я был в таком отчаянии, что не мог сделать правильные выводы и только спрашивал себя, чем же я так провинился, чтобы разрушить все чары.

То обстоятельство, что игра закончилась ровно с того дня, когда я поймал с поличным Катрин, конечно, говорило о многом. Разве это могло быть простым совпадением? Если Александр прав, то не могло. И для него все было ясно.

– Да наплюй ты на пресловутое внутреннее чувство! – высказался он, как всегда, по-мужицки грубо, когда меня в очередной раз одолевали сомнения. – Катрин, естественно, сказала не всю правду. Я считаю, что все твои письма лежат у нее в ночном столике.

– Нет, Александр, в это я никогда не поверю, – сказал я, вспомнив, как она поклялась жизнью моего сына, что это не она забирала письма. – Она не могла так поступить.

– Ты уже один раз ошибся насчет Катрин. А факты говорят за себя: ты поймал ее на месте преступления и с тех пор больше никто не поинтересовался твоими письмами – даже Элен. Так что тут еще думать? Нельзя же быть таким слепым!

Возможно, я действительно был в эти недели на редкость слеп. Иногда, чтобы понять умом то, что сердцу давно известно, требуется некоторое время.

Но все-таки в конечном счете все оказалось не так, как думал Александр. Все было совсем иначе.

Настал август. Париж опустел, словно всех вымело из города метлой, и по жарким улицам слонялись только кучки туристов, не сообразивших вовремя, что август – самое неподходящее время для посещения Парижа. Я трудился над романом без прежней энергии, а все, кто мог, разъехались и теперь прогуливались по маленьким, продуваемым свежим ветром городкам Лазурного Берега или по бескрайним пляжам атлантического побережья.

Артюр с маман и своей маленькой подружкой Джульеттой тоже отправился на каникулы. Я проводил их и еще долго махал им вслед с железнодорожной платформы, хотя в окнах за бликующими стеклами поезда ничего не было видно.

Я чувствовал себя одиноким и покинутым, точно у меня выбили почву из-под ног, и сам не знал, куда деваться в этот четверг, который еще только начался.

И тут позвонил Александр:

– Ну что? Все твои уехали? И ты наверняка умираешь от тоски, да?

– Угадал! – сказал я, не подавая вида, как я тронут его звонком.

Александр – это чудо! Лучшего друга, чем он, невозможно найти.

– Послушай, я иду сегодня с небольшой компанией в новый джаз-клуб на площади Бастилии – давай пошли с нами!

Я сделал над собой усилие и согласился:

– Да, отчего же не пойти!

Все лучше, чем торчать дома и маяться от тоски. Так почему бы не джаз, почему бы не бокальчик-другой? В конце концов, мне не перед кем отчитываться.

Мы условились, что к концу рабочего дня я зайду за Александром в «L'espace des rêveurs». Шагая через несколько часов по пустынной, залитой солнцем улице Гренель, я и не предполагал найти там то, что уже и не надеялся отыскать.

Когда я открыл дверь ювелирной лавки, навстречу мне из дальней комнатки вышел Александр, на пальце у него, как на крючке, болталась маленькая коричневая сумка на длинном ремешке.

– Смотри-ка... – сказал он. – Ты оказался прав: она и правда была здесь. Габриэль подумала, что сумка моя: у меня есть точно такая же. Вот и убрала ее вместе с остальными вещами в шкаф.

Я чуть не задохнулся от радости.

– Ну знаешь, вот это неожиданность! – сказал я и схватил сумку, которую где только не искал всю неделю.

В конце концов у меня опустились руки: я решил, что в ту роковую среду забыл сумку где-то в баре. Такой уж тогда выдался злосчастный день: все, что только могло пойти не так, шло не так, не говоря уже о моих разбитых иллюзиях.

В тот день я узнал, кто таскал мои письма – по крайней мере, последнее письмо. У меня случилась ужасная сцена с Катрин, и с тех пор соседка обходила меня стороной. Из-за этого скандала я забыл, что договорился с Софи пойти в кафе, и с тех пор я ее больше не видел. Она как будто сквозь землю провалилась. Я зашел тогда в лавку Александра, чтобы излить ему мою злость и досаду. Потом мы пошли в бар, потом в другой бар. И когда я ночью на заплетающихся ногах притащился к себе домой (Артур в тот день был в гостях и остался там ночевать), оказалось, что маленькая коричневая сумка на ремешке куда-то бесследно пропала, а вместе с ней и квадратный конверт с серебристым диском.

На следующий день я искал ее где только можно: у Александра, в барах, где мы побывали, спрашивал даже в бюро находок в метро, предполагая, что обронил ее где-то. Я залезал под кровать, рылся в корзине для бумаг. И в какой-то момент решил, что это безнадежно. Последнее послание, от кого бы оно ни пришло, бесследно пропало. Мне казалось, что именно этот серебристый диск открыл бы мне все тайны.

Александр посмотрел на меня с жалостью и сказал:

– Хочешь знать мое мнение?

– Нет! – закричал я, уже не владея собой.

– Ты ничего не потерял. Во всяком случае, невелика потеря. Диск же был от Катрин: что на нем могло быть такое особенное? Будь доволен, что твой бумажник не лежал в этой сумке, – вот это была бы трагедия.

И вот сейчас, когда я уже не ждал, сумка вернулась, точно с неба упала. Я торопливо расстегнул ее.

– Диск там лежит, – спокойно сказал Александр. – Я проверял.

– Спасибо, успокоил, – сказал я. – Может, ты его уже и включал?

– Нет. Конечно же нет, – ухмыльнулся Александр. – Я подумал, что мы можем сделать это вместе, прямо на моем компьютере. Хотел бы я посмотреть видеопризнания Катрин. Это будет забавно.

– Даже не надейся, – сказал я, крепко прижав к груди маленькую сумку.

Что бы ни было записано на этом диске, он предназначался только мне. Я строго посмотрел на Александра, и он больше не настаивал.

– Ну что ж... – сказал он. – Полагаю, ты уже не собираешься идти с нами в джаз-клуб.

Я кивнул:

– Ты верно угадал.

– Тогда напиши мне хотя бы эсмэску. Мне ведь тоже интересно знать, что там записано. Хочешь пари? Это от прекрасной соседки.

– Я больше не держу пари, – заявил я.

Глава 21

Secret heart [\[66\]](#)

Никто еще не преодолевал путь от улицы Гренель до улицы Жакоб с такой быстротой. Я едва ли не добежал до бульвара Сен-Жермен и лишь на мгновение нетерпеливо задержался перед светофором, а затем пересек бульвар, не дожидаясь, когда загорится зеленый свет. Я пронесся по улице Бонапарта мимо кафе «Les deux Magots», за столиками которого, на улице, сидели туристы, наслаждаясь белым вином, вечерним солнцем и любуясь скромной старинной церковью аббатства Сен-Жермен-де-Пре, затем торопливо свернул на улицу Жакоб.

Еще пара шагов – и я уже был у дверей своего дома. Я набрал код на двери в подъезд, взлетел на четвертый этаж и трясущейся рукой вставил ключ в замочную скважину.

Затем я включил компьютер и, прежде чем вставить диск, заскочил на кухню за бутылкой вина. «За бокалом хорошего вина если не все, то многое можно перенести», – говаривал мой отец. Я отсалютовал ему бокалом, пробормотав: «Надеюсь, папа, что ты прав!» – и одним духом опорожнил его наполовину.

Я не имел ни малейшего представления, что меня сейчас ожидает, но меня охватило чувство, что это будет что-то важное.

Сосредоточенно, как Орфей, внимающий откровениям, льющимся из радиоприемника черного лимузина, я засел перед компьютером. Что появится на экране? Неужели и впрямь Катрин, решившая таким образом признаться мне в любви? А вдруг на экране возникнет лицо Элен и я услышу ее привет из иного мира? Неужели моя жена настолько все предусмотрела, что сделала перед смертью запись, поручив кому-то, например Катрин, передать мне в будущем этот фильм.

Как зачарованный, я не отрываясь глядел на экран, но он оставался черным.

И вот послышались первые звуки колокольчиков, к которым вскоре присоединились басы. Затем голос, похожий на голос Норы

Джонс^[67], запел песню, которую я раньше никогда не слышал. Голос был приятный и богатый оттенками, бархатный, с небольшой хрипотцой, низкий, и в то же время в нем слышалось что-то детское.

Песня называлась «Secret Heart», и я слушал ее снова и снова, пока не понял весь текст.

Secret Heart
What are you made of
What are you so afraid of
Could it be Three simple words
Or the fear of being overheard
What's wrong
Let her in on your secret heart.

Речь в песне шла о скрытном сердце мужчины, и вкрадчивый, несколько ломкий голос певицы спрашивал, из чего сделано это сердце, почему оно такое робкое, не страх ли им движет – страх перед тремя простыми словами. И все строфы заканчивались призывом: *В чем беда? Что тебе мешает? Пусти ее в свое сердце!*

Особенно взволновали меня такие слова:

This very secret
That you're trying to conceal
Is the very same one
You're dying to reveal
Go tell her how you feel.

Человек, к которому обращены эти слова, очевидно, пытался скрыть свои чувства, хотя, как ни парадоксально, именно эту тайну он больше всего жаждал поведать. И заканчивалась эта строфа словами: «Давай же, скажи ей, что ты чувствуешь!»

Это была прекрасная песня о потаенной любви, о страхе и гордости, которые ты испытываешь, но еще о том, что нужно открыть свое сердце и любимому человеку.

Я попытался узнать что-то про певицу: ее звали Лесли Файст, и она была канадка, вот, собственно, и все.

Я записал текст и перечитал его, предложение за предложением, одновременно слушая песню, мелодия которой уже запала мне в память.

Смысл песни, казалось бы, однозначен. Но как мне следовало трактовать это послание? Оно выражает чувства той, что подложила в мой тайник этот диск? Или содержащийся в песне призыв относится ко мне?

О чем речь – о том ли, что скрывает мое сердце, о моих сокровенных чувствах, которые я не решаюсь выразить? Или о моих тайных письмах?

Кого я должен пустить в свое сердце, кто она?

Я долгие часы просидел за письменным столом, пил вино бокал за бокалом, разглядывая те вещи, которые приносил с могилы Элен и которые теперь лежали передо мной.

Разве все это не знаки любви?

Среди ночи я вдруг проснулся, потому что хлопнула балконная дверь. Летний ветерок гнал по небу редкие белые облачка: они проплывали, закрывая бледный диск луны, высоко стоявшей над городом. Я взглянул на часы. Начало пятого – излюбленный час всех, кто страдает бессонницей. Я выпил стакан воды и попытался выбрать подходящую позу для сна. Я поворочался так и сяк, поудобнее поправил подушку, высунул одну ногу из-под одеяла, но мысли меня не отпускали. Перед моим внутренним взором проходили люди и ситуации, я то и дело вспоминал услышанные или вычитанные где-то слова. Все, что случилось за последние месяцы, начиная с того дня, когда я принялся писать письма к Элен. Я так и слышал мелодию «Secret Heart», которая усиливала возникающие образы и эмоции.

У меня сжалось сердце, когда я снова вспомнил Элен в знакомом зеленом платье, в котором она была, когда мы с ней встретились, ее рыжие кудри, так и горевшие на солнце, а потом я вспомнил, какой она была под конец – совершенно прозрачной, ее по-прежнему красивую и храбрую улыбку, ее медные волосы, пламеневшие на белой подушке, как последний привет мне.

Но потом вдруг появилось другое лицо, заслонившее Элен, и мое сердце так заколотилось, как будто хотело мне что-то сказать.

Тогда я встал. Встал среди ночи и сел за письменный стол. Меня осенила новая мысль. Я не знал, хорошо или плохо я придумал и будет ли из моей затеи какой-то толк, но в тот момент это показалось мне единственным правильным решением.

Я взял лист почтовой бумаги и снял колпачок с авторучки. Несколько минут я в задумчивости просидел над белым листом.

А затем я начал писать письмо к Элен, моей обожаемой покойной жене, и открыл ей мое сердце.

Моя горячо любимая Элен!

Вот уже две недели я не давал о себе знать, и это имеет свою причину. Твой бедный муж находится в состоянии глубочайшей растерянности. В последние недели произошло столько волнующих событий, и я до сих пор не понял, прав ли я в моих безумных фантазиях, что это ты подаешь мне знаки, которые я нахожу на могиле. Я и сейчас еще думаю, что ты, Элен, на меня смотришь и что твоя любовь даже за гробом оставляет след в моей жизни. Но этот след не обязательно проявляется в виде музыкальных шкатулок, планов города или стихов Превера – он выражается в мыслях и судьбоносных событиях.

В последние месяцы я был как безумный. Вдвоем с Александром я, как детектив, занялся поиском улики, взяв под подозрение нескольких человек – совершенно разных людей. И каждый раз я в конце концов приходил к тому, что это была ты, что не мог быть никто иной, хотя это и было чем-то совершенно невозможным.

Я писал тебе письма, и каждый ответ, как мне казалось, подсказывал, что это ты. Но каждая вещь имеет две стороны, и вот я постепенно понял, что все эти знаки вели меня на кладбище, а с него – в живую жизнь.

Ты тогда пожелала, Элен, чтобы я писал тебе, как идет моя жизнь без тебя, и только сейчас я до конца понял главную мысль, которая стояла за этим пожеланием.

Мысль, что жизнь продолжается и тогда, когда тебя уже нет.

Я все еще не знаю, кто забирал мои письма, кто подкладывал в мой тайник все эти вещицы, но теперь это для меня не важно. Хотя я и догадываюсь, кто это, для меня уже не имеет значения, ты ли за этим в конечном счете стоишь, или твоя подруга Катрин, или Прекрасная Незнакомка, или кто-то еще.

Главное – это то, что я снова открыл свое сердце, открыл для жизни и даже, может быть, для любви.

Я долго не хотел в этом себе признаваться, Элен, старался не замечать, но во мне опять ожило чувство. Есть в душе что-то такое, хрупкая греза, которая иногда поднимается на поверхность моего сознания. Такое ощущение, как будто держишь в руке дрожащую птичку.

Может ли это быть? Неужели я и впрямь снова влюблен?

Ты, которая все видит оттуда, сверху, наверняка знаешь ответ на мой вопрос, который мучает меня в эту бессонную ночь.

Если быть честным, Элен, то я все еще люблю тебя, но кое-кто еще поселился в моем сердце. Это Софи, девушка, которую нашел Артюр в тот день, когда я отнес тебе на могилу первое письмо. Та реставраторша, о которой я часто упоминал в письмах к тебе и которая всякий раз направляла меня легкой рукой в сторону живой жизни. Это она сказала мне, что в конечном счете надо всегда делать выбор в пользу жизни, а не смерти. Пускай у нее и есть уже кто-то, но это не меняет дела – я все равно думаю и скучаю по ней. По ее черным глазам, серебристому смеху.

Знаешь, что недавно Артюр сказал Катрин?

«У Софи папа опять смеется».

Удивительно, как ясно дети всегда говорят истину!

И вот, Элен, она вдруг исчезла! Вот уже больше трех недель я не видел ее на кладбище, и я не знаю, что делать. Я даже не знаю, где она живет, а она, разумеется, ничего не

знает о моих чувствах, которых я и сам долго не понимал и которые я сейчас поверяю тебе, моя душа.

Только бы она снова пришла на кладбище Монмартра! Тогда я смогу все ей сказать. Я непременно рискнул бы, хотя совсем не знаю, что из этого выйдет.

Когда любишь, надо идти на все, не правда ли?

Я пишу тебе это письмо в надежде, что ты мне поможешь, мой дивный ангел, оберегающий нас свыше. Помоги мне, Элен!

С любовью,

Жюльен.

Глава 22

Подворье реставраторов

Далось мне это очень нелегко, но я пропустил целую неделю, прежде чем снова поехать на кладбище Монмартра и проверить, дошло ли мое письмо до своего таинственного адресата.

Был вечер. Приближаясь к могиле Элен, я сразу увидел там красную розу, одиноко выглядывавшую из зарослей плюща. У меня екнуло сердце. Это могло означать только одно – за прошедшее время кто-то побывал на могиле!

Взволнованно я нагнулся к тайнику и открыл его. Мое последнее письмо исчезло, не было там и распечатанного Катрин конверта.

Тайник был пуст, совершенно пуст.

Закрыв его, я посмотрел на головку ангела. Ангел улыбался, заулыбался и я.

Некоторое время я постоял в задумчивости, все еще не веря, что за прошедшие полгода я написал-таки тридцать два письма. Оставалось написать еще одно, и тогда данное Элен обещание будет выполнено до конца. Как ни странно, но я впервые пожелал, чтобы Элен выиграла пари.

Я медленно побрел по кладбищу мимо старых деревьев, надгробий и статуй, нагретых под жарким солнцем и таких знакомых мне, что я мог бы найти их даже во тьме.

Со стороны ворот послышались голоса. Мужчина и женщина в рабочих комбинезонах волокли к одной могиле что-то тяжелое из камня и там осторожно поставили. Мужчина выругался, женщина засмеялась. А когда она обернулась, оказалось, что это Софи.

С души у меня свалилась тысяча камней, и я ускорил шаги. Она вернулась! Наконец-то вернулась!

Я почувствовал такое облегчение, что не стал долго думать.

– Софи! Эй, Софи! – крикнул я.

Увидев меня, она залилась краской.

– А-а, писатель! – сказала она и сделала несколько нерешительных шагов в мою сторону.

– Где ж ты пропадала все это время? – спросил я, а мужчина в серой рабочей робе обернулся к нам и пристально на меня посмотрел.

Это был уже старичок с маленькими усиками и живыми карими глазами. И рукопожатие у него оказалось такое же крепкое, как у дочери.

– Папа, это Жюльен Азуле, – сказала вместо ответа Софи, и старик пожал мне руку так, что у меня чуть не подкосились колени. – Он – писатель.

На старика это как будто не произвело никакого впечатления.

– А это мой отец, Гюстав Клодель.

– Гюстав? Это имя я, кажется, уже слышал.

– Мы как раз привезли из мастерской статую, теперь она опять как новенькая. Голову, руки – все пришлось реставрировать.

Софи говорила без остановки. Щеки у нее покраснелись, она то и дело бросала на меня какие-то странные взгляды.

Старик подбоченился и прогнулся в пояснице:

– Тяжеленная штукавина попалась. Надо было позвать на помощь Филиппа, как я говорил. Тебе не нужно поднимать такие тяжести, ma petite!^[68]

Я растерянно смотрел то на Софи, то на ее отца.

Ей нехорошо? Почему?

– Однако... Что случилось? – спросил я. – Где ты пропадала столько недель?

– Да ну... Подвернула ногу и вывихнула лодыжку, – смущенно призналась Софи.

– Да с дерева она упала, дурочка! – покачал головой Гюстав Клодель. – И что ей за радость лазить всюду, как обезьянка! На ограду, на деревья. Я уж ей столько раз говорил. Когда-нибудь свернет себе шею.

Софи посмотрела на меня, и на лице у нее появилось выражение, в котором сквозила неловкость. Разве не то же самое и я ей говорил? В тот день, когда Софи мне крикнула, сидя на стене ограды, что у меня дурное настроение, в ту ужасную среду, когда я не зашел за ней, как обещал, потому что, совершенно убитый, сидел в это время с Катрин на поребрике могилы. И ведь рядом же кто-то тогда чихнул! Неужели Софи слышала все, что было сказано? Как я бранился, мои

разъяренные крики и мои слова, что она для меня просто случайная знакомая и к тому же я больше никогда не влюблюсь.

Я глядел на нее, не сводя глаз, и молча просил прощения.

Софи не шелохнулась. Она стояла в этой своей шапочке и тоже молчала.

Гюстав почесал в затылке. Он словно бы чувял нехорошие токи между нами. Должно быть, я показался ему очень странным молодым человеком. Писатель, одним словом! К писателям старый мастер наверняка и без того относился подозрительно. Он коротко кивнул мне, чтобы положить конец этому делу.

– Очень приятно было познакомиться, молодой человек! – сказал он, повернулся ко мне спиной и сделал несколько шагов в направлении могилы. – Пошли Софи, надо установить эту штуку!

– Нет, подождите! – произнес я тихо.

Софи остановилась и посмотрела на меня насмешливо:

– Неподходящий момент, писатель!

– Мне все равно. Я... я бы очень хотел сказать тебе что-то, Софи, но все никак не решаюсь.

– О! Опять это? *Твоя тайна?* – Она высоко вскинула брови.

– Нет. На этот раз речь о другом. О том, что имеет отношение к тебе и ко мне. *К нам с тобой!* – сказал я взволнованным шепотом, выразительно поглядев на нее.

Я прижал руку к груди.

Она закусила губу и взглянула на меня удивленно и задумчиво.

– Я бы тоже хотела тебе кое-что сказать, Жюльен, но у меня еще меньше решимости, – сказала она.

– Ты идешь, Софи?

– Сейчас иду, Chouchou! – крикнула она в ответ и посмотрела на меня, как бы извиняясь. – Мне надо идти, а то папа рассердится. Ты можешь прийти сюда снова во второй половине дня, Жюльен? Часа в четыре.

Я кивнул, и сердце у меня заколотилось так, что трудно стало дышать.

Софи посмотрела на меня, и в черноте ее глаз отразился мой мир.

– Вот тогда мы все скажем друг другу, – шепнула она мне, прежде чем повернуться и поспешить к отцу.

К Chouchou!

В оставшиеся часы я пытался, как мог, убить время. Я носился по Монмартру, как будто за мной кто-то гонится. Пошатавшись по улочкам, я в конце концов уселся в небольшом парке у подножия Сакре-Кёр. Каждые несколько минут перед моими глазами проплывал поднимающийся в гору фуникулер, маленький серебряный вагончик, который неумолимо доставлял пассажиров от подножия горы к белой базилике. Через некоторое время вокруг сделалось слишком шумно. Устав от царившего здесь веселого оживления, я спустился с другой стороны холма и, свернув возле музея Монмартра в боковую улочку, нашел там тихое кафе. Я заказал что-то попить, заставил себя съесть сэндвич и закурил. Глядя на безоблачное летнее небо, я мечтал, чтобы поскорее наступил вечер, как человек, мучающийся зубной болью, мечтает, чтобы поскорее прошла ночь и наступило утро. С той только разницей, что меня мучила не пульсирующая зубная боль, а взволнованное биение моего сердца, которое никак не хотело успокаиваться.

Софи вернулась. Она здесь. Она свободна. А Chouchou, оказывается, ее отец! Узнав это, я на радостях чуть не бросился обнимать старика. Учитывая обстоятельства, разве я был чересчур самонадеянным, решив, что Софи не только из человеколюбия относится ко мне так дружелюбно. Что она действительно испытывает ко мне какие-то чувства – ко мне, такому эгоцентричному, вечно унылому, не замечающему ничего вокруг Орфею? К человеку, который как зачарованный глядит на запертую дверь. К человеку, который сейчас готов бросить ей под ноги свое сердце, даже если она сидит на высочайшей стене и у ее ног лежит весь Париж?

Да, мы сейчас все скажем друг другу, думал я, со счастливой улыбкой на лице размешивая ложечкой эспрессо. Я думал так, когда, весь сияя от радостной надежды, спускался по улице, ведущей к кладбищу Монмартра. Я думал так, когда с бьющимся сердцем входил в ворота, ожидая в любую минуту услышать, как меня окликнет Софи.

Но на кладбище стояла безмолвная тишина. Солнце на небе совершало положенный ему круг. А Софи нигде не было.

Нервно выдернув из пачки сигарету, я закурил на ходу, шагая по аллеям. Было четыре часа, и мы договорились на это время. И где она

только застряла? Испытывая тревогу, я присел на скамейку неподалеку от входа и смотрел, не покажется ли она.

Время шло – половина пятого, пять, а Софи все нет и нет. Наконец я вскочил и решил пойти на могилу Элен, чтобы ждать там. Вдруг Софи там?

Я огляделся вокруг. Все было тихо, ничего не изменилось. Ангел таинственно улыбался, среди ветвей каштана вспорхнула птичка. Но красной розы уже не было среди зеленого плюща, кто-то переложил ее на мраморную плиту.

Кто-то?

Я опустился на колени и открыл тайник.

И сразу увидел маленький белый конверт.

Удивившись, я вынул его. Он был такой легонький, что казался не тяжелее воздуха. Но когда я торопливо его вскрыл, из него выскользнула визитная карточка.

Софи Клодель Ла кур дез ресторатёрз Париж, улица Оршам, 13

Я покачнулся, и буквы поплыли у меня перед глазами. Софи здесь нет. Но в тайнике оказалась ее визитная карточка. И тут я наконец понял все: смущенный вид Софи, ее замешательство. Понял, почему она, еще больше, чем я, боялась открыться.

Каменное сердечко, музей Родена, где я посмотрел скульптуры Камиль Клодель, но так ничего и не понял, билеты на «Орфея», кинотеатр в районе Монмартра, где она подстроила нашу «случайную» встречу, стена влюбленных, к которой она привела меня с помощью плана города, чтобы сказать мне: «Я тебя люблю», диск с песней «Secret Heart» – все это была Софи.

Это она читала мои письма.

И она на них отвечала.

Я был взволнован, когда торопливо покидал кладбище. Маленькая улочка за площадью Эмиля Гудо была мне знакома, и сейчас я с сильно бьющимся сердцем поднимался по ней.

Отыскивая глазами нужный дом, я шагал по улице Оршам. Пока не увидел эмалированную табличку с голубыми краями, на которой каллиграфическими буквами было написано название: «La Cour des Restaurateurs» – подворье реставраторов.

Я открыл ворота и очутился внутри. Справа располагалась мастерская резчиков по дереву, слева – ателье скульпторов. Дверь была

открыта, и я вошел.

Пахло пылью и краской, мой взгляд скользнул по этому зачарованному саду каменных изваяний, часть которых была накрыта белыми полотнищами, оглядел большой стол, где были разложены руки, головы, ноги из белого мрамора, посмотрел на искусные рельефы, возвышавшиеся до потолка, на большой верстак у стены напротив большого окна, на которой стройными рядами, словно оловянные солдатики, висели в ряд пилы, резцы и молотки.

– Ау? Есть тут кто-нибудь? – спросил я в пространство.

Что-то загремело, и, скрипнув, отворилась дверь следующей комнаты. На пороге показался Гюстав Клодель в рабочем халате. Он приветливо посмотрел на меня.

– Она наверху, в своей комнате, – сказал он, махнув на дом в глубине двора. – Она вас уже ждет.

Глава 23

Я так надеялся, что это ты!

Квартира Софи оказалась на четвертом этаже. Я взбежал по выщербленным ступенькам деревянной лестницы и не успел нажать звонок, как дверь изнутри открылась.

Передо мной стояла Софи. Одета в платье нежного сиреневого цвета, она была бледна и тяжело дышала. Ее глаза в темноте прихожей казались огромными.

Несколько секунд мы молча пристально смотрели друг на друга. Затем она быстрым движением повернулась к стоявшему рядом комоду и протянула мне пачку писем.

– Ты простишь меня? – тихо спросила она, и ее глаза заблестели.

Я покачал головой и бережно взял протянутые письма.

– Нет, это ты меня прости, – сказал я. – Я вел себя как конченный идиот.

Я обхватил ее лицо ладонями, на свете были только она и я, и, пока мы целовались, не в силах оторваться друг от друга, нашептывая слова любви, письма выпали и, как листья, разлетелись по полу.

В этот вечер я так и не вернулся на улицу Жакоб. Я остался на Монмартре в маленькой, полной неожиданных закоулков квартирке под самой крышей, где нежданно поселилось счастье.

В этот вечер мы с Софи сказали друг другу все.

Она рассказала, как увидела меня на кладбище: она обратила внимание на очень несчастного человека, приходившего иногда с маленьким сынишкой. Как однажды, когда мы уже познакомились, она нечаянно подсмотрела, как я открываю тайник и что-то в него прячу. Как она потом тайно пошла к могиле Элен и обнаружила дверцу в памятнике.

– И вот я нашла все эти письма. Не могу описать, как меня это растрогало, но и немного напугало. Не удержавшись, я взяла письмо, которое лежало сверху. Я его прочитала, Жюльен, но не из простого любопытства. – Тут она с нежностью посмотрела на меня. – Я в тебя

сразу влюбилась, с самого первого раза, как только мы познакомились, когда ты искал Артюра, а я сидела на стене ограды. Помнишь?

– Ах, Софи, еще бы мне не помнить! – Я нежно поцеловал ее, и она приникла к моей груди. – Это было как в сказке. Я чуть было не подумал, что ты какое-то существо не из этого мира. Мне тогда показалось, будто Артюр стоит и разговаривает с деревом. Я так обрадовался, что он нашелся, а потом увидел тебя. А затем мы пошли в кафе «L'Artiste». У меня это, кажется, был первый хороший вечер с тех пор, как умерла Элен, но я тогда был целиком погружен в свое горе.

Она кивнула:

– Уж это я знаю, Жюльен! Когда я читала твое письмо, у меня просто сердце сжималось от жалости. Ты был в таком невероятном отчаянии, ты просил Элен, чтобы она послала тебе какой-нибудь знак, и я...

Она на миг запнулась, и на глазах у нее выступили слезы.

– Меня это так глубоко тронуло, Жюльен, и так хотелось тебе помочь. – Она откинулась на спинку дивана, на котором мы с ней сидели. – И тогда я взяла и прочитала все твои письма. От первого до последнего, которое ты принес на могилу. Я была потрясена. Я же видела, как тебе плохо и как ты горюешь по своей жене, но то... – Она покачала головой. – Мне так хотелось снова вернуть тебе счастье, направить твои мысли в другую сторону. И тогда мне пришло в голову ответить. – Она улыбнулась. – Я проложила свой след и надеялась, что в конце концов он приведет тебя ко мне. Честно говоря, я даже удивлялась, как долго ты не догадывался, что это я...

– Да нет же, я думал тогда о тебе, – перебил я ее. – С самого начала я перебрал все возможные варианты. Но у тебя ведь был друг, который все время тебе звонил. Откуда мне было догадаться, что Chouchou – это твой отец! А почему, кстати, ты его так называешь?

Она лукаво улыбнулась:

– Это пошло еще из моего детства. Мама всегда называла папу mon petit chou^[69], а у меня это как-то само собой превратилось в Chouchou.

– Ну и последняя великая тайна, – сказал я, осторожно убирая упавшую ей на лоб прядь. – То есть предпоследняя. Почему эта история с письмами так резко вдруг оборвалась? – Я испытующе

посмотрел на нее, и она покраснела. – Неужели ты обиделась за то, что я забыл про условленную встречу?

– Ну что тут сказать, – произнесла она упавшим голосом. – Ты так долго задержался на могиле, не шел и не шел, и тогда я решила сама пойти за тобой. И тут увидела у могилы Катрин с письмом в руке и как ты на нее орешь, ну я и спряталась, быстренько забравшись на старый каштан.

– И все оттуда услышала?

Она кивнула:

– Ты так возмущался из-за писем и все время повторял: «Это личное, *личное!*» И тут я сама ужасно испугалась – вдруг поняла, что наделала. Уж если ты мог так беспощадно отругать старую знакомую, то что же будет со мной, если ты обнаружишь, что я вот так без спросу взяла и прочитала твои письма? – Она взглянула на меня. – И тут мой хорошенький карточный домик, который я строила для нас, в один миг развалился. А потом ты еще сказал, что я просто случайная знакомая с кладбища.

– Да, – кивнул я горестно. – Я так жалею об этом, Софи! Я пожалел, едва произнес эти слова. У меня просто нервы сдали из-за того, что Катрин все приставала ко мне со своими вопросами. – Я взял Софи за руку. – Никогда, Софи, ты не была для меня просто случайной знакомой, – добавил я тихо.

– Да, я поняла. Теперь-то я знаю. Но услышать эти слова из твоих уст было для меня большим шоком.

– И ты со страху сразу свалилась с дерева.

– Нет-нет, – заулыбалась Софи. – Если бы я свалилась с дерева, как переспелое яблоко, вы услышали бы, правда? После того как ты ушел, такой сердитый и хмурый, я еще немного посидела на ветке. Как же у меня было скверно на душе! А когда наконец решила слезть, неловко соскочила и при падении подвернула ногу. Было так больно, как будто лодыжку сломала. А до этого ты еще сказал, что вообще больше никогда не влюбишься. – Прижав руку к сердцу, Софи скорчила уморительную гримаску. – Я проревела весь вечер.

– Ох! – вздохнул я, представив себе, как Софи ковыляет по дорожке кладбища. – И впрямь для нас выдался тяжелый денек. А потом?

– Потом я несколько недель не ходила на кладбище. На ногу было не наступить, и ни о какой работе нечего было и думать. У меня было много времени над всем поразмыслить, и я совсем приуныла. Пока...

– Пока ты не нашла мое последнее письмо к Элен.

– Да. – Она кивнула, и ее лицо просветлело. – И я была так счастлива, прочитав, что ты по мне скучаешь. Что ты в конце концов все-таки влюбился. В меня! – Она наморщила лоб. – Но тут я вспомнила, что ты ведь еще не знаешь, кто на самом деле забрал твои письма, и мне вдруг сделалось так страшно, что ты меня не простишь! – Она смущенно подергала свое платье. – Ты ведь правда больше не сердись на меня, Жюльен? Знай, я все это делала только из любви к тебе. Я люблю тебя, Жюльен!

Она повернулась ко мне, и я растроганно вспомнил, как увидел ее лицо в первый раз. Она сидела на стене ограды и смотрела на меня сверху, а я сначала принял ее за какого-то коболяда. Я вспомнил нашу ночную прогулку по Монмартру, этот магический час, пока наши дороги не разошлись, и как я смотрел ей вслед с некоторым сожалением. Уже тогда у меня зародилось предчувствие, какая-то мысль или желание, которое я не решился додумать до конца.

Я порывисто обнял ее.

– Ах, Софи! – прошептал я, зарывшись лицом в ее волосы. – Как же я надеялся, что это окажешься ты!

Потом, когда Софи уже спала в моих объятиях, я еще долго смотрел в темноту, которая в ту ночь не была сплошным мраком, потому что в окно падал серебряный луч, и я подумал: жизнь бывает печальной и забавной, страшной в своей несправедливости и вдруг снова оборачивается чудом.

И она несказанно прекрасна.

Эпилог

На знаменитом холме Монмартр в центре Парижа, где на площади Тертр вокруг уличных художников, выставляющих свои сомнительного достоинства творения, толпятся туристы, где весной по оживленным улочкам гуляют, взявшись за руки, влюбленные, а устав, присаживаются на ступеньках базилики Сакре-Кёр отдохнуть и полюбоваться раскинувшимся перед ними городом, пока он, розовея в последних лучах заката, не погрузится в ночную тьму, – так вот, на этом холме есть еще и свое кладбище. Это кладбище очень старинное, с многочисленными дорожками и широкими тенистыми аллеями, укрытыми развесистыми кленами и липами, и у каждой дорожки, как у настоящих городских улиц, имеется свое название и нумерация. В этом маленьком городке очень тихо. Среди тех, кто здесь похоронен, есть и знаменитости, а есть и совсем неизвестные. Есть могилы с великолепными надгробиями и статуями ангелов, облаченных в длинные каменные одеяния, они стоят, простирая руки и устремив взор к небесам.

На кладбище входит темноволосый мужчина. Он ведет за ручку маленького мальчика и останавливается у ничем не знаменитой могилы. Тот, кто в ней похоронен, ничем не прославился. Это не писатель, не музыкант или художник. И даже не дама с камелиями. Просто человек, которого очень любили.

Однако ангел на бронзовой плите, помещенной на мраморный постамент, – один из самых красивых на кладбище. Женская фигурка, обернувшаяся назад с серьезным, может быть, даже философским выражением на лице; длинные волосы взвились, точно подхваченные дующим в спину ветром.

Мужчина немного постоял у могилы. И все это время до него доносился детский смех: за воротами его дожидалась молодая женщина с ребенком.

Погода пока еще теплая, но лето уже кончается. В воздухе, трепеща крылышками, мелькнула бабочка и, покружив, села на могильную плиту и замерла, сложив крылышки.

Мужчина достал из сумки письмо. Это последнее из тридцати трех писем, которые он написал жене. Положив письмо в тайник, он закрыл дверцу. Отступив на шаг, он бросил последний взгляд на бронзового ангела, лицо которого имеет знакомые черты, и положил на могилу букет роз – наверное, самый большой из всех, какие лежат на кладбище Монмартра.

– Ты была такая мудрая женщина, Элен, – говорит он с немного печальной улыбкой. – Я-то знаю, что это ты все устроила, чтобы выиграть пари. Я знаю тебя, Элен. Ты не умеешь проигрывать. Это у тебя было всегда.

Он постоял еще немного, глядя на отрешенное лицо прекрасного ангела. На долю секунды мужчине показалось, что ангел едва заметно улыбнулся. Мужчина говорит: «Au revoir^[70], Элен!» – и с улыбкой уходит, направляясь по дорожке к воротам.

Все случилось для него неожиданно-негаданно, как вообще приходит к человеку счастье или любовь. А между тем то и другое всегда где-то рядом. Теперь он это узнал.

У ворот его ждут сынишка и любимая женщина. Они берутся за руки и идут навстречу ясному дню.

Мужчину зовут Жюльен Азуле.

И Жюльен Азуле – это я.

Дорогая Элен!

Это мое последнее письмо. Как и обещал, я написал тебе тридцать три письма. Когда ты брала с меня это обещание, Элен, я был настолько убит горем, что не поверил бы тогда твоим словам: что, когда я дойду до этого письма, в моей жизни уже наступит поворот к лучшему. Когда ты так сказала, сама мысль об этом была для меня ненавистна, я отбивался от нее руками и ногами.

И вот произошло то, что казалось тогда невообразимым.

Я действительно влюбился. Более того – ко мне пришла настоящая любовь. Я люблю и каждое утро вновь удивляюсь, что мне выпал этот великий дар.

Год назад я еще был несчастнейшим человеком в мире. Мое сердце окаменело, словно отгородилось от мира

стенной. И тут в мою жизнь вошла эта женщина. Она во всем от тебя отличается, Элен, и тем не менее я люблю ее всем сердцем. Уму непостижимо!

Похоже на слова Вуди Аллена: сердце – очень подвижный маленький мускул.

И знаешь что, Элен? Я очень рад, что так случилось.

Хотя, как выяснилось, не ты оставляла для меня в тайнике все эти вещи, я снова уверовал в чудеса. Иногда мне хочется верить, что это ты тогда прислала бабочку, за которой побежал Артюр и которая привела меня к Софи. И кто знает? Может быть, так оно и было.

Артюр сразу полюбил Софи, со мной же это случилось не так быстро. Но ведь я всего лишь глупый мужчина, как шутит порой Софи.

Этим летом я так и не поехал в Онфлёр.

Мне захотелось остаться рядом с Софи, которую я только что нашел.

Матап сначала немного расстроилась, когда я сказал ей по телефону, что не могу поехать в Онфлёр. Но когда я ей сказал, что рядом со мной теперь есть девушка – а ведь она сама говорила, что где-то должна существовать девушка, которая влюбится в ее сына, – она порадовалась за меня.

– Ах, детка! – то и дело растроганно повторяла она. – Ах, детка!

Для матери ты всегда остаешься деткой, будь тебе хоть восемьдесят лет. Я посмеялся, но мне даже страшно подумать, что наступит день, когда некому будет обратиться ко мне: «Ах, детка!»

Вот лето почти и прошло. Кончились отпуска, и все снова вернулись в Париж.

Камиль на днях родила ребенка, прелестную девочку Полину. Мы все собрались у нее, Кароль сияла от счастья, и даже у Поля выдался момент просветления: взяв на руки младенца, он сказал, что ничего не может быть прекраснее, чем такое маленькое существо.

Мы все стояли рядом растроганные, и Артюр даже не отдернул руку, когда малютка своей крошечной ручонкой

крепко схватила его за палец. Артюр все еще «ходит» с Джульеттой. Недавно она была у нас в гостях, и я слышал, как Артюр сказал Джульетте, что очень рад за папу, у которого тоже теперь есть с кем ходить.

Софи еще не покинула свою мансарду, но почти каждый день приходит после работы к нам и остается ночевать. Как хорошо, когда в квартире снова есть женщина, которая наполняет мою жизнь светом. Нет, не просто какая-то женщина, а Софи. Потому что, в отличие от Александра, я не верю, что влюбиться можно в кого угодно. Узнав, что за всем случившимся, оказывается, стояла Софи, он сказал, что всегда так и думал. В этом весь Александр! А ведь на самом деле готов был держать пари, что это твоя, Элен, подруга Катрин! Я очень рад за Катрин, что она как будто преодолела свой кризис: она очень приветливо поздоровалась с нами, встретив меня с Софи и Артюром в подъезде, причем с ней был молодой человек, которого она представила как своего нового сослуживца.

И еще один человек счастлив. В свое время он помешал мне, когда я писал тебе, Элен, первое письмо, и случилось так, что помешал и с последним письмом. Только я сел за письменный стол, как вдруг позвонил Жан-Пьер Фавр и спросил, как продвигается роман.

– Роман продвигается вполне хорошо, – ответил я, не погрешив против истины. – Я его почти закончил. Однако же...

Тут я сделал паузу.

– «Однако же»? – повторил он нетерпеливо. – Прекратите это, Азуле, не надо меня мучить!

– Однако получилась совсем не та книга, что я задумывал.

– Вот как?

– Что вы скажете о любовной истории, которая начинается на кладбище?

– На кладбище? – повторил он за мной и на минутку задумался. – Гм... Почему бы и нет? На кладбище – это оригинально. Да-да, мне это нравится. Все хорошие романы

начинаются с похорон. Но как насчет конца? Хеппи-энд будет?

– Будет, будет, – успокоил я его. – В конце концов, я же пишу романтические истории, не так ли?

Издатель засмеялся:

– Хорошо, хорошо, Азуле. Но не забывайте и про книжку об издателе, который танцует при лунном свете! Вы же не отказались от нее окончательно, n'est-ce pas?^[71]

– Ни в коем случае, – пообещал я. – Она будет следующей.

– Прекрасно! По-моему, к вам вернулся прежний задор, Азуле, – сказал Жан-Пьер Фавр довольным тоном.

И похоже, он прав, мой старый издатель. Моя жизнь была так тяжела, а теперь снова обрела легкость. Может быть, она и не легче воздуха, но все же очень легкая. Я счастлив, Элен. Я и не думал, что когда-нибудь смогу сказать это о себе. Я так преисполнен любовью к Софи, но и тебя тоже часто вспоминаю с любовью. Думаю, мое сердце способно вместить вас обеих. Но мое место, Элен, здесь, а твое на кладбище или где-то там, в надзвездном мире.

Это мое последнее письмо к тебе, мой ангел, и думаю, что его уже никто не прочтет, кроме тебя. Оно будет покоиться в твоём надгробии, пока кто-нибудь не найдет его там много-много лет спустя и не подивится этому знаку большой любви.

Может быть, к тому времени и я давно умру и мы снова будем вместе, как в те майские дни. Но до тех пор я буду жить и любить.

Твой Жюльен

Послесловие

Каждый роман – это художественный вымысел, но в то же время в нем находят отражение такие явления или события, которые происходили или могли происходить в реальной действительности. Замысел этого романа возник у меня несколько лет назад, когда я гуляла по старому кладбищу. Это было не кладбище Монмартра, выбранное мною для этой книги, отличающееся, на мой взгляд, особым своеобразием, а маленькое тихое кладбище, которое находится далеко от Парижа. На этом маленьком кладбище тоже стоит ангел, и он послужил прообразом бронзового ангела на могиле Элен, и там же я прочла стихи о влюбленных, встретившихся в мае, которые запали мне в душу и вдохновили на создание этой истории.

Я в буквальном смысле наткнулась на них, ибо эти строки были выгравированы на круглой каменной плите, которая попала мне по пути на одной из дорожек. Буквы были так забиты песком, что я смогла их прочесть лишь после того, как осторожно смахнула его с плиты.

Я много думала об этих влюбленных и от души пожелала им, чтобы они снова встретились и были вместе, как в те майские дни. На этом маленьком кладбище, заросшем старыми деревьями и зелеными кустами, среди его холмистых лужаек давно уже никого не хоронят. Тут греются на солнышке старички с газетами, летом молоденькие студентки, расстелив пляжное полотенце, устраиваются полежать с книжкой. По дорожкам неторопливо гуляют влюбленные пары. Подружки делятся друг с другом секретами, молодые родители катают в колясках младенцев. А иногда видишь, что среди надгробий развешены бумажные фонарики, и это создает совершенно волшебную атмосферу. Со всех сторон слышится детский смех – это дети с матерями устраивают пикник.

У меня возникает приятное впечатление оттого, что в этом мирном уголке, где когда-то нашли последнее упокоение умершие люди, продолжается жизнь. По той же земле топочут детские ножки, люди размышляют о чем-то своем или дарят друг другу улыбки.

Я думаю, что мертвым это нравится. Что они по-доброму, снисходительно смотрят на нас, живых, так мало знающих о вещах, которые, возможно, есть между небом и землей. И что они постоянно напоминают нам: ответом на все вопросы служит любовь.

Париж, май 2018 г.

notes

Примечания

1

Международный сигнал бедствия, используется в радиотелефонной связи. «Мэйдэй» представляет собой искаженной французское «m'aidez» – «помогите». *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Американский режиссер и сценарист (1905–2002), создавший за полвека более шестидесяти фильмов, в том числе «Сабрина», «Зуд седьмого года», «В джазе только девушки».

Американский режиссер, сценарист и кинокритик (р. 1939).

4

Французский певец и композитор (1933–2004).

«Ты – солнце моей жизни» (*фр.*). Автор песни – Саша Дистель.

6

Бабушка (*фр.*).

От «Belle Époque» – прекрасная эпоха (*фр.*) – принятое во Франции название периода конца XIX – начала XX вв., который завершился с началом Первой мировой войны.

Кладбище Монмартра (*фр.*).

Где, странник усталый, найду я
Последний приют для костей?
Под милыми липами Рейна?
Под пальмами южных степей?

В глухой ли пустыне я буду
Схоронен чужою рукой,
В песках ли зыбучих у моря
Улягусь на вечный покой?

Что нужды? Ведь Божие небо
Останется вечно при мне,
И звезды, как факелы, будут
Гореть надо мной в вышине.

(Перевод П. И. Вейнберга)

«*Жюль и Джим*» – фильм Франсуа Трюффо (1962).

Хорошо (*φρ.*).

«Сад растений» (*фр.*) – название ботанического сада в Париже.

«Запрещенные игры» (*фр.*) – фильм Рене Клемана 1952 г.

«Если ты пожелаешь» (*фр.*).

Во Франции принята двадцатибалльная система оценок.

Любовь моя (*фр.*).

Утиное конфи (*фр.*) – особым способом зажаренная утка.

Персонажи античной мифологии, супруги, чье желание умереть одновременно было исполнено Зевсом, превратившим их в дуб и липу.

«Сумерки» (*фр.*) – название духов фирмы «Герлен».

По-видимому, подразумевается автор романа «Сожженная заживо» (2003), скрывшийся за псевдонимом Суад (Souad).

Хватит! Кончено! (*фр.*)

Дорогой (*фр.*).

Надо же! (*фр.*)

Последние важные слова (*англ.*).

В почтовой карете вдвоем мы
Несемся сквозь сумрак ночной,
Ласкались друг к другу мы нежно,
Смеялся, шутил я с тобой.

И как же, дитя, мы дивились
С тобою, как день рассветал:
Меж нами – негаданный спутник —
Лукавый Амур восседал!

(Перевод К. Д. Бальмонта)

Скорбь (*φρ.*).

Художник (фр.).

Лазанья по-болонски (*фр.*).

Куриные окорочка (*фр.*).

Жаркое из говядины по-бургундски (*фр.*).

Помни о смерти (*лат.*).

Живи настоящим (*лат.*).

Доброй ночи! (*фр.*)

Традиционный французский горячий салат с козьим сыром.

Послушайте! (фр.)

Да заткните вы, черт возьми, глотку, вы же на кладбище! *(англ.)*

«Две мельницы» (фр.).

Из стихотворения Петера Розеггера (1843–1918); в оригинале:
«Drum schenkt sie während des Lebens, denn auf den Gräbern blühen sie
vergebens» (нем.).

Дорогой друг (*фр.*).

Великолепно (*фр.*).

Лотарингский пирог (*фр.*).

«Мир мечтателей» (*фр.*).

«Старая голубятня» (фр.).

Разве ты не хочешь, чтобы мы забыли про этот поцелуй? Мы ведь не любим друг друга? *(англ.)*

Роковая женщина (*фр.*).

Дурачок (*фр.*).

«В чем-то лучше, в чем-то хуже – то и другое вместе» *(англ.)*.

Большое спасибо (*фр.*).

Чувствовать себя и лучше, и одновременно хуже (*англ.*).

Чушь собачья (*англ.*).

Мой друг (*фр.*).

Дышите! Дышите! (*фр.*)

Пусик (*фр.*).

Б. Л. Пастернак окончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета.

Смысл существования (*фр.*).

«Две мартышки» (фр.).

Господи! (*фр.*)

Бифштекс по-татарски.

Стена, покрытая надписями «Je t'aime» – «Я тебя люблю» (*фр.*).

Любовь моя (*фр.*).

Группа эстрадных артистов-агитаторов коммунистического толка, для которой Жак Превер писал стихи и памфлеты.

Пожалуйста (*фр.*).

Имеется в виду картина немецкого художника И. Г. В. Тишбейна «Гёте в Кампанье», выполненная во время итальянского путешествия поэта 1786–1787 гг.

64

Отлично (*фр.*).

Кладбище Монмартра (*фр.*).

Тайна сердца (*англ.*).

Американская джазовая певица (р. 1979).

Детка (*фр.*).

Миленький мой (*фр.*).

Прощай (*φρ.*).

Не так ли? *(фр.)*